

Е Корешкова

Контакт с нарушением

Если сможешь - забудь

Студент провинциального вуза Сергей знакомится с однокурсницей, не подозревая, что девушка, на самом деле, является этнографом инопланетной научно-исследовательской экспедиции. Нарушение правил контакта становится началом цепочки непредсказуемых событий, когда прощание еще не конец, а парсеки — не расстояние.

Глава 1

У Сергея разболелся зуб. Началось мучение еще утром, после того, как за завтраком неудачно разгрыз косточку из компота. По мнению бабушки на больной зуб надо было положить таблетку анальгина, отец рекомендовал лечиться табачным дымом, а мать, как наиболее решительная, потребовала, чтоб сын немедленно отправился к стоматологу. Но была среда, а зубной по средам принимает только после обеда. Так и пришлось идти в институт, захватив с собой рекомендованные средства.

В вестибюле мельком глянул в большое зеркало. Оттуда недовольно скривилась страдальческая физиономия коротко стриженного блондина с заметно раздутой щекой. Тот еще видочек!

До второй пары Сергей еще кое-как протянул. Добросовестно держал за щекой анальгин, а в перерывах старательно смолил одну сигарету за другой, хотя обычно почти не курил. Домашние средства практически не помогали. Ко второй паре он прикончил всю упаковку таблеток и обкурился до тошноты, а боль становилась все сильнее. Добравшись до следующей аудитории, Сергей рухнул за стол и страдальчески закрыл глаза. Институт для него больше не существовал.

А ведь сегодня, после лекционной недели, когда они занимались всем курсом, начинались групповые занятия.

Верный друг, толстый очкарик Леха, сочувственно гладил Сергея по рукаву, ничем больше помочь не в состоянии. Девчонки, а группа у них была почти полностью женская, парней только трое, шумно и весело рассаживались по местам, обживая новую для них аудиторию. Сергей только жмурился и, сам того не замечая, постепенно вскидывал подбородок, стараясь хоть как-то ослабить боль. Вид у него при этом был, наверное, ужасный, потому что парень услышал над собой незнакомый, приятного мягкого тембра голос:

— Тебе плохо?

Он открыл глаза. Рядом стояла тоненькая высокая девушка в темно-сером, крупной вязки, пушистом свитере и довольно потертых джинсах, с черной кожаной сумкой через левое плечо. За плохо соображающего Сергея ответил, причем довольно грубо, Леха:

— Отстань! Не видишь, человек помирает, зубы замучили. Вали отсюда!

Но девушка отваливать не собиралась. Наоборот, она присела за соседний стол и, склонив голову набок, спросила?

— Ты что, не сумел снять боль?

Сергей уничтожающе посмотрел на нее. Возразить, что-либо на это издевательство у него уже не было сил.

— Смотри на меня! — вдруг приказала девушка. Страдалец оторвал голову от трубы, — который зуб?

— Внизу, коренной слева. — Простонал он.

Незнакомка через стол протянула руки и приложила ладони к его щекам, пальцами касаясь висков. Вся группа столпилась во круг.

— Смотри на меня! — повторила девушка приказ.

Сергей поднял потемневшие, наполненные болью глаза, и обалдел, встретив ее взгляд. Он еще никогда не видел таких глаз. Огромные, нежно удлиненные вверх к вискам, какого-

то невероятно-зеленого цвета, они смотрели, не мигая, в упор. Ее ладони, сначала прохладные, вдруг сделались горячими, почти обжигающими. Под этим пронизывающим взглядом, тоже не смея мигнуть, Сергей почувствовал, как боль стихает, прячется и, когда девушка отняла руки от его лица, он удивленно понял, что боли нет, исчезла.

Тут вошел преподаватель, и девушка быстро отвернулась. Теперь Сергею были видны только ее спина и волосы, собранные в толстый хвост фиолетовой пушистой резинкой. Светло-русые, с легким золотистым оттенком, немного волнистые на кончиках и поблескивающие изнутри каждой волосинкой.

— Кто это? — вполне оживший Сергей толкнул товарища в бок.

— Да я тебе говорил вчера, — прошипел тот, — новенькая, перевелась откуда-то.

Преподаватель сделал им замечание, и друзья замолчали, но учеба Сергею на ум не шла. Он все старался припомнить те слова, которыми можно было определить цвет глаз незнакомки. Это была не та водянистая прозрачность, что бывает у рыжих. Не кошачья зелено-желтая окраска. Не серо-зеленый, довольно распространенный оттенок, а самая настоящая насыщенная яркость. Все говорят — «изумрудные глаза». Нет. Изумруд не подходил, скорее цвет яркого малахита, вот не думал, что такие бывают.

В перерыве Сергей подошел к своей спасительнице.

— Ты меня здорово выручила. Спасибо. — И спросил, — Как тебя зовут?

— Алина. — Медленно, почти по слогам, произнесла девушка, как бы прислушиваясь к звучанию собственного имени.

— А я Сергей.

Больше сказать не сумел ничего, ошарашено молчал и, замерев, разглядывал тонкие правильные черты лица, довольно крупный, четко очерченный рот, стройную фигурку.

А девушка насмешливо улыбнулась и, тоже ничего не говоря, выскользнула в коридор. Парень был сражен на месте. Сердце дрогнуло и зачастило.

Но не он один обратил внимание на новенькую. Почти все немногочисленные на их историческом факультете парни, безуспешно пытались оказывать ей знаки внимания. Сергей тоже стал ее тенью. Теперь у него явно появилось желание ходить на занятия. Нет, он не мечтал с самого детства стать историком, как Леха, просто институт находился рядом с домом, всего четыре остановки, и родители настояли на поступлении, не желая отпускать сына от себя.

Алина старалась не привлекать к себе внимания однокурсников: одевалась неярко, косметикой почти не пользовалась, на занятиях садилась где-нибудь сзади. Но, даже если носить просторный свитер со спущенными плечами, скрывающий под собой фигуру, и нарочно ходить, глядя себе под ноги, красоту все равно не спрячешь.

Именно для Алины Сергей надевал каждое утро чистую рубашку и до блеска начищал ботинки. Куда бы девушка ни шла: на занятия, в столовую, в читальный зал — всегда, чуть позади, можно было увидеть высокую сильную фигуру Сергея. В двух-рях он неизменно оказывался рядом, придерживая тяжелую створку и оттесняя, если нужно, напирающих сокурсников. Иногда Алина благодарно улыбалась парню и ее кошачий, хитровато-веселый взгляд встречался с его восхищенным, полным надежды и ожидания. Казалось невозможным, как в его серых, холодных от природы глазах может быть столько теплоты и любви.

Чаще всего девушка пропадала в читальном зале, брала множество книг по новейшей истории, просматривала их все от корки до корки, почти не задерживаясь ни на одной

странице. Интересовалась она и технической литературой, пролистывала Большую энциклопедию. Создавалось впечатление, что Алина ищет, сама еще не зная что, и не может найти. Сергей садился за соседний стол, делал вид, что занимается, и ждал, когда же, наконец, однокурсница обратит на него внимание. И ведь дождался!

Однажды Алина сама обратилась к нему:

— Послушай, если уж ты решил повсюду меня преследовать, то может быть, ты покажешь мне ваш город?

И они почти каждый вечер стали подолгу бродить по осенним улицам, как два добрых старых друга. А Сергей все не мог себя заставить признаться в любви. Теперь они всегда были вместе, расставаясь только на ночь. Даже Леха и тот обиделся, когда Сергей пересел от него за задний стол к Алине.

Однажды ясным безлунным вечером, провожая девушку к общежитию, Сергей вспомнил, что его конспект остался в сумке у Алины.

Вахтерша, стоя на высоком, ярко освещенном крыльце, умильно сюсюкала над детской коляской, ничего не замечая вокруг. Однокурсники переглянулись и проскользнули мимо нее в общежитие. Сергей как мог, тянул время, расставаться ему не хотелось, и, получив свою тетрадь, он не отправился вниз, а пригласил девушку на крышу — посмотреть на ночной город. Отсюда, с плоской крыши девятиэтажки открывался прекрасный обзор. За недолгое время, что они пробыли в общежитии, желто-зеленый закат погас почти полностью, и звезды все обильней проступали на небе.

Алина больше смотрела не на россыпь огней ночного города, а, запрокинув голову, вверх, где уже обозначилась широкая полоса Млечного Пути.

— Ты так любишь звезды?

— Сам смотри, ведь это на самом деле красиво!

— Летом на даче, я часто выходил в сад, вставал на дорожке, чтоб ветви не мешали, и тоже смотрел на звезды. Это совсем не то, что изучают по астрономии. Я в учебнике столько раз открывал карту звездного неба, но так почти ничего не понял. Разве что Большую Медведицу найду и Стожары, да зимой Ориона. Вот, пожалуй, и все. — И обернулся к Алине, все так же смотрящей вверх. — А ты помнишь созвездия?

— Здесь совсем другое небо. — задумчиво отозвалась она.

— Ну да, конечно, в городе воздух не тот. Звезды тусклее, но их все равно видно, хоть и не все. — Сергей осторожно взял девушку за руку, — я перечитал, наверное, всю фантастику о космосе, звездных войнах и других мирах. У меня дома большая библиотека и фильмов много. Как-нибудь я тебе все покажу.

— Да, конечно, — машинально ответила девушка, не отрывая глаз от неба.

— Аль, ты веришь в другие миры? — и, не дождавшись ответа, продолжил: вот, может, на Полярной звезде тоже живут люди и смотрят сейчас на нас с тобой.

— Там нет обитаемых планет. — Быстро возразила она, — но в других местах Вселенной есть цивилизации очень похожие на земную. Есть и другие, совершенно отличные от человеческой. Но раз ты увлекаешься фантастикой, ты сам должен бы это знать. По крайней мере, верить, что это действительно так.

— Да, ты слышала, недавно над городом видели НЛО. Говорят, настоящая летающая тарелка!

— Чепуха! — вдруг резко оборвала его Алина.

— Ага, чепуха! — возмутился Сергей, — если люди взаправду видели, причем дважды. Когда садилась и взлетала. Где-то за рекой, в Большом парке. Только следов никаких не нашли. Говорят, что если они садятся, то остается круг выжженной земли, а тут ничего. Как ты думаешь, что это было?

— Не знаю. — Равнодушно ответила девушка и посмотрела на часы. На табло ярко светились цифры 23.48. Часы у нее были очень крупные, скорее мужские, чем женские, и, кажется, импортные. По крайней мере, Сергей раньше таких не видел.

— Уже поздно, — вздохнула Алина, плотнее запахивая куртку. — Нужно спускаться. А то девчонки и так уже обижаются, что я в комнату только ночевать прихожу. Да и ты опоздаешь на автобус.

— Ничего, я пешком. Мне недалеко, — успокаивал ее Сергей. — Смотри, вон темные корпуса — это институт. Левее, за парком, где труба и огоньки — это теплостанция атомная и там лаборатория у физиков. Самая старая теплостанция из всех действующих. Ее давно уже закрыть собираются, да все никак не соберутся. Там только один реактор остался, тепло дает на три района. А еще левее и ближе сюда, через проспект, где реклама красная, — старательно объяснял он, показывая рукой, — вон за тем зданием и мой дом. Только его отсюда не видно, — и, вздохнув, согласился: — Ладно, пошли.

Они, почти не касаясь перил, сбегали вниз по крутой, металлической лестнице на девятый этаж и закрыли за собой люк.

— Интересно, а как я мимо вахтера пройду? — спохватился парень.

Да, это было серьезное препятствие, грозящее, по крайней мере, выговором, а то и лишением стипендии: как-никак женское общежитие.

— Я отвлеку ее, — пообещала Алина, — пока я буду с ней говорить, она тебя заметить не должна. Проскакивай побыстрее.

Вахтерша и в самом деле не обратила на Сергея никакого внимания, и он благополучно выскользнул на улицу.

С третьей лабораторной пары их группу отпустили пораньше. Девчонки отправились кто куда, а парни, все четверо, в магазин через дорогу, где в отделе игрушек продавались детские пневматические пистолеты, стреляющие пластмассовыми шариками, на вид почти не отличимые от настоящих. Вооружившись, решили пугнуть девчонок, благо, день был сереньким, и смеркалось рано. Разорились еще на две пары черных капроновых чулок, и тут же, в магазине простригли в них дырки для глаз, превращая в гангстерские маски.

С чего на них, на всех четверых разом, напала тогда детская лихая дурь, потом никто так и не мог вспомнить. Все было как в настоящем боевике. Хлопнули рукой по выключателю и ворвались в аудиторию, где в ожидании начала последней пары уже собрались почти все девчонки.

— Не двигаться! Это ограбление! Деньги, кольца, цепочки, серьги на стол!

Реакция оказалась такой, как предполагалось. Девчонки завизжали и попятились от наставленных пистолетных стволов. Только Алина осталась там, где стояла. Ловким стремительным движением она крутнулась на чуть согнутых ногах, чтобы оказаться лицом к

налетчикам, и замерла в позе остановленного броска. Левую руку с растопыренными пальцами, она, удерживая равновесие, откинула чуть в сторону, а правую, до локтя прижатую к боку, выставила перед собой, странным образом вывернув кисть ладонью вверх с пальцами сложенными щепотью. Она явно собиралась каким-то образом дать отпор всем нападавшим.

Лёха не выдержал первым. Он уже с хохотом драл с лица черную маску. Сергей включил свет и увидел, как Алина облегченно выдохнула и расслабилась, опустив руки. Через десять секунд она уже смеялась вместе со всеми.

— А ты что, и в самом деле собиралась с голыми руками против пистолетов? — допытывался Сергей, — у тебя было такое выражение лица...

— Отстань! — обиженным тоном оборвала его девушка. — Шуточки у вас!

На следующий день, когда они вдвоем шли после занятий вдоль стриженной, по-осеннему багряной аллеики боярышника, Сергей, немного помявшись, спросил:

— Аль, ты что ведьма?

— Почему? — удивилась она, останавливаясь.

— Ну, как же... у тебя такие глаза... и ты мне зуб вылечила, и вообще...

— Нет, конечно, — рассмеялась она, откидывая волосы назад, — им положено заклинания знать, на метле на шабаш летать, чудеса всякие делать. А я никаких чудес делать не умею.

— Ага! — утверждающе — язвительно возразил Сергей, — а стакан?

— Какой стакан?

— С компотом! — и внимательно посмотрел на чуть смутившуюся спутницу.

Между прочим, про стакан нужно рассказать особо.

Дело было так: В перерыв Алина с Сергеем обедали в буфете. Сергей составлял не столик тарелки, на подносе оставался только стакан с компотом, когда кто-то нечаянно подтолкнул парня сзади. Поднос качнулся, и стакан полетел на пол. Алина молниеносно выбросила в сторону руку ладонью вниз над несчастным стаканом, и он, вместо того, чтобы вдребезги разлететься об кафельный пол, аккуратно на него опустился. Почти нисколько компота не пролилось. Все произошло настолько быстро, что Сергей ничего не успел сообразить. Он даже зажмурился и резко потряс головой. Нет, ничего не изменилось: стакан уже стоял на столе, и Алина сидела, как будто ничего особого не случилось.

— А, стакан... — как-то смутилась она, — это так, нечаянно вышло. Просто я умею управлять собственным организмом.

— Ты, что экстрасенсорикой занимаешься?

— Не совсем, — возразила она, но, чуть подумав, поправилась, — в принципе, можно и так считать. — И резко встряхнула головой, откидывая волосы назад, — что, уже испугался?

— Ничуть. Просто ты не такая, как все остальные.

— И что, здорово заметно? — озабоченно спросила девушка.

— Нет. Если только очень долго приглядываться. Но знаешь, с тобой легко, и мне кажется порой, что я смогу, наверное, понять тебя и без слов.

Алина улыбнулась.

— А ты прав, между прочим. Просто у нас с тобой одинаковое биополе, почти идентичное по структуре. Сила, конечно, разная, а синхронность почти полная.

— А что, это редко бывает?

— Очень, — и сразу попыталась сменить тему, предложив: Пойдем лучше в город. Ты обещал сводить меня в музей. Я только переоденусь.

Сегодня Алина решила не прятаться, сменив вечные джинсы на светло-кофейное платье и кофточку чуть темнее тоном, плотно облегающую стройную фигуру. Конечно же, им вслед оглядывались на улице, а в автобусе мужчины, к тихой ярости Сергея, восхищенно и завистливо пялились на Алину и старательно улыбались, кто как умел. Девушка держалась абсолютно спокойно, будто никого вокруг не было совсем.

После этого ада музей показался приютом тишины и покоя. Одинокие шаги ребят по паркетному полу гулко раздавались в залах среди картин и старинных вещей. Сергей уж и сам и не помнил, когда в последний раз приходил сюда. Здесь словно замерло время, сконцентрировались на небольшой площади разные века и ландшафты. Скалился огромным черепом динозавр, пучили стеклянные глаза звери и птицы сегодняшнего дня, надеялись пережить свое время старинные вещи и картины.

Алина почти не разговаривала, внимательно разглядывая экспонаты, а Сергей больше смотрел на нее, чем на музейные витрины. Сегодня девушка была необыкновенно хороша, и Сергей понемногу начал понимать ее желание хоть как-то спрятаться и меньше обращать на себя внимание. Хотя с такой внешностью трудно быть незаметной. И лицо и фигурка без изъяна, разве что плечи чуть широковаты, но это совсем незаметно.

Ходили по музею долго, а когда спускались к выходу по широкой мраморной лестнице, Сергей предложил, сам, испугавшись своей смелости:

Аль, пойдем ко мне в гости.

И она почему-то согласилась.

Вечер пролетел как одна минута. Разговаривали, смотрели старое— старое сказочное «Десятое королевство», ужинали всей семьей. А когда Алина сидела с бабушкой на мягком велюровом диване и внимательно рассматривала старый альбом с фотографиями давно прошедших лет, Сергей в глубине души ревновал, слушая, как они разговаривают, словно равные по возрасту. Потом девушка подошла к комоду, на котором у бабушки стояли потемневшие от времени иконы, и с двухметрового расстояния протянула к ним раскрытые ладони, удивляясь вслух:

— До чего же чистая была душа у человека, который их писал, и как крепка была его вера! — и обернулась к Сергею, — здесь так легко и спокойно, что поневоле хочется стоять и смотреть на них, даже если не умеешь молиться.

— А я Сереженьке образок маленький подарила, — заговорила бабушка, усаживаясь поудобнее, — нательный, вместо крестика. Его еще отец мой носил, а потом муж, царство ему небесное, на войну с ним ходил. Живым вернулся, даже не ранило. Кто его носит, с тем ничего плохого не случается, он от смерти спасает.

Глава 2

День с утра стоял такой солнечный, а вторая лекция была до того нудная и скучная, что Сергей с Алиной сбежали в перерыв на улицу, к осеннему небу, к облетающим деревьям, к парковым вянущим травам. Кончался октябрь, а погода стояла почти летняя. Институтский парк — огромный, постепенно переходящий в лес, за которым кончался город, из построек — только теплостанция.

Они шли без аллей, напрямик. Алина ловила падающие листья, осторожно гладила стволы деревьев, пропускала между пальцами тонкие веточки кустарников. Она опять гуляла в джинсах, кроссовках и легкой ветровке.

Сергей долго следил за ней, прежде чем сказал:

— Слушай, Аль, мне сейчас кажется, что ты никогда не видела осеннего парка. Ты что с асфальта всю жизнь не сходила?

Она не ответила, только мягко улыбнулась.

На сильный глухой хлопок они не обратили внимания. Горожане привыкли ко всяким шумам, да и день был слишком уж хорош. Они продолжали прогулку, углубляясь, все дальше в парк, пока не послышался пронзительный учащающийся писк. Девушка резко оторвала руки от нежной коры березы и быстро перевернула часы на браслете. Из-за ее плеча Сергей увидел другой, непривычный электронный циферблат, на котором играли быстро меняющиеся странные зеленые значки, а справа, вертикально в ряд располагались маленькие кнопочки: три белых, голубая и красная.

Он еще не успел ничего спросить, когда Алина обернулась к нему, и лицо ее было совершенно другим, незнакомо-тревожным, а голос жестким и серьезным.

— Между прочим, радиация! — и сразу же пристальный взгляд в глаза, — откуда? Думай быстрее!

— Эт-то, наверное, теплостанция. Я показывал тебе с крыши. Там у них реактор работающий. Больше вроде бы неоткуда ей взяться, — и кивнул на ее часы, — а это что у тебя?

— Сейчас — дозиметр, — быстро и равнодушно ответила она и потребовала: бежим к твоим физикам, нужно разобраться, что там творится. Ты знаешь, в какой стороне теплостанция?

Сергей взглянул вверх на солнце, сориентировался и махнул рукой вправо:

— Там!

— Веди!

И они через заросли, напрямик рванули в указанном направлении. Им повезло, вскоре они наткнулись на маленький бетонный столбик, на котором красной краской было выведено: Осторожно, кабель! Впрочем, букву «а» во втором слове какой-то веселый умник губной помадой исправил на «о», превратив закопанный в землю телефонный провод в собаку мужского пола. Причем это, с завидной настойчивостью, было проделано на всех столбиках, отмечающих маршрут прокладки телефонного кабеля к теплостанции.

Алина сразу, с места, взяла такой темп, каким бегут, разве, стометровку. И, хотя Сергей никогда не был слабаком в спорте, вскоре он начал отставать, сбиваясь с правильного дыхания. Девушка несколько раз оглянулась и, в конце концов, просто схватила его за руку и поволокла за собой.

Когда им преградил путь неширокий, с крутыми склонами овражек, Сергей уже судорожно хватал ртом воздух, как рыба на берегу, размазывая рукавом пот по лицу, а его спутница даже дышать чаще не стала. Будто совсем не бежала. Здесь телефонный кабель выбирался из-под земли и, заключенный в тонкую, крашенную зеленым, металлическую трубу, висел над овражком, на той стороне снова уходя под землю. Алина выпустила запястье Сергея, несколько секунд помедлила, прежде чем уверенно вступить на трубу. Сергей удивленно смотрел, как она, слегка балансируя руками, быстро перебежала по трубе, и, уже с той стороны призывно махнула рукой, приглашая. Быть канатоходцем парень не решился, заведомо зная, что сорвется. Тихо чертыхаясь, он полез в овраг, в густые заросли крапивы и ежевики, туда, где слабо журчал невидимый сверху ручеек. Он еще продирался сквозь высокие, с трудом проходимые дебри, яростно раздвигая осеннюю, но по-прежнему жгучую крапиву, а девушка уже нетерпеливо наклонилась над оврагом и протягивала ему руку, торопя:

— Быстрее! Быстрее!

Сильным рывком она выволокла Сергея из оврага, и, не глядя на него, исцарапанного, мокрого по колени, обвешанного колючками череды и репейника, вновь потащила за собой.

Глухой железобетонный забор теплостанции выглядел очень внушительно. За ним сильно парило. Густые белесые полосы пара утягивало в сторону парка, где они только что гуляли. Дважды им путь преграждали охранники, облаченные в мешковатые защитные комбинезоны и респираторы, но Алина резко выбрасывала в их сторону руку с открытой ладонью и приказывала:

— Тихо! Сидеть!

И вооруженные мужчины безропотно опускались на землю, не оказывая больше сопротивления. Одного из охранников внутреннего поста, девушка сгребла за грудки, поставила перед собой и приказала, тряхнув:

— Веди к начальству!

И он повел.

Сергею оставалось только, спотыкаясь, брести следом, все еще дыша, как загнанный зверь. То, что сегодня вытворяла Алина, походило скорее на приключенческий фильм, чем на реальность.

Именно это — чувство нереальности происходящего, оставалось почти единственным, что еще мог понять Сергей, глядя, как его спутница командует обслуживающим персоналом теплостанции. И, почти неотличимые друг от друга, в белых чепчиках и бахилах, и операторы и начальство, еще за секунду до их появления, решавшие свои задачи, теперь замерли на своих местах, словно заснули. Сергей тоже прислонился к дверному косяку и, в неожиданной, разом навалившейся полудреме, следил, как девушка подходила к операторам, наклонялась, трогая каждого за плечо, и тихо говорила:

— Займись своим делом!

Она остановилась, скрестив на груди руки, слушая доклад пожилого уже мужчины, который словно школьник, объяснял, что произошел поперечный разрыв напорного коллектора, главного циркуляционного насоса. Был большой выброс радиоактивной воды и пара. Реактор цел. Сейчас пытаются устранить аварию, но система аварийного охлаждения не справляется. Реактор выходит из-под контроля, есть сбой в системе управления. Если реактор не удастся срочно остановить, хотя работы по его остановке ведутся уже давно, и он

перегреется, произойдет взрыв.

Не в силах стронуться с места, Сергей, расширив глаза, смотрел, как Алина уверенно под села к компьютеру, и ее пальцы стремительно побежали по клавиатуре. А ведь она работала сейчас в совершенно незнакомой программе. К этому времени все присутствующие очнулись от оцепенения и продолжили прерванную работу, почему-то не воспринимая девушку, как постороннего человека. Будто присутствие ее здесь было делом вполне нормальным. Ей что-то показывали на экране, кто-то, отодвигая ее руку с клавиатуры, сам набирал информацию. Все разом что-то быстро и шумно говорили, а Сергей, тоже пришедший в норму, мог думать только об одном. О том, что молотом стучало в мозг:

— Сейчас будет взрыв. Снесет с лица земли теплостанцию. Пострадает город. А это полтора миллиона человек, полтора миллиона!..

Сергей подошел поближе и тоже встал за спиной у девушки. Она перестала работать и, держа пальцы у висков, вглядывалась в выведенную на экран схему планировки теплостанции. Алина просидела так не меньше минуты, потом решительно поднялась, и Сергей окликнул ее. Девушка нашла его взглядом и улыбнулась. Только улыбка получилась успокаивающе-грустноватой, словно она извинялась за что-то.

— Сиди здесь, с ними. Хорошо? — и заторопилась, — я пойду. Мне нужно. Я попробую. Я должна попробовать..., — и, почти бегом, направилась к двери.

Сергею оставалось только стоять и смотреть с каким упорством, уже, по сути дела, обреченные люди, пытаются восстановить контроль над работой реактора. А он явно перегревался. Всех как магнитом притягивал показатель температуры воды охлаждения. Цифры с упорной стабильностью росли, давно перейдя черту дозволенного уровня. Если бы удалось хотя бы отсрочить момент катастрофы!

И никто не сумел понять, почему резко, скачком дернулись стрелки разом на всех приборах, и началось что-то невероятное. Словно вся аппаратура вышла из строя: показатели скакали, не подчиняясь управлению. Температура воды начала уверенно снижаться, освещение тускнеть и мигать, и, наконец, главный инженер, вытирая платком лысину, неуверенно выговорил:

— Я ничего не понимаю, но, по-моему, реактор встает.

Кто-то включил экраны слежения, и Сергей вместе со всеми, увидел беспощадно парящий реактор, рабочих в противогазах и на одном из экранов реакторного зала — Алину, вернее одно только ее плечо со спины и поднятую правую руку у обреза экрана. И тут погас свет. Сергей успел увидеть на гаснущем экране, что девушка начала падать, заваливаться набок.

— Аль, Алька..., — тревожным полусшепотом позвал парень, словно она могла услышать его отсюда. Несколько секунд помедлил и бросился, еще сам не зная куда, к Алине.

— Стой, куда ты? — запоздало крикнули ему вслед. И уже в дверях нагнал радостный вопль инженера:

— Реактор встал! Слышите! Он встал!

Сергей долго плутал в душных паровых облаках, шлепая на бегу по лужам, почти незаметным на белом кафеле. В реакторный зал он не вбежал, а въехал на животе,

споткнувшись на пороге о пожарный рукав. В последний момент он успел выбросить перед собой руки и только поэтому не разбил лицо. Торопливо вскочил, весь мокрый, и быстро огляделся. Искать Алину не пришлось. Она лежала совсем близко, ничком. И лужица, в которую она ткнулась лицом, отличалась от других ярко-розовым цветом воды. Сергей, оцепенев, какое-то время стоял над ней и шумно дышал. Опомнившись, упал на колени и схватил девушку за плечи, поворачивая к себе лицом. Голова у нее безжизненно откинулась. Дыхание у парня перехватило. Кровь! Она заливала левую щеку и подбородок, продолжая вытекать из носа и уголка рта. Сергей хрипло и неуверенно позвал, спрашивая:

— Альк? Аль, ты что? — и осторожно разжал руки, опуская ее на пол.

С торопливой яростью, помогая себе зубами, он оторвал весь низ у своей футболки и стал осторожно вытирать кровь у нее с лица. В первый момент он чуть не отдернул руку, настолько холодной, почти обжигающе ледяной оказалась ее кожа. Тем более страшным и странным это казалось здесь, во влажной жаре реакторного зала. Как оглушенный, ничего не понимая, Сергей долго стоял на коленях и вытирал кровь. Дыхания у нее не было заметно, и пульс он не сумел прощупать, хотя и не был уверен, что правильно ищет его. В ушах стоял пронзительный писк. Сообразив, наконец, что это надрывается дозиметр у нее на руке и, что нужно, как можно быстрее уходить, парень подхватил подругу на руки и понес. Откуда-то появились двое рабочих. Они что-то мычали сквозь противогазы, недвусмысленно крутили рукой виска и отчаянно махали вдоль коридора, подталкивая в спину.

Сергей заглядывал девушке в лицо, непрерывно повторяя ее имя. Ответом был только отчаянный писк дозиметра. На дворе, обессилив, он опустил свою ношу на сухой пятак асфальта и, сняв с себя куртку, подложил ей под голову. Он гладил девушку по мокрым, слипшимся волосам, осторожно проводил кончиками пальцев по лицу и умолял:

— Аль, что с тобой? Ну, пожалуйста, не умирай! Не умирай! Ну, скажи, что ты жива!

И она, вдруг, несколько раз судорожно вздохнула, хватая воздух ртом. Сергей, обрадованный хоть какому-то признаку жизни, держа ее лицо в своих ладонях, начал торопливо и отчаянно целовать ее в глаза, в щеки, в губы...

— Господи, ты жива! Ну, только не умирай! Алька, не умирай! — он чуть не плакал, — Господи, что же делать? Аль, ты слышишь меня? Не умирай!

И она, в несколько судорожных выдохов, тихо, но вполне понятно произнесла:

— Все...можете...не...бояться...теперь...не...взорвется...я...его...остановила..., — и медленно, через силу, потянулась рукой к своему левому запястью. На ощупь, расстегнув запер, стала стаскивать часы через кисть и пальцы.

Сергей, не выпуская ее лица из своих ладоней, смотрел и не понимал, что же такое она делает. Девушка, наконец, открыла мутные глаза и, с трудом сосредоточив обессиленный взгляд на Сергее, прошептала, чуть разлепляя бескровные губы:

— Возьми браслет...нажми... красную кнопку...

— Сейчас, я сейчас! — странные часы, что соскользнули в его подставленную руку, оказались очень тяжелыми.

— Аль, потерпи. Сейчас кто-нибудь появится. Сейчас я тебя отнесу.

— Нет... — прервала она, вновь закрывая глаза, — неко...гда... сиди здесь... повторяй... за мной... — она с трудом выдыхала каждое слово. — Я — С-07 ... вызываю... «Аргон»... поверь... такнадо... запомни... и повторяй,... пока... не отзовутся... пожалуйста. Я... С-07... вызываю «Аргон»... авария реактора... Срочно... нужна помощь... повторяй,... слышишь... и вновь замолчала, замерев.

Сергей положил ее часы, хотя язык уже не поворачивался их часами, на левую ладонь, подумал-подумал и указательным пальцем правой руки решительно утопил красную кнопку. Дозиметр сразу смолк, а парень неуверенно начал:

— Я — С-07..., — сам себе удивляясь, как он может повторять всю эту ересь. Постепенно голос его крепчал, становился уверенным, и он бесконечно повторял — Я — С-07, вызываю «Аргон»...

Периодически странный прибор у него на ладони начинал тихонечко попискивать, но не так, как дозиметр, а более нежно, с переливом. В левом верхнем углу экранчика загоралась яркая точка, но Сергей не знал, как на это реагировать и твердил одно и то же, то чуть не со слезами в голосе, то настойчиво и требовательно, поглядывая на безжизненное Алькино лицо, темные круги у нее под глазами. Хорошо, хоть кровь остановилась. Совсем недавно все было так хорошо и, вдруг такое...

Сколько прошло времени, он не знал. Сидел на земле мокрый, продрогший, почти засыпая от разом навалившейся усталости, такой, словно он всю ночь, как на первом курсе, разгружал вагоны. Кружилась голова, звенело в ушах и, вдобавок, начинало сильно мутить.

Сергей уже ни на что не обращал внимания, когда кто-то тронул его за плечо. Он, прервав вызов, устало произнес:

— Да пошли вы! — но все же обернулся.

И тут в горле у него окончательно пересохло, глаза расширились, а рот медленно открылся. У него за спиной стояли два человека в явно чужих, ярко-оранжевых скафандрах. И, пока Сергей, заторможенно задирая голову, разглядывал одного из них, начиная с колен, другой быстро присел возле Алины. Он достал какой-то приборчик размером с сигаретную пачку, секунд на двадцать прижал ей к шее под ухом. Глянув на прибор, он что-то сказал на незнакомом звенящем языке. Сергей оцепенело, смотрел, как у него с ладони взяли Алинины часы и погасили экранчик, а он все держал перед собой пустую раскрытую ладонь и чувствовал, что его вот-вот начнет выворачивать наизнанку.

Человек в скафандре поднял Алину на руки. Сергей ошалело посмотрел на него снизу вверх и попытался подняться, чтобы хоть успеть отбежать в сторону, заранее зажимая ладонью рот. Но коварная земля круто вывернулась из-под ног, и парень рухнул на асфальт лицом вниз, прямо под ноги уходящим. Он еще чувствовал, что его тормозят, пытаюсь привести в сознание, и что-то говорят. Сил открыть глаза уже не оставалось, он ничего не мог ответить, быстро погружаясь в звенящий безжалостный мрак.

Глава 3

Первое, что увидел Сергей, — невысокий, мягко светящийся всей поверхностью потолок. Чуть повернул голову влево — метрах в двух с небольшим, бледно-розового цвета стена с выступающим по всей ее длине шкафчиком около метра высотой. Сам он лежал вроде бы на кушетке, укрытый пушистой мягкой тканью нежного зеленого цвета. Дальше, метрах в полутора за кушеткой — дверь с полукруглым верхом, почему-то без ручки и запора. На полу пышный ярко-зеленый ковер с длинным ворсом. Все еще не отрывая головы от подушки, а только заворачивая ее все дальше влево, Сергей увидел у себя в изголовье легкий столик и на нем что-то вроде музыкального центра. По ту сторону столика в кресле, наклонив голову, сидел человек в серебристо-голубой облегающей одежде. Он держал в руках прозрачный, быстро меняющий цвета цилиндр и внимательно смотрел на него. Видимо, ощутив на себе взгляд Сергея, человек повернул к нему молодое, почему-то очень знакомое лицо и приветливо улыбнулся, откладывая свой цилиндр и поднимаясь. Он встал у постели, еще раз улыбнулся, обнажая прекрасные ровные зубы:

— Хорошо, что ты, наконец, проснулся, — и добавил, оправдываясь, — а я заигрался, не заметил.

Сергей сам себе удивился, когда вдруг, произнес самые банальнейшие слова, которые с детства терпеть не мог ни в книгах, ни в фильмах:

— Где я?

— На «Аргоне», который ты вызвал.

— «Аргон» — это что?

— Базовый корабль, — и, видя, что Сергей не понимает, пояснил, — мы на орбите Земли, на базовом межгалактическом корабле, звездолете, если тебе так понятнее.

Сергей невольно дернулся, чтобы встать, но парень быстро прижал его к постели.

— Тихо, подожди, аппаратуру отключим и встанешь.

Тут только Сергей увидел у себя на запястьях широкие браслеты, тускло поблескивающие зеленоватым металлом. Тогда он еще раз покосился на ящик в изголовье. Нет, конечно, это вовсе не музыкальный центр: светятся индикаторные огоньки, на двух экранчиках меняются непонятные показания, похожие на мелкий геометрический узор. А парень, вдруг, заговорил на звонком чужом языке, глядя себе на левое запястье, как смотрят на часы. Сергей узнал у него на руке приборчик с кнопками, как у Алины.

Вскоре в дверях появилась женщина в такой же одежде, но значительно старше по возрасту. Внимательное, безупречно красивое лицо, крупные светло-карие глаза и пышные, доходящие до плеч, каштановые волосы, забранные назад двумя тонкими заколками. Она посмотрела сначала на Сергея, затем на прибор у него в головах, и, сказав своему парню несколько коротких фраз, стала отстегивать браслеты у Сергея на руках, обращаясь к нему по-русски:

— Вот, теперь можешь вставать.

Сергей хотел, было, подняться, но с ужасом обнаружил, что лежит совсем голый, и только сильнее потянул на себя покрывало. Его порыв сначала не поняли, но потом женщина что-то произнесла, и они оба сдержанно улыбнулись.

— Где моя одежда? — жалобно спросил Сергей.

— Отдадут после дезактивации. Надень пока вот это, — парень указал на лежащую в

ногах на постели стопку одежды. Сергей, вытягивая шею, посмотрел на нее, но из-под одеяла не вылез. Женщина снова улыбнулась и вышла, унося с собой прибор с браслетами, а парень сказал:

— Извини, мы не сразу поняли, что ты стесняешься. Мы не привыкли стыдиться обнаженного тела, но, если ты хочешь, то я отвернусь, — и отошел к двери.

Сергей, держа его в поле зрения, быстро поднялся. Ноги почти по щиколотку утонули в мягком ворсе ковра. Сверху стопки лежала пара нижнего белья насыщенного оливкового цвета, материал похож на трикотаж. Потом что-то напоминающее легкий спортивный костюм из такой же по цвету, податливо-эластичной тонкой ткани. Все было впору: и длина рукавов и штанин, облегающий основание шеи вырез. На кровати осталась только куртка и заметно зауженные к низу брюки. Видимо форменная одежда. А на хозяевах смотрится, как комбинезон, серебристо-голубой плотный, упругий и немного тяжеловатый. Такие же плотные, прилегающие к телу манжеты на щиколотках и запястьях, небольшой стоячий воротничок и ни пуговиц, ни молнии — непонятная застежка. Сергей инстинктивно свел полы куртки, пытаясь запахнуть их, и почувствовал, как они сомкнулись.

— Ага, — подумал он, — что-то типа нашей липучки, — и провел, нажимая, по груди и животу. Куртка застегнулась. На груди, с левой стороны серебристая эмблема: в небольшом сдавленном овале семилучевая звезда с вытянутым влево лучом, на конце которого блестит меленькая искорка. На полу стояли спортивные высокие туфли или, может, кроссовки лишенные всяких фирменных прибаамбасов. Светло-серые, очень легкие, плотно охватывающие ногу выше щиколоток, на такой же странной застежке вдоль подъема.

Только Сергей обул их, как парень повернулся.

— Теперь давай знакомиться. Ты, насколько я понимаю, Сергей? — и, увидев утверждающий кивок, продолжил, — меня зовут Тардель, я член экипажа «Аргона». В данный момент — твой сопровождающий, ведь тебе здесь все незнакомо. Сначала охранял твой сон.

— И долго я спал? — перебил его Сергей.

— 19 часов, по-вашему.

— И ты все это время был рядом?

— Нет, сначала тобой занималась Денира. Ты сильно облучился, и тебя приводили в порядок. Нам легче это сделать.

Сергей прислушался к себе. Точно, тошнота и головная боль исчезли, во рту уже не сушило, только немного кружилась голова. Словно читая его мысли, Тардель успокоил:

— Ничего, это пройдет. Это уже не радиация, а сыворотка. Тебя привили, как новорожденного, от всякой инфекции неземного происхождения.

Вернулась женщина, держа в правой руке прозрачный пластиковый стакан с розовато-голубоватой опалесцирующей жидкостью, который она протянула Сергею.

— Пей.

Он с опаской взял стакан и заглянул в него.

— Не бойся, пей. Это дезактиватор. Надо же окончательно вывести из тебя радионуклиды, раз уж ты попал сюда. Дезактиватор еще никому не повредил. Пей.

Вкус у жидкости был немного кисловатый, но приятный и ни на что не похожий. Не торопясь, мелкими осторожными глотками Сергей опорожнил стакан и, возвращая его, спросил:

— А где Аля? С ней все в порядке?

Ему ответили не сразу. Женщина очень серьезно и внимательно смотрела куда-то перед собой в пустоту, перекатывая меж ладоней стакан. А Тардель, все еще стоя у двери, быстро опустил голову, почти касаясь подбородком груди. Почувствовав неладное, Сергей с нарастающим беспокойством смотрел то на одного, то на другого, пока не сумел выговорить:

— Вы хотите сказать, что она умерла? — и сам испугался своих слов.

Ответила ему женщина, присев на край постели. Голос ее был негромким и грустным:

— Ее зовут Аринда.

— Аринда? — удивленно повторил Сергей за ней следом.

— Тардель — ее брат. Он немного старше.

Только сейчас, запоздало, Сергей понял, почему лицо парня показалось ему таким знакомым.

— Сядь, — попросила женщина, указывая на место рядом с собой. Сергей повиновался, настороженно глядя ей в глаза.—

Аринда пока жива, но ее состояние практически равносильно смерти. Слишком дорогую цену заплатила она за остановку вашего реактора. Конечно дома, на Даярде, ей, пожалуй, могли бы помочь, но перелета она не выдержит, а здесь помощи ждать не от кого. Как бы тебе это объяснить..., — женщина ненадолго задумалась, прижав стиснутые кулаки к подбородку, затем продолжила: у нас, у каждого из экипажа есть свой энергетический партнер. Биополе обоих подбирается так, чтоб один, в критической ситуации, смог спасти другого. Партнер Аринды погиб, и ей приходилось рассчитывать только на себя. Она заранее знала, что ее некому будет спасать. Видимо посчитала, что жизнь чужого города против своей собственной — вещи равноценные. И сама все решила. Мы здесь бессильны.

Сергей ошарашено слушал.

— Ты нам очень помог, вызвав «Аргон». Правда, мы еще до сих пор не поняли, как тебе это удалось. Может, объяснишь?

— Я не знаю, — растерялся Сергей, — я делал, что Аля мне велела и все.

— Но дело в том, — вмешался Тардель, — что посторонний не может работать с чужого браслета.

— Я не знаю, — пожал плечами Сергей, — значит, как-то вышло.

— Ты молодец, что сумел. У нас до следующего сеанса связи было еще 8 часов. Пока бы мы поняли, что с Ариндой беда и нашли ее... Короче, мы бы уже не застали ее в живых.

— Я долго повторял этот вызов?

— Около 9 минут. Мы пытались связаться с тобой несколько раз, но ты не отвечал, и пришлось сразу вылетать на координаты.

— Аринда заранее обучила тебя вызову? — спросила женщина.

— Нет, — уверенно потряс головой Сергей, — я сначала ничего не знал.

— Странно, — женщина задумчиво потерла пальцами лоб, — насколько мне известно, в таких случаях происходит полный залповый сброс энергии без каких-то дополнительных резервов, и коматозное состояние наступает сразу.

— Когда я ее нашел, она была совсем как мертвая, по-моему, даже не дышала. Я очень испугался. Я стал звать ее, тормошить. И тогда она очнулась, где-то на минуту, не больше. Ей было очень плохо, но она велела повторять эти слова и опять отключилась. А-а потом за ней прилетели. Все. Дальше я сам ничего не помню.

Рассказывая, Сергей, словно заново переживал те страшные минуты. Голос у него

срывался, а дыхание перехватывало.

— Очень странно, — повторила женщина, этого не могло быть, но, тем не менее, это так. И благодаря тебе Аринда здесь, — она вздохнула, поправив волосы, и продолжила, — пока мы еще поддерживаем ее жизнь, подключив аппаратуру. Но это, увы, ненадолго.

— Я хочу ее видеть, — дрогнувшим голосом попросил Сергей, — вы ведь разрешите мне? Разрешите, да? — и заглянул в лицо женщине отчаянным и долгим взглядом. Она поднялась.

— Пойдем, если хочешь. У тебя тоже есть право проститься с ней.

Дверь сама открылась перед ними, и они, впереди Тардель, потом женщина с Сергеем, попали в ярко освещенный коридор. Свет, явно искусственный, поступал сразу через весь потолок, который мягко без углов переходил в стены, а стены в пол. Весь коридор был одного, бледно-голубого цвета, лишь на полу, выделяясь более яркой окраской, синела широкая полоса — дорожка, слегка пружинящая под ногами и глушащая звуки шагов. Прошли мимо трех, чуть утопленных в ниши дверей, идущих справа на большом расстоянии друг от друга. И опять ни ручек, ни замков. Лишь слева, на уровне груди небольшой выпуклый прямоугольник, обведенный синей полоской. У четвертой двери, расположенной чуть дальше других, Тардель остановился и поднес левую ладонь к такому же прямоугольнику. Дверь быстро и бесшумно отошла в сторону.

— Сенсорный замок, — догадался Сергей.

Они вошли в широкое помещение, перегороженное метрах в двух от входа матовой полупрозрачной стенкой, за которой угадывалась еще одна комната. Слева, у широкой приборной панели сидел в кресле человек, поднявшийся к ним навстречу.

— Это Зенднор, капитан «Аргона», — быстро шепнул на ухо Сергею стоящий сзади Тардель. Сергей несмело поздоровался, внимательно глядя на сильного, серьезного, почти сурового мужчину, пытаясь прикинуть его возраст:

— Сколько ему 45, ...50? Или больше?

Капитан в свою очередь оценивающе посмотрел на незваного гостя.

— Приветствую тебя, землянин. — Голос его прозвучал глубоко, даже немного торжественно. Наверное, он и должен быть таким, голос могучего, уверенного в себе человека, и никакого намека на акцент, как, впрочем, и у других — правильная свободная речь. Такой могут позавидовать иные дикторы на телевидении, а, уж, на радио, тем более.

— Ничего не бойся. Мы не враги вашей планете. Вскоре мы вернем тебя, и все будет хорошо.

— А как же Аля? — Сергей вновь произнес ее имя на земной привычный лад и заметил, что лицо капитана омрачилось.

— Мы не боги. Она не отзывается никому из экипажа.

— Можно к ней? — попросил Сергей, и опять голос подвел его, дрогнул. Капитан вскинул к плечу правую руку жестом, похожим на приветствие, от которого матовая стена съезжилась в гармошку и отъехала в сторону, открывая большую по размерам комнату. И совсем близко Сергей увидел Алину. Она лежала на приподнятом над полом овальном ложе с широкими низкими бортиками по краям, одетая в объемный голубой комбинезон. На лице прозрачный респиратор с трубочками, уходящими куда-то вниз. Голову опоясывал зеленый металлический ободок в два пальца шириной с листочками — ромбиками, спускающимися на виски. Еще какой-то полуобруч охватывал сзади основание шеи, заканчиваясь такими же металлическими ромбиками как раз у ямки над тонкими выступающими ключицами,

видными в расстегнутом вороте странного комбинезона.

Сергей медленно подошел и так же медленно опустился на колени рядом с ее ложем. Лицо девушки еще больше осунулось и побледнело. Волосы в беспорядке разметались по изголовью. Но теперь она, по крайней мере, дышала. Но, пожалуй, слишком глубоко и ровно, чем обычно дышит человек, даже спящий. И в такт этому медленному размеренному дыханию по комбинезону прокатывалась легкая, похожая на судорогу волна, достигающая кончиков пальцев и через пару секунд следующая в обратном направлении. Сергей не сразу решился позвать девушку, чуть слышно, почти одними губами:

— Аля... Аленька...

Ничто не дрогнуло в ее лице. Судорожно сглотнув вязкий комок, прочно застрявший в горле, Сергей осторожно протянул руку, кончиками пальцев коснувшись лба Алины между ободком и тонкой, чуть изогнутой бровью, чтоб отвести прядку волос, закрывающую девушке глаза. Провел пальцами по щеке над респиратором, ощущая тревожную прохладу бархатистой кожи. Сергей долго стоял так, нежно касаясь ее лица и постоянно шепча любимое имя. Слезы душили его, пережимая горло, и текли по щекам. Губы предательски дрожали.

Капитан «Аргона» подошел сзади и положил руку парню на плечи.

— Вставай, пойдем. Она все равно тебя не слышит.

Сергей сгорбился под тяжестью этих рук, вжал голову в плечи, но подниматься не стал, уверенно чувствуя, что если он сейчас уйдет, то никогда больше не увидит Алины. И он, как мог, тянул время.

В это время женщина удивленно произнесла:

— Подожди, Зенднор. Это, конечно, невероятно, но Аринда реагирует на присутствие этого землянина. И я совсем не понимаю, почему.

Вот, тут Сергей порывисто вскочил, поворачиваясь к женщине, и взмолился:

— Ну, так сделайте жехоть что-нибудь! — с полминуты он стоял с искаженным отчаяньем лицом, держа перед грудью скрюченные руки. Но вдруг глаза его озарились догадкой.

— Я знаю почему. Аля говорила... Она говорила мне, — он сбивался, и все никак не мог толком высказаться. — У нас биополе одинаковое, идентичное. У меня и у нее. — И выдохнул с облегчением. — Вот. Все. — И снова взгляд его выжидающе заметался с капитана на женщину и обратно.

— Так, вот, в чем дело! — откровенно обрадовалась она. — Как же я раньше не догадалась?! Я просто предположить такого не могла! На чужой планете!? Теперь мне все понятно и с браслетом и с вызовом.

А капитан шагнул к Сергею.

— Тогда у тебя есть возможность спасти ее.

— Как? — выдохнул парень, с надеждой глядя ему в лицо.

— Если ты отдашь ей свою энергию, она будет жить. Но это опасно для тебя. Мы не можем ни приказать тебе, ни запретить. Обязаны только предупредить, что ты рискуешь своей жизнью. Решать должен ты сам. Сядь и подумай, а пока наш врач проверит, действительно ли все именно так, как ты говоришь.

Сергея усадили к приборам, надели на голову ободок с ромбиками, дали в руки по тяжелой пластинке из зеленого металла. Экран довольно долго мерцал, прежде чем на нем высветился непонятный пространственный текст. Сергею перевели.

— Биополя практически идентичны. А ниже указано, в каких параметрах существуют небольшие различия.

Врач отключила экран и вместе с креслом повернулась к Сергею. У нее были усталые грустные глаза.

— Как у мамы, когда она говорит о слишком серьезных вещах, — подумал Сергей, возвращая пластинки, уже успевшие согреться у него руках.

— Я понимаю тебя. Но если ты отдашь ей свою энергию, то умрешь. Я не пугаю тебя, а предупреждаю. Ее жизнь в последней капле твоей. У тебя есть время подумать. Ты можешь отказаться. Это твое право.

— Я люблю ее.

— Решай сам.

— Я уже решил. Я люблю ее! — повторил Сергей. Голос его креп и звучал твердо и уверенно, — я хочу, чтобы она жила! — и взъерился, — если не можете запретить, чего тогда волынку тянете?! Может, вы вообще не знаете, что значит любить! Может, вы вообще все в пробирках родились! Я люблю ее, понимаете?

— Да тише ты, не буйнь, — попытался остановить его Тардель, — только недавно самого спасали, а уже шумишь. Думаешь, мы не хотим, чтоб она жила? Она мне сестренка, но даже я ничего не могу для нее сделать. А ты можешь. И, если хочешь, то действуй, а не шуми. — И Тардель, подойдя почти вплотную к Сергею, посмотрел ему в глаза долгим немигающим взглядом таких же зеленых, как у сестры, глаз.

В это время врач сняла с девушки респиратор и обернулась к Сергею.

— Теперь дело за тобой. Нужно положить ладони ей на виски, — и показала на себе: вот так. Пальцы твоих рук должны сомкнуться у нее на темени. Ободок должен прийтись на середину ладони. — Сергей согласно кивал, подставляя руки под браслеты. — Смотри ей в лицо и думай только о ней, не отвлекайся. Я буду немного помогать тебе, но помни: ты должен отдать всю энергию без остатка. Ты не передумал?

Сергей уже вскинул голову, намереваясь сказать очередную дерзость, но передумал и сосредоточенно направился к Аринде. Несколько секунд он молча смотрел на девушку, и вдруг понял, что без респиратора она перестала дышать, и губы начали быстро синеть. Решительно опустившись на колени, он протянул руки к ее вискам, знакомо ощутив шелковистость волос и нежность кожи. Сердце невольно сжалось и подступило к самому горлу. Он смотрел в любимое лицо и думал:

— Алька, я тебя люблю. Я хочу, чтоб ты жила. Пожалуйста, я прошу тебя, не умирай. Господи, Алька, не умирай!

Последнее, что увидел Сергей, были дрогнувшие ресницы Алины.

Очнулся Сергей от тихой музыки. Он лежал с закрытыми глазами и пытался угадать хоть одну мелодию, но не мог, как не угадывал звучащие инструменты. Открывать глаза не решался, заранее представляя себе ужасы «того света». От голоса Алины он вздрогнул и испугался:

— Неужели ничего не вышло? Не спас?

— Не притворяйся, ты уже не спишь.

— Так я живой? — он медленно открыл глаза. Та же розовая комната, и Алина сидит у него в ногах и улыбается, одетая в форменную одежду и поэтому выглядящая совершенно по-другому, непривычно.

— Просыпайся, просыпайся. Не притворяйся трупом, — и, встав, игриво развела руки, — добро пожаловать в мои апартаменты. Теперь ты у меня в гостях.

— Но мне сказали, что я умру. Издевались, да?

— Нет. Ты не обижайся на них. Я сейчас попытаюсь тебе все объяснить, — и девушка села на пол, к стене, обхватив колени руками. — Практически все у вас на Земле, и ты в том числе, совершенно не умеют управлять своим организмом. Ты не можешь ни набрать, ни отдать энергии в том количестве, в каком нужно, если не будет критической ситуации. Нужен сильный стресс, чтобы проснулись инстинкты, заложенные природой. Извини, но если бы тебя не обманули, или не напугали, как хочешь, называй, ты бы не сумел сосредоточиться. И ничего бы не получилось.

Девушка резко поднялась и на несколько секунд замерла с закрытыми глазами, держась за стену. Потом сказала, извиняясь:

— Еще мотает немного. Но это пройдет.

— Если верить вашему врачу, ты вернулась с того света.

— У нас это называется немного по-другому — сброс. После этого дня три—четыре приходишь в норму. Голова кружится, устаешь быстро и реакция не та. — Девушка присела рядом с Сергеем, и он нетерпеливо спросил:

— Объясни, в чем же состоял ваш фокус с твоим оживлением?

— Мне требовался мощный толчок, причем именно синхронной энергии, чтоб только вывести меня из состояния сброса, чтобы организм начал самостоятельно восстанавливать силы. При помощи аппаратуры, конечно. И не думай, что тебе бы позволили умереть. Во-первых, заранее был рассчитан твой энергетический резерв, во-вторых, ты все равно бы не смог полностью сбросить всю энергию, даже если бы очень захотел. Этому специально обучают. И, если бы случилось так, что твоей энергии, вдруг, не хватило, то просто бы прервали сеанс. Никто не вправе отнимать у тебя жизнь. Даже в обмен на мою. Но ты оказался сильным, несмотря на облучение. Ты смог вытолкнуть меня из сброса. Спал, правда, после этого больше суток, но вот видишь, проснулся, наконец.

— Сколько я проспал? — удивился Сергей, вытягивая шею в сторону девушки.

— Если точно, то 29 часов. Не подумай, что тебя бросили просто так. Уж поверь, Денира над тобой потрудилась.

— Зачем? — насторожился парень.

— Не бойся. Делать из тебя киборга никто не собирался. Денира просто проверила и подстимулировала функции всех систем твоего организма, вывела основную часть

радионуклидов, которых ты изрядно поднахватался. Из-за меня, между прочим. Она устранила все неполадки у тебя внутри. Ты оказался для нее очень ценным объектом исследования. Денира была безмерно счастлива, заполучив тебя себе в медблок. Где бы она еще нашла столько информации о землянах! Кстати, — девушка небрежно-игривым жестом откинула кисть правой руки с вытянутым указательным пальцем в сторону Сергея, — она подлечила твои злосчастные зубы. (Парень невольно провел языком вдоль десен. Действительно, ни единой дырочки.) и сказала, что такого ужасного состояния зубов еще не видела. Что твоими зубами можно пугать маленьких детей, которые не могут еще нормально за собой ухаживать. — Девушка на мгновение задумалась, прикрыв глаза рукой, — что же еще?

— Хватит! — взмолился Сергей, театрально складывая руки перед грудью, и скептически ухмыльнулся, — Неужели я в 19 лет представлял собой старую развалину?

— Почти. У вас экология на грани катастрофы, а ты — житель городской, так что...

— Объясни, пожалуйста. Мне рассказывали о ваших энергетических партнерах. Разве так часто приходится друг друга спасать?

— Нет, конечно. Но в полете вероятность риска всегда значительно выше. У нас в этом рейсе выводили из сброса двоих: меня и еще одного парня. А дома многие проживают целые жизни, ни разу не попадая в критические ситуации. Это кому как повезет. Но у КНОЛовцев в личном деле на каждого все равно указываются теоретические партнеры на крайний случай.

— У кого? — не понял Сергей.

— Служба КНОЛ — обеспечение безопасности жизнедеятельности планеты. Туда еще входят спасатели, пожарные, некоторые медики. К ним у нас претензий нет. Люди занимаются важным делом, порой жизнями рискуют. А еще существуют отделы, занимающиеся инопланетной микробиологией и так далее... всевозможные исследовательские лаборатории, отделы, провалиться бы им всем! КНОЛовцы буквально достают нас своими карантинами и проверками, недолголюбивая, как потенциальный источник опасности для планеты. Если честно, то взаимно.

Девушка поднялась, подошла к стене напротив двери и неторопливо провела вдоль нее поднятой рукой. Стена, почти на две трети, стала прозрачной, и сразу же погас свет. В каюту заглянули звезды, да такие яркие, что захотелось потрогать их рукой

— Ну, Аль, ты даешь! — Только и смог произнести Сергей. Зачарованный этим зрелищем, он поднялся и подошел к девушке. И оба долго смотрели в черную бездну. А потом Сергей попросил:

— Аль, расскажи о том парне, твоём партнере. Почему он погиб?

Девушка прислонилась лбом к иллюминатору.

— Все случилось еще до подхода к Закрытой Зоне, в 6 секторе. До вас, — она поправилась, — то есть до Земли, было еще около месяца полета. Мы тормозили после прыжка и занимались профилактическим осмотром оборудования. И в этот момент приняли сигнал бедствия. Шла передача стандартным межгалактическим кодом. И мы свернули с маршрута на сигнал. Судя по чистоте приема, «Аргон» подходил все ближе и ближе, но ни локаторы, ни камеры слежения не обнаруживали другого корабля. На наши запросы никто не отвечал, видимо сигналы шли в записи.

Он возник на экранах локаторов неожиданно и совсем близко. Безжизненный чужой корабль, немного меньше «Аргона». Такого еще никто не видел, даже Зенднор с Лейделем. И в наших каталогах он не числился. Мы как раз отключили межгалактический центр связи,

техники что — то там налаживали. Ждать, пока они закончат, было слишком долго. А если чужаки применяли стандартный кодовый сигнал, мы решили проверить, что же у них случилось. Мы обошли корабль на малой скорости и увидели с другой стороны выдвинутый причальный трап и открытую шлюзовую камеру. Нас ждали. Полетели Реннер, мой партнер и еще одна пара из нашей, первой десантной смены. Вот, тут-то все и случилось. Едва наш бот коснулся причального трапа, как все наблюдатели зажмурились от ярчайшей вспышки, а когда открыли глаза, то ни чужаков, ни нашего бота не обнаружили. Вокруг — абсолютно чистое пространство.

— И что это было?

— Мы потом просмотрели видеозапись в очень замедленном темпе, и стало видно, что, как только наши коснулись причального трапа, над ними выдвинулось что-то вроде широкой черной дуги. И полыхнула эта вспышка, причем пламя втянулось внутрь корпуса. Люк закрылся лепестковой диафрагмой, корабль слегка вздрогнул и исчез, как растаял. Когда мы, наконец, смогли сделать запрос, выяснилось, что мы совершили глупейшую ошибку. Они уже стояли на учете, и мы были их третьей жертвой. Они прилетели откуда-то извне, из-за пределов Межгалактического Союза. Их даже не успели занести в общий каталог. Мы первые указали тип корабля и его внешние параметры.

— А зачем они нападали?

— Им было нужно заправиться. Ни больше, ни меньше. Их ловушка основана на эффекте аннигиляции. Ты знаешь, что это такое?

— Знаю. — Немного обиделся Сергей.

— Выделяемая энергия каким-то образом используется. А потом они немедленно ушли в гиперпространство.

— А почему они не стали нападать на «Аргон»?

— Добыча великовата. Они ищут себе жертвы поменьше размером. Но теперь любой корабль Союза, попав в подобную ситуацию, будет открывать огонь на поражение. К сожалению, даже сейчас общая безопасность складывается из отдельных загубленных жизней.

— А у вас на «Аргоне» есть оружие?

— Конечно, есть. Но только для обороны. Ведь космос не просто место для прогулок. Пока во Вселенной есть агрессия, каждый джанер должен уметь защищаться.

— Кто? — Не понял Сергей.

— Джанер. По-вашему аналогов несколько: астронавты, космонавты, космены... — у вас много чего в фантастике придумано.

— И ты тоже, этот самый...? — удивился Сергей.

— А почему бы и нет? — С вызовом ответила девушка и, также одним движением руки, закрыв иллюминатор, повернулась к Сергею. От вспыхнувшего яркого света парень невольно зажмурился.

— У нас с тобой есть около десяти часов свободного времени. Будешь досыпать или как?

— Да что я, суслик что ли — возмутился он. — Ты лучше объясни мне, что происходит?

— И кто это хвалился недавно «я всю фантастику перечитал»? А теперь ему объяснения подавай. — Позлорадствовала девушка.

— Аль, ты что, в самом деле, инопланетянка? — почти взмолился Сергей.

— А что, непохожа? — съязвила она, встряхивая головой. — Мы — обычная экспедиция

наблюдения. Корабли Даярды прилетают к вам с регулярностью примерно в сто земных лет. По правилам мы не должны вмешиваться в вашу жизнь, а только наблюдать, не входя в контакт. А у меня получился контакт с нарушением всех правил. И вот ты здесь. А наши работают у вас на станции около реактора, чистят территорию. Вы еще не умеете хорошо дезактивировать местность. Нужно помочь, раз мы уже все равно вмешались.

— Вот будет шума-то! Газеты, телевидение, как же, НЛЮ в городе!

— Не думаю. Никто ничего необычного не заметит.

— Это как?

— Да садись ты, чего стоишь!

Сергей сел на кушетку, с которой девушка во время разговора быстро убрала постель и присела рядом.

— Просто у всех кто что-либо видел, все сотрется в памяти, будто ничего и не было. — И пояснила — это не опасно, на психику не влияет.

— А как же я? — ужаснулся Сергей, — я забуду тебя? Нет, я не хочу! Аля! За что? — он в отчаянии сжал кулаки.

— Это зависит не от меня. Хотя было бы лучше, чтоб ты забыл, — немного грустно сказала девушка.

— Ладно, не надо пока про это, — умоляюще попросил Сергей. — Лучше объясни, почему ваш звездолет носит вполне земное имя?

— Ты прав. Это слово пришло на Даярду с Земли, с предыдущей экспедицией. Ваш тогда только что открытый инертный газ дал название нашему строящемуся исследовательскому кораблю. Наша миссия на Земле должна быть подобна этому газу. Мы должны быть инертны, чтоб не помешать развитию вашей цивилизации. И еще. Мы прилетели из звездной системы Вийда. Это в вашем Южном созвездии древнее название которому — «Корабль «Арго». Правда, по современным данным, его поделили на несколько более мелких, означающих части корабля. Так, что у нас есть еще одна причина, чтоб носить это имя.

— Значит вы аргонавты. Как в Одиссее. — Озорно блеснул глазами Сергей. Может быть, ты слышала, была не так давно песня, и Сергей напел вполголоса:

Арго, разве путь твой ближе,

Чем дорога Млечная?

Арго, о каких разлуках

Плачет птица вещая?

Парус над тобой, поднятый судьбой

Это флаг разлуки,

встречи знамя вечное... — Кажется, это про нас с тобой.

А у самого только что веселый взгляд залился глубокой безысходной тоской. И Аринда взялась его успокаивать.

— Не надо, подожди. У нас еще целых десять часов впереди. Давай, я лучше покажу тебе нашу Даярду.

Не вставая, она вытянула вперед правую руку ладонью вверх, соединив щепотью большой, указательный и средний пальцы. Участок стены напротив матово засветился изнутри, образуя экран, на котором появилось голографическое изображение каких-то тропических зарослей, потом берега моря с ярко— оранжевым, как бы ненастоящим песком. Включилась негромкая музыка, сопровождающая показ. Незнакомые яркие и крупные

цветы, а над ними изумительно красивые, переливающиеся радугой бабочки огромных размеров. Изображения менялись, как слайды. На экране возникали чужие города, люди в легкой одежде, а иногда и без нее.

В одном кадре Сергей увидел падающего с высоты человека: молодого парня с обнаженным торсом и рельефно обрисованными мышцами. Он падал, как прыгают с вышки, головой вниз с вытянутыми перед собой руками, ладонь к ладони лодочкой. Лица не видно, только светлые волнистые волосы. Сергей ужаснулся, но не успел ничего сказать. Кадр сменился, и на следующем снова человек в небе, на сей раз, снятый в другом ракурсе. Юная девушка, почти ребенок стремилась прямо в экран. Такие же вытянутые перед собой руки, откинутае назад, развевающиеся волосы. В широко распахнутых синих глазах восторг, счастливая улыбка. И тут он, наконец, понял:

— Черт, это же не падение — полет! Как же я раньше не догадался?

Аринда, увидев его заинтересованность, остановила кадр. Изумленный Сергей все разглядывал незнакомку.

— Приглядиись, — видишь темный ремешок над большим пальцем? У нее меж ладоней айдер. Он помогает держаться в воздухе. Детям после окончания второго цикла обучения, это где-то 12–13 лет, вручается персональный айдер, и разрешаются самостоятельные полеты. Айдер, он такой овальный, с двумя ремешками, довольно тяжеленький. Немного напоминает ваших речных ракушек. Двустворчатые такие, беззубки, кажется... Айдер позволяет держаться в воздухе около двух часов, скорость, по вашим меркам до 30 км\час.

Немного по-другому, с айдером за поясом, у солнечного сплетения, летаем только мы, джанеры, и спасатели из КНОЛа. Если у всех прочих задача — только удержаться в воздухе и не потерять равновесие, то нам нужно, чтоб руки были свободны, чтоб можно было еще и работать. Ну, и еще ребятишки по глупости балуются. Летают поначалу, держа айдер на одной ладони, прижимая к виску... Кто во что горазд. Айдер будет работать при условии контакта с любой биологически активной точкой человеческого тела. Вот они и исхитряются.

— А если уронишь?

— Полетишь вниз, догоняя собственный айдер. Если успеют спасти, то будешь отстранен от полетов года на три.

Кадр сменился. Аринда продолжала изредка комментировать пейзажи и события. Незнакомая, но чуть похожая на земную, цивилизация оставляла в душе светлое чувство. Наконец девушка выключила экран, и Сергей выдохнул:

— Здорово!

— Это не реклама, это я для себя подбирала, чтоб расслабиться иногда. На «Аргоне» и фильмов много: и наших, да и земных теперь записали, не соскучишься. И скучать особо некогда, у каждого свои обязанности. Я — этнограф, например. За время полета пришлось выучить несколько ваших языков. Это не проблема, но все равно путаешься. Сложно для восприятия, когда на одной планете такое количество разнообразных языков. У нас на Даярде единый язык, общаться значительно легче. А для внепланетного общения существует интерлект. У меня это был первый самостоятельное общение с чужой цивилизацией. Увы, не очень удачное.

— Почему?

— Мне не нужно было идти на такой тесный контакт. Я не предполагала, что ты влюбишься.

— Так ты знала? — ужаснулся Сергей.

— Конечно. По-моему, это знал весь институт. Мне нужно было вовремя прервать всё это дело. Просто стереть данное чувство из твоей памяти.

— А это возможно?

— Да. Чужие мысли стираются довольно легко. А читаются еще проще.

— И мои? — ужаснулся Сергей.

— Нет. Твои мысли я старалась не читать. Это было бы подло.

Разговор прервал тихий писк браслета на руке девушки. Она посмотрела на экранчик, что-то сказала на своем языке, выслушала ответ, и, извиняясь, произнесла:

— Меня вызывают. Ты подожди, я недолго. Я включу тебе еще одну мою подборку, чтоб не скучал.

Вернулась она, держа в одной руке уже знакомый пластиковый стакан, а в другой — какой-то розовый огурец среднего размера. Первым делом она протянула Сергею стакан.

— На, держи свой дезактиватор.

— А может, не стоит...? — посомневался Сергей, покачивая стакан в руке.

— Пей, тебе же лучше будет. Или мне начать рассказывать о действии радиации на организм человека?

— Лучше не надо! — и притворно вздохнул, — надеюсь, меня не отравят?

— Обязательно! Стоило тащить тебя на орбиту и столько возиться с тобой, чтоб посмотреть на твой труп. Допил? А теперь попробуй вот эту штуку. — И Аринда протянула ему странный огурец.

— Что это?

— Талинда. Ешь, это вполне съедобно

И, видя, что он сомневается, разломил плод на две части и аппетитно откусила от меньшей, протягивая парню другую. Сергей взял и понюхал. Пахло очень приятно, на разломе блестели мелкие темные семена, и крупными каплями выступал яркий розовый сок. На зубах неизвестный плод хрустнул, как огурец, напоминая землянику с яблочным привкусом.

— Это у вас там растет? — кивнул Сергей в сторону экрана и, продолжая уничтожать странный фрукт.

— Нет, конечно, здесь, в оранжерее. Ну, и дома, естественно. А у меня хорошие новости. Мне разрешили показать тебе корабль, пока время свободное. Потом Денира еще раз проверит состояние твоего здоровья. Ей очень важны эти данные. Она просто счастлива, что случайно заполучила инопланетный объект для медицинского исследования. Не беспокойся, никакого вреда она тебе не причинит. А потом мы полетим забирать наших и, попутно отправим тебя домой. Надеюсь, ты согласен подождать еще немного?

— А как же ты?

— Мы улетаем, наша экспедиция закончилась.

— Как улетаете? — ужаснулся Сергей. — Насовсем?

— Нет, почему же. Потом прилетит другая экспедиция.

— Это через сто лет, да? Когда уж и детей моих в живых не будет!

— Скорее не получится. График устанавливаю не я. И расстояние слишком большое, хотя цивилизации очень похожи, даже по генотипу. И, скорее всего, где-то во Вселенной есть место, откуда родом и наши и ваши предки. Ведь не только мы, но и вы, земляне, гости на этой планете. Земля — родина динозавров. Ее истинная цивилизация не поднялась выше

уровня снежного человека. А вы — далекие предки какой-то неземной космической жизни. Откуда-то извне, из-за пределов Межгалактического Союза. Знать бы точно, откуда. И жива еще та цивилизация или нет... Скорее всего, у них произошла катастрофа планетарного масштаба, если они посылали корабли с переселенцами в разные стороны. Кто — то выбрал Землю, кто — то — Даярду. Может быть, существуют и другие планеты-колонии. Но пока это нам неизвестно. — Аринда говорила увлеченно, глаза ее светились. — Вашу Землю изучают все, кому только не лень, начиная от человекообразных, кончая какими-то головоногими моллюсками, которые тоже считают себя джанерами, да еще пытаются учить землян, как нужно правильно жить. Мало того, что они старательно идут на тесный контакт, но еще и приглядывают, можно ли приспособить вашу планету для своих скользких нужд.

— Это правда?

— Если бы я их не видела!

— А почему я не видел ни разу ни одного НЛО?

— Нужно знать, где и как искать, тогда, может, увидишь, но я тебе не советую. Живи спокойно без контактов. Есть и агрессивные пришельцы.

— А вот скажи-ка мне, — вдруг вспомнил Сергей, явно злорадствуя, — кто это с месяц назад так уверенно заявлял мне, что НЛО — чепуха, а летающие тарелки — бред сивой кобылы?

— А что я тогда еще могла тебе сказать? — и сама себя передразнила, — Сереженька, я должна тебе доложить, что это был наш десантный бот, спускаемый аппарат, челнок, космическая шлюпка, дисколет, люфтер, флаер... какие там еще у вас есть названия? Он спускался, чтоб меня высадить, и он, действительно, не садился, а зависал, чтоб следов не оставлять, и я спрыгивала метров с двух. Кстати, форма диска для спускаемых аппаратов используется не только у нас, так что, впредь, увидев летающую тарелку, не бросайся навстречу. Можешь нарваться на крупные неприятности. Не все пришельцы относятся к землянам лояльно. Можешь угодить в подопытные объекты. Тем более, что ты совершенно не умеешь защищаться.

— А ты умеешь?

— Естественно. Джанер я или нет?

В это время вошел Тардель.

— О чем спорим? Или вы уже ссоритесь?

— О, Боже, Аль, скажи лучше, чего ты не умеешь? — Взмолился Сергей.

— Чего не умею? — задумалась, было, девушка, но Тардель опять вмешался:

— Есть предложение. Чем вам сидеть здесь и ссориться, пойдемте лучше искупаемся. У меня до начала вахты есть еще немного свободного времени.

— Пошли, — согласилась Аринда, — я соскучилась по нашему бассейну. Только я спрошу кое-что у Дениры... Вы идите, я догоню.

Пройдя по коридору, парни свернули налево, Тардель открыл одну из дверей, откуда пахло лесной прелью и цветами.

— Через оранжерею пройдем, так удобнее.

Вокруг буйствовали тропики. Теперь Сергею стал понятен интерес девушки к скромному обаянию их Земной северной природы. Здесь все дышало азартом интенсивной жизни: если цветы — то крупные, если запахи — опьяняющие. На дорожку свисали и сползали ветви чужих невиданных растений.

Одно из них Сергей, все же узнал. На высокой лиане слегка покачивались знакомые

розовые огурцы вперемешку с воронкообразными малиновыми цветами, из которых выглядывали ярко — желтые антенны тычинок.

Неожиданно Сергей вздрогнул. Ему на плечо опустилась огромная черно— зеленая бабочка. Задев крыльями за щеку, она доверчиво переползла на голову и только оттуда неторопливо взлетела и скрылась в зарослях. Тардель, глядя на оторопевшего Сергея, расхохотался.

— Надеюсь, в вашем зоопарке змей нет? — спросил Сергей, наконец-то получив возможность двигаться. Но не успел он пройти и трех шагов, как еще одна бабочка быстро спланировала ему в лицо. Он отшатнулся, и, удерживая равновесие, резко взмахнул рукой, угодив левой кистью в густой куст. Острые края кожистых листьев как бритвой расплосовали кожу. От боли и неожиданности Сергей чертыхнулся сквозь зубы и, вздергивая в кривой гримасе верхнюю губу, торопливо глянул на пораненную кисть. Глубокие порезы мгновенно залились кровью, и крупные быстрые капли побежали, стекая с пальцев. Тардель обернулся:

— Ты что?

— Да вот... чертовы насекомые... — пожаловался Сергей, продолжая держать кисть на весу.

— Ничего страшного. Давай руку. — И принял израненную кисть гостя в свои ладони. Подержав недолгое время, с нажимом провел по тыльной стороне кисти, как бы стирая кровь, и отпустил.

Сергей с изумлением увидел вместо кровоточащих порезов четыре розоватых и на глазах бледнеющих черточки — шрама.

— Пошли. — Легонько подтолкнул его в спину Тардель.

Через десять шагов тропики резко оборвались, в глаза брызнул яркий свет и открылся бассейн с непривычно яркой синевой воды и уже виденным на экране оранжевым песком, образующим на противоположной стороне что — то вроде маленького пляжа.

Вскоре появилась Аринда, одетая в импровизированный купальник из двух лоскутов голубой ткани, стянутых узлами на бедрах, шее и спине. Свою форму она держала на руке.

— Где ты этому научилась? — удивился Тардель, разглядывая непривычный наряд сестры.

— Какой-то земной фильм... — и протянула Сергею его же собственные плавки. — Держи, дитя своей цивилизации, иначе тебе будет не до отдыха.

Сергей отошел в заросли переодеваться, а Тардель, тем временем нырнул нагишом и не появлялся на поверхности очень долго. Аринда дождалась, пока он вынырнет, отдышится, и предложила:

— Давай проведем гостя по бассейну.

— Только сейчас тебе этим и заниматься! — возмутился Тардель, — еще одного сброса не боишься?

— Мы немного. Пусть он хоть разок попробует. Тем более, я вполне нормально себя чувствую.

— Ну, гляди! Если что, Денира нас обоих в порошок сотрет. — И, выскочив на бортик, показал Сергею:

— Вставай вот так. Руки до локтей прижми к телу, ладони ставь параллельно полу. Да, не растопыривай, ты, пальцы. Сомкни их. Вот, правильно.

Брат с сестрой подошли к Сергею с боков, каждый взял его за запястье. Кисти

свободных рук оба также отвели в стороны. Это походило на подготовку к какому-то танцу. Тардель скомандовал:

— Пошли! — и они все вместе шагнули в бассейн, но, к удивлению Сергея не обрушились в воду, а пошли по ней, словно на поверхности была натянута прозрачная пленка, которая колыхалась и пружинила под ногами. И Сергею было очень трудно удержать равновесие. А запястьям горячо, почти до боли.

Сергей покосился на Аринду. Лицо сосредоточенное, взгляд в одну точку, верхняя губа немного вздернута, обнажая стиснутые зубы. На середине бассейна оба разом разжали руки, и вода разверзлась под ногами, принимая их в теплую горьковатую глубину.

Нырjali и плавали долго. Сергей в полном изнеможении буквально выполз на песок, очень крупный, с многочисленными правильными гранями. Тардель с Ариндой выбрались следом. Почти сразу же подул сухой, довольно сильный ветер, обсушивая тела и волосы. Тардель стал одеваться.

— Какой странный песок, непривычный. — Вслух удивился Сергей, разглядывая песчинки.

— Но ведь здесь не Земля. Здесь просто маленький кусочек Даярды. — засмеялась в ответ Аринда, пересыпая песок с ладони на ладонь.

— Аль, а как это вы по воде? Это что, все у вас так могут?

— Конечно, если джанеры, — то все. Только это не совсем легко, устаешь быстро, большой расход энергии. Особенно, если без боевого пояса.

— Да, и еще. Если здесь космос, то где же невесомость?

— Эх ты, любитель фантастики! Скажи еще, что об искусственной гравитации ты первый раз в жизни слышишь. Между прочим, гравитация на 8 % выше Земной. Ты не почувствовал?

— Я не понял. Тяжеловато вроде, но я думал это все хворь. — И вдруг спросил: Аль, у тебя было оружие на Земле?

— Нет, конечно. Неужели ты думаешь, что я, придя в гости, одела бы боевой пояс, или вообще, леггер бы на шею повесила?

— Не понял.

— Я не собиралась воевать с землянами. Я была обычным контактером— наблюдателем и все.

— А если бы на тебя напали?

Для того, чтобы постоять за себя оружие не нужно вовсе. Можно обойтись просто внушением, как я тогда на станции с обслуживающим персоналом. Это не совсем земной гипноз, но принцип действия тот же. Только скорость значительно выше.

— А если бы стали стрелять? — Все допытывался Сергей, лежа на животе и опираясь на локти.

— Самое простое — поставить защитное поле. Или вышибить оружие из рук. Пулю можно не только остановить, но и отклонить в сторону или отправить обратно.

Тардель слушал-слушал и встал, подняв к плечам раскрытые ладони. Приказал Сергею:

— Попробуй, кинь в меня хотя бы тем мячом. И целься в лицо, не бойся.

Сергей, подчиняясь любопытству, подобрал с песка у стены небольшой, но довольно увесистый синий пластиковый мяч и швырнул, что есть силы. Мяч, не долетев с метр, словно ударился о невидимую стену и упал к ногам Тарделя, который подобрал его и кинул Сергею.

— Еще!

А сам спокойно опустил руки и даже отвел взгляд. Сергей повторил бросок. Какие— то доли секунды потребовались Тарделю, чтоб вскинуть руки в защитную позицию и мяч снова упал к его ногам. Парни разыгрались, как малые дети. Тардель отбивал удары из любого положения. Несчастный мячик летал над песком, рикошетил к Сергею и в сторону, но ни разу не задел Тарделя, который предложил сменить тактику.

— Кидай вдоль стены.

Сергей, почти повизгивая от азарта, швырнул. Тардель вскинул прямую руку ладонью вверх с пальцами сжатыми щепотью, совсем так же, как Аринда тогда в аудитории. Блеснул почти незаметный лучик, и мяч, оборвав полет, упал, подстреленной птицей. Тардель сбивал его, вертясь как супергерой в боевиках: и с колена, и от пояса и из-за спины, левой и правой рукой. Тонкий лучик неизменно достигал цели.

Так вот каким образом Аринда собиралась остановить тогда грабителей! Наконец парень рухнул на песок и растянулся, раскинув руки.

— Все, устал.

Сергей, изумленный и запыхавшийся, опустился рядом. Он долго покачивал головой и восторженно улыбался, пока, наконец, в который раз сегодня, не выдохнул:

— Ну, ты даешь!

— Да это всякий может. — Равнодушно пожала плечами Аринда, садясь и закидывая руки за голову.

— У вас что, планета суперменов?

— Почему? Просто другая цивилизация. Уровень развития выше Земной, не в обиду тебе будь сказано. Просто развивают у детей то, что от рождения в каждом заложено. И в тебе тоже, между прочим. Только у вас принято подавлять проявление любых отклонений от искусственно выстроенных стандартов.

Два-три выстрела с рук у нас может сделать любой человек. Для большего, как Тардель, сегодня, нужно специальное обучение, в Джанерской Школе, например, и постоянные тренировки. А в настоящей схватке, даже для нас нужен боевой пояс, чтоб энергию до конца не вычерпать. — И попыталась объяснить. — Это что-то вроде аккумулятора и преобразователя энергии. Внешне похож на широкий толстый пояс, и надевается так же, на голое тело, под форму. Он дает возможность сделать около двухсот выстрелов средней мощности.

— Средняя мощность это как? — не успокоился Сергей

— Хватит, чтоб свалить не очень толстое дерево или надолго оглушить крупного хищника. Можно и убить, конечно, смотря в каких целях использовать энергию.

— Ты в людей стреляла?

— Нет. Зачем? А вот в каких-то слизняков со щупальцами, — тут Аринда скорчила брезгливую мину и потрясла кистями рук, словно стряхивая с них невидимую слизь, — в этих стреляла. Представляешь, у них на планете двойное зеленое солнце, двойное же, против нашего, тяготение и океан из мутного глицерина, и эти твари размером с большое кресло, начисто лишены какого-либо интеллекта, даже на животном уровне. Темно— зеленые, липкие и бесформенные. Они жрали любые белковые соединения, издалека чувствуя присутствие добычи. Они первые напали на нас, пришлось обороняться. После выстрелов они шипели, сворачивались в капсулу, до того прочную, что нужен был тройной заряд, чтобы ее испепелить. Если бы не поломка двигателя, мы ни за что бы, ни совершили той посадки. А они словно взбесились. Лезли и лезли, выделяя кислоту, разъедающую не только органику,

но и металл. Видно оголодали. Нам пришлось отстреливаться по кругу, двум сменам сразу, не подпускать их к «Аргону», пока не установили защитное поле.

— Все. Я пошел. — Сказал Тардель, поднимаясь. — Мне пора заступать на вахту. Давайте, досыхайте, обследуйтесь, и приходите ко мне, покажу пульт управления.

После его ухода Сергей с Ариндой еще немного поблаженствовали в песке и стали одеваться.

— Аль, а скафандры у вас есть?

— Есть. — Рассмеялась девушка.

— Что смеешься? — не понял Сергей. Он обувался и повернул голову, чтобы взглянуть снизу вверх.

— А ты в нем сейчас и стоишь.

— Я? В скафандре? — Сергей выпрямился, недоуменно глядя на девушку.

— Вот именно.

— Ты хочешь сказать, что это...? — Сергей оттянул плотную ткань куртки у себя на груди.

— Ага. Стандартная джанерская форма и заодно облегченная модель скафандра. Обеспечивает часовое пребывание в открытом космосе, если, конечно подсоединить гермошлем, надеть перчатки, закрепить вакуум— застежки.

— Что— то с трудом верится...

— Обычно мы в этой форме вне корабля не работаем, но сомневаешься ты зря. В нем можно спокойно пройти сквозь огонь и нырнуть в жидкий азот. Задерживает 98 % излучения. Между прочим, пуленепробиваем и неуязвим для лучевого оружия.

— Ни за что бы не поверил. — Сергей внимательно разглядывал оттянутую складку — Такая ткань и не пробивается пулей?

— Не стрелять же мне в тебя для демонстрации! — Рассердилась Аринда. — Придется верить мне на слово. Впрочем, если хочешь, пойдем, покажу тебе нашу амуницию.

Едва переступив порог открытой Ариндой двери, Сергей замер. В первое мгновение ему показалось, что сразу весь экипаж «Аргона», выстроившись в две шеренги, приветствует их. Конечно же, это были только скафандры, подвешенные в неглубоких нишах по два, оранжевый и красно-зеленый. Слева от оранжевого скафандра висел широкий серебристо-голубой пояс и что-то отдаленно напоминающее короткоствольный автомат. Девушка быстро завернула за угол и во втором проходе по-хозяйски хлопнула по рукаву скафандра, в третьей нише слева.

— Вот эти — мои. Оранжевый — обычный, а этот красный — усиленной защиты для длительных автономных работ. — И доверительно пожаловалась, — не люблю я его, тяжелый очень, неудобный. Но в нем трое суток можно провести. Там система жизнеобеспечения более мощная. А оранжевый нужно заправлять воздушной смесью через десять часов. А вот это — боевой пояс, я тебе о нем рассказывала.

Аринда, не снимая с вешалки, перевернула пояс и показала Сергею его внутреннюю часть, прилегающую непосредственно к телу. Она состояла из вертикально расположенных широких пластинок, матово поблескивающих черно— фиолетовым металлом.

— А это леггер. — продолжила она экскурсию. Но почему-то протянула Сергею не своё оружие, а сняла его из ниши напротив. — Посмотри, потрогай. — И подмигнула хитровато, — ведь хочется, наверное?

— Еще бы! — восхищенно улыбнулся Сергей, принимая чужое оружие, оказавшееся, неожиданно, более легким, чем он предполагал. — А почему ты свой не дала?

— Мог бы и сам догадаться. Ведь мой браслет у тебя в руках работал? Вот и леггер может сработать. А зачем мне это нужно? А этот для тебя абсолютно чужой. Не может же у тебя биополе ко всем подходить. — И сама напугалась, — подожди, на всякий случай проверить нужно. Сними леггер с предохранителя.

— С какого? — не понял Сергей.

— Вот с этого. — Аринда дотянулась, сдвинула какой-то малоприметный рычажок и облегченно выдохнула: вот, теперь нажимай, что хочешь. Не сработает.

— А что должно было произойти?

Зажглась бы зеленая сигналка готовности. Леггер, он комбинированное оружие. Ты, наверное, обратил внимание, что верхний ствол заканчивается антенной — локатором. Здесь нет пулевого варианта, привычного для вас, зато присутствуют лучевой (бластер, по вашей фантастике), парализатор и электрошокер.

Сергей сделал два шага вперед, примеряясь к чужому оружию, прицелился, поднимая к плечу, изобразил атаку. Никто не поверит, если рассказать.

Сзади послышался странный шорох. Сергей обернулся. Девушка сидела на полу, опираясь на широко расставленные руки, уткнувшись лбом в стену.

— Аля! Ты что? Тебе плохо? — ужаснулся Сергей. — Я сейчас! — он заметался, не зная, что делать с оружием, наконец, с величайшей осторожностью повесил его на место. Он опустился на колени и даже успел коснуться кончиками пальцев висков девушки

— Не надо! — хриплым чужим голосом выговорила она и отклонила голову, отстраняясь.

— Да ты что? Тебе же плохо! Я же помочь хотел! — возмутился Сергей — или может позвать кого?

— Не надо. Сейчас все пройдет.

— Ага, пройдет! Да ты же бледная, как покойник! Давай помогу! Я теперь знаю как.

— Я лучше сама. А то сбросишь лишнего, возись потом с тобой.

И, протянув руки, сжала его запястья ледяными, влажными пальцами. Аринда старательно отворачивалась, и Сергей видел ее только в профиль: бледное напряженное лицо с зажмуренными глазами, постепенно приобретающее нормальный цвет. Сергей почувствовал, как волна холодного озноба покатила от запястий вверх по рукам, уже достигая плеч. Неожиданно в мозгу мелькнула шальная мысль, что, как только эта волна холода достигнет его сердца, то он грохнется в обморок, а то и вовсе дуба даст.

В ту же секунду девушка разжала руки и прошептала, все еще пряча глаза, но уже вполне нормальным голосом:

— Спасибо. Извини.

— За что ты извиняешься?

— Ты меня опять выручаешь, хотя и не обязан этого делать.

— Не понял! — Возмутился Сергей — Если вы друг друга спасаете — это нормально? А от меня, значит, помощь принять зазорно! Потому что я чужой, да?

Аринда повернулась и села по— нормальному:

— Глупенький. Просто ты не обязан мне помогать. Тем более, если тебе страшно.

— С чего ты взяла? — спросил Сергей и покраснел неровными пятнами.

— Мне ОБЯЗАТЕЛЬНО тебе объяснять?

— Не надо. — Окончательно смутился Сергей, отводя взгляд. И спросил, пытаясь сменить неприятную тему:

— Аль, а что, кто-то вышел в открытый космос?

— Почему ты так решил?

— Вон, в той ячейке только один скафандр. И там еще.

— Это ячейка Реннера. Я же тебе рассказывала. — И поднялась. — Пойдем. Только, пожалуйста, не проговорись, что мне плохо было. Меня и так Денира под честное слово из медблока выпустила.

— А может, тебе и в самом деле лучше полежать?

— Успею еще, вот тебя провожу. А сейчас пойдем в столовую, а то ты, наверное, уже проголодался.

Столовая оказалась довольно узкой, ярко освещенной комнатой со странным расположением столиков-полочек: вдоль стен по девять слева и справа. Под каждым столиком табурет на одной ножке, прикрепленный к полу и больше ничего. Только на столиках у самой стены по две крупных кнопки.

— Садись, — показала девушка на крайний столик.

Сергей недоверчиво опустился на слишком низкий табурет. Столик оказался на уровне подбородка. Тут же ощутил, как поехал вверх.

— Регулируются под рост. — Догадался он, прикидывая, насколько же выше его тот человек, что последним сидел здесь.

— Я сама тебе закажу. Ты не сумеешь, — как бы оправдываясь, сказала девушка, нажимая левую кнопку. И заговорила на своем, непривычно — звонком языке, явно что-то перечисляя. В ответ прямо из стены раздался голос. Сергей от неожиданности даже отпрянул. На стене, на уровне столика, засветился зеленый прямоугольник размером с журнал.

— Нужно подождать около минуты. Я заказала более-менее привычный для тебя обед. Не беспокойся, все вполне съедобно.

И отошла к соседнему столику, повторяя те же действия. И точно. Вскоре на прямоугольнике образовались по периметру трещинки, он уехал вниз, а на столик вытолкнулась бледно — розовая пластиковая тарелка и ложка почти круглой формы на ней с краю. В тарелке было что-то напоминающее овощное пюре интенсивно желтого цвета. В середине, исходя аппетитным парком порезанное слишком правильными кубиками под прозрачным соусом то ли мясо, то ли рыба не поймешь. Сергей опасливо ковырнул содержимое, попробовал — непонятно что, но вкусно. Ковырнул еще раз и начал есть по-настоящему. Голод не тетка, тем более что Аринда не привередничала и ела такое же блюдо без опаски. Как только тарелка опустела, гибкий манипулятор загреб ее в стенку и вытолкнул другую с нарезанными дольками талинды и полупрозрачными кусочками еще каких-то фруктов, очень сладких и необычайно сытных.

— Ну вот, теперь ты с голоду умереть не должен, — засмеялась Аринда.

— У вас в экипаже 18 человек? — спросил Сергей, поднимаясь.

— Столики считал? — улыбнулась Аринда. — Нет. Нас 42. Было. Четыре смены по девять человек. Две десантных и две — технического обслуживания. Остальные шестеро вне смен. Просто больше двух смен сразу здесь никогда не собирается.

— А почему я никого больше не видел?

— Во-первых, у техников нет разрешения на контакт. Во-вторых, у нас это не принято: лезть туда, куда не просят. Тем более что из нашей смены на борту только трое. У нас десантная смена, как и третья.

— А остальные?

— Ой, какой же ты любопытный! Остальные пока у вас, на Земле. — Аринда глянула на браслет, чуть подумала и пригласила: — Пойдем ко мне, придется тебя знакомить со всей сменой, иначе ты не успокоишься, — и, уже идя по коридору, перечисляла задумчиво: Так, кого ты уже видел? Зенднора знаешь, он капитан, Дениру знаешь...

— У нее странное имя, — перебил Сергей. У нас, то есть в Америке, в США, есть практически такая фамилия у киноактера.

— Ничего странного. Если учесть, что звучание наших языков гораздо ближе, чем некоторых земных между собой, то в коротком имени сочетание звуков может совпадать. Мое имя похоже сразу на два ваших: Арина и Алина, так что..., — она открыла дверь своей каюты и показала рукой на кресло, — проходи, садись. — А сама подошла к стенной панели, что-то нажимая на ней.

Сергей уселся в высокое, жестковато-упругое кресло, повторившее форму его тела, и стал с любопытством разглядывать несколько пряжек на подлокотниках на разном уровне. Аринда подошла и, сев на подлокотник, засмеялась:

— Что, хочешь пристегнуться? — и пояснила, — просто эта, так называемая мебель, используется еще и как противоперегрузочное средство. — И включила экран, приглашая:

Смотри.

Первой появился стереоснимок мужчины лет сорока, светловолосого, с высоким открытым лбом и очень серьезным взглядом льдисто-голубых, глубоко посаженных глаз. Внизу имелось несколько строк непонятного текста, видимо анкетные данные.

— Это Ланер, — прокомментировала Аринда, — очень строгий наш начальник.

Со следующего снимка смотрел совсем юный парнишка, едва ли не моложе Аринды, коротко стриженный, смугловатый. Он плотно сжал и без того тонкие губы, стараясь напустить на себя побольше строгости. Правда, безуспешно.

— Это Гадар. Мы с ним вместе учились. Он биопартнер Ланера. Хороший парень, но иногда может вытворять глупости. — При этих словах она так загадочно улыбнулась, что сердце Сергея тихонько сжалось. Аринда продолжала: — Так, меня ты видел, Тарделя тоже. А это Тагир.

Он оказался очень красивым темноволосым мужчиной с тонкими чертами лица и выразительными черными глазами. Ему было где-то за тридцать.

Вот, что осталось от нашей смены, когда погиб экипаж Реннера. Как сказал Зенднор «одна молодежь. Полностью небоеспособная смена». И нам срочно ввели пополнение.

Это — Даген. Вообще-то он, как навигатор, должен быть всегда вне десантной смены, но он еще и партнер Тагира, а у нас и так осталось всего одна полная пара, а необходимо, по крайней мере, три.

Даген был самым старшим из всех на снимках, с тяжелым подбородком и взглядом исподлобья. Всю серьезность портил нос картошкой. Зато еще один член смены уж совсем не подходил на десантника. Круглое добродушное толстогубое лицо и непослушные соломенные вихры в разные стороны. Это — Байгель. Он хоть и из технической смены, но пиротехник, что надо и партнер Тарделя. Пиротехник был в том самом возрасте, под

тридцать, когда юность и зрелость присутствуют в человеке одновременно, то и дело, сменяя друг друга.

— Вот и все. — Подытожила Аринда, выключая экран, — а теперь пошли скорее.

Не успев пройти по коридору и десяти шагов, оба разом обернулись на дружный хохот. Из одной двери вывалилась веселая толпа. Сергей насчитал 8 человек, они шли в противоположную сторону плотной кучей, держа над головами на ладонях, отчаянно барахтающуюся девушку. Движения ее были странно замедлены, словно она плыла в невидимой жидкости. Толпа проследовала в сторону бассейна. Аринда тоже рассмеялась, запрокидывая голову:

— Все, конец Биланде, искупают, и раздеться не дадут! — и пояснила, — она сама их довела своими шуточками. Наверняка, от скуки заслала ремонтников куда-нибудь на нижний уровень и вот теперь расплачивается. Плавать ей, пока прощенья не запросит.

— Что-то она плохо вырывается. — Тоже улыбнулся Сергей.

— Попробуй, вырвись! Они ее силовым полем держат, так что бесполезно. — И заторопилась, — пошли скорее, Денира заждалась уже. У нас не принято опаздывать.

В медблоке женщина — врач улыбнулась Сергею, как старому знакомому:

— Вот, теперь на тебя приятно смотреть! — и приказала — садись сюда, проверим, где и что неладно. Для нас это очень ценная информация.

Он покорно подставил руки под браслеты, чуть поморщился, почуяв на висках холод металлического обруча, но высидел до конца, тем более что ничего, кроме легкого щекотания под датчиками, не ощутил. Женщина долго работала с компьютером, потом удовлетворенно откинулась на спинку кресла.

— Теперь тебя можно спокойно возвращать на Землю, — и похвалила: а ты оказался молодцом, Сергей, я не ожидала от тебя такой мощной энергии. Сам-то еще слабый, да и непривычно тебе такое, но если бы не ты, Аринду бы мы потеряли.

Сергей невольно оглянулся на девушку. Она стояла у стены и чуть заметно улыбалась, не разжимая губ.

— Теперь твоя очередь, — скомандовала ей женщина.

— Денира, а со мной все в порядке! — Быстро ответила Аринда, невозмутимо глядя в лицо врачу.

— Я в этом не сомневаюсь, — тактично возразила ей женщина, — но мне нужны не твои бравые заверения, а данные для компьютера. Не забывай, что я сама джанер и прекрасно знаю и ваше пренебрежение к медицине и все ваши ухищрения наперечет, так, будь добра...

Вздыхнув, Аринда сплела руки у себя на запястьях и одним движением сместила рукава к локтям, освобождая руки под контрольные браслеты.

— Полюбуйся, — развела руками женщина, обращаясь к Сергею, — обычный человек стал бы так делать? А больше половины экипажа припасаются к осмотру именно так.

Джанеры есть джанеры. И я люблю их всех такими, какие они есть: веселых, дружных, чуть небрежных к собственному здоровью и безумно влюбленных в звезды. Женщина чуть улыбнулась, закрепляя датчики на руках Аринды, — и все это сочетается с профессионализмом высочайшего класса. Правда, с возрастом, приобретая опыт в полетах, некоторые становятся серьезными, но, отнюдь, не все, — глянула на Сергея, — я тебя не утомила?

— Нет, конечно, — встрепенулся он, — мне очень интересно, я же почти ничего о вас не знаю!

— Хорошо, — продолжила женщина. — Но джанеры — это не только романтика дальних странствий. Одно дело летать с айдером за поясом и ловить на себе восторженные взгляды мальчишек, другое — это и серьезные ограничения, которые накладываются на обладателя такой профессии. Джанер — это даже не призвание, а образ жизни, и не каждому жителю Даярды под силу иметь вместо дома каюту звездолета, спускаться на планету лишь во время нечастых отпусков, ведь полет может длиться несколько лет. И джанер, если не находит себе пару среди членов экипажа, обычно остается одиноким на всю жизнь. Мне повезло, мы с Зенднором летаем вместе, но так везет не всем. Редко кто соглашается большую часть жизни сиротливо ждать своего супруга на Даярде, не имея права даже родить от него ребенка.

— Но почему? — Сергей вскинул на собеседницу удивленный взгляд.

Она горько улыбнулась в ответ, ненадолго оторвавшись от компьютера.

— Мы джанеры, Сергей. У нас нет права заводить детей.

— Но это жестоко!

— Это справедливо. У джанера, будь то мужчина или женщина, никогда не бывает здоровых детей. Сказываются обычные наши сверхперегрузки при разгонах и торможениях, скачки через гиперпространство, почти постоянное облучение и болезни других цивилизаций. У джанеров насыщенная событиями, но, отнюдь не долгая жизнь. Конечно, есть и альтернатива. Можно бросить все, прожив на Даярде 10 лет, не поднимаясь даже на орбиту, и уже после этого, пройдя обследование, заводить ребенка. Так редко, но бывает. А обычно, наши дети — вот такая зеленая молодежь. — Женщина кивнула на Аринду. — Они приходят в экипаж, дополняя разрушенные пары, или образуют новые. О, это нужно видеть, Сергей, когда они, только что, закончив учебу, ступают на борт звездолета на правах членов экипажа, имея на груди новейший значок джанера, а за плечами единственный недалекий стажерский полет. — И повернулась к Аринде, которая тщетно пыталась сдержать улыбку, — смейся, смейся, это пока и тебя касается. Они бывают так уверены в себе, зная абсолютно все на свете, и обладают бесшабашной смелостью, сначала делая что-либо, а уже потом думая о последствиях. И мы, старшее поколение, любим их, как своих детей, и терять молодежь бывает безумно больно. Перед этим вылетом их было на «Аргоне» пятеро, сейчас осталось только трое. Очень редко мы возвращаемся без потерь.

Она вздохнула, отпуская Аринду.

— Благодарю своего гостя, только из-за него я тебя не оставляю в медблоке, но тобой еще нужно серьезно заниматься. — И поинтересовалась — Куда вы теперь?

— Походим немножко по «Аргону». Тардель сменится, и полетим собирать наших. А заодно завезем его домой.

— Ну что ж, землянин, — Денира обратилась к Сергею немножко официально, — давай прощаться здесь. У нас не принято устраивать торжественных проводов, — и она, положив руки ему на плечи, по-матерински ласково посмотрела в лицо. — Если не попадешь в катастрофу, то тебе обеспечена долгая жизнь. Прощай.

— До свиданья. — Немного смущенно прошептал парень.

За очередной дверью стоял полумрак. Все освещение шло от приборов панели управления, перед которой два пилотских кресла, вдоль задней стены еще 6. Здесь корабль словно открывался перед космосом, такое обилие звезд смотрело на пилотов, управляющих «Аргоном». Сергей замер, притаив дыхание: и прямо, и слева, и справа — всюду звезды. Почти вплотную справа проплыла Луна, огромная, щербатая и неживая, а слева, почти внизу — Земля.

— Черт, она на самом деле голубая!

Тардель, оторвавшись от пульта управления, приветствовал гостей взмахом руки. Сидевший справа от него пилот тоже оглянулся, что-то сказал напарнику, вскочил, и, бросившись к Аринде, подхватил ее на руки и закружил. Девушка обняла его за шею. Сергей сник. Он понял, что оказался третьим лишним. Опустив, наконец, Аринду на пол, парень подошел к Сергею, и он узнал молоденького десантника с того снимка. Они были примерно одного роста, только хозяин шире в плечах.

— Спасибо тебе за Аринду. Если бы не ты...

А Сергей и вовсе не нашел слов для ответа. Они целую минуту стояли молча, глядя друг на друга, пока Гадар, извинившись, не пошел к своему месту.

— Вы всегда управляете вручную? — спросил Сергей, подходя поближе к пульта. Аринда вновь стала гидом. Она стояла у кресла своего парня, держа руку у него на плече:

— Нет, в открытом космосе работает только автоматика и один дежурный, а здесь на орбите, еще нужно держать связь с нашими на Земле. Их там еще восемь человек в разных местах.

— А наши орбитальные станции и спутники, они не мешают?

— У них орбита значительно ниже, и потом, у нас включено защитное поле, мы вне видимости, и локаторы нас не засекают.

Сергей снова загляделся на звезды и, вдруг, увидел, как прямо на «Аргон» несется какой-то здоровенный обломок искореженной металлической арматуры. Представив, что будет через мгновение, когда он врежется в иллюминаторы, круша все на своем пути, Сергей инстинктивно резко пригнулся, закрывая голову рукой, и крепко зажмурился. Почти тут же грянул дружный хохот. Сергей медленно выпрямился. Все трое «аргонавтов» от души смеялись над ним. Первым опомнился Тардель и, еще вздрагивая от смеха, отвернулся к приборам. Аринда, всхлипывая, как маленькая, сказала:

— Ой! Не обижайся, пожалуйста. Мы просто не ожидали такой реакции на обычный мусор.

— Я просто представил, что будет, если эта фиговина врежется в иллюминатор и влетит сюда.

Аринда, усилием воли, подавила подступающую волну хохота, а Гадар все же не удержался, еще раз фыркнул.

— Ты ошибся. Во — первых это не иллюминаторы, а смотровые экраны, и во — вторых, я же тебе только что говорила — у нас включено защитное поле.

— А где она, эта штука? — все еще обиженно спросил Сергей.

— Сгорела. Что помельче само аннигилируется, касаясь поля. Крупное отстреливается противометеоритной пушкой. А если будет что совсем очень большое, «Аргон» просто обойдет препятствие. Вон, смотри. — Девушка протянула вперед руку, и Сергей увидел подлетающий измятый контейнер. Когда до «Аргона» оставалось не более пяти метров, и уже была видна каждая вмятинка на ржавых боках, контейнер вдруг неярко вспыхнул и

исчез.

— Вот и все. — Коротко прокомментировала Аринда.

— Хорошо, хоть одного землянина припугнули, — подал голос парень Аринды, — Пусть поглядит, что у них за орбита. Свалка настоящая! Не только всю планету, уже и космос замусорили. И «Аргон» вместо дворника.

Впервые в жизни Сергею было стыдно не только за себя, но и за всю Землю в целом.

— Прекрати, Гадар, он же здесь не при чем. — Голос Тарделя был довольно строгим, и Гадар демонстративно отвернулся к пульту, мигающему многочисленными огоньками в желто—зеленой гамме.

Он явно обиделся. Почему-то Тардель заступался за чужака, который полностью завладел вниманием Аринды. Она вот уже больше месяца уделяет этому чужаку слишком много времени, и общается с ним больше, чем с ним, с Гадаром. А ведь он был почти уверен, что Аринда принадлежит ему и только ему. Они познакомились еще на вступительных экзаменах в Джанерскую Школу. И знакомство их начиналось весьма странно.

До начала экзаменов было еще далеко, а перед воротами уже собралась толпа. Заранее было известно, что на двадцать мест в десантной группе претендовало 97 человек. Но, судя по количеству народа у ворот, многие привели с собой друзей и родственников. И каждый надеялся, что именно ему улыбнется удача. Держались парами и кучками, переговаривались, негромко смеялись, создавая атмосферу тревожного ожидания.

Аринда с Реннером сидели на бортике декоративного оформления дорожки, невольно прижимаясь плечом к плечу, и молчали, разглядывая пеструю толпу конкурентов. У некоторых с собой рюкзачок или пакет со сменной одеждой. значит, потенциально это самые опасные соперники. Аринда насчитала уже одиннадцать девушек, и, зная, что в списке их шестнадцать, вытягивала шею, пытаясь высмотреть и остальных.

Начало регистрации вызвало заметное оживление. Реннер вскочил первым и подал Аринде руку, чтоб помочь подняться, будто она сама не могла этого сделать. Толпа налегала вперед, поближе к воротам, через которые претендентов по одному пропускали на территорию Школы, вручая каждому светло-зеленый пластиковый квадратик с номером. Реннер разжал стиснутую ладонь — 56. У Аринды оказался 57 номер. Еще не самый конец, но уже и не первые ряды.

Насмешливый голос заставил Аринду обернуться. Смуглый кареглазый парень, что стоял рядом, с презрительным превосходством разглядывал ее, и, кривя верхнюю губу, заявил Реннеру:

— М— да, парень, не повезло тебе. Девчонка в напарницах! Ой, позорище! Ведь провалишь экзамены из-за нее.

— Не твое дело! — резко оборвал его Реннер

И самолюбие Аринды было больно зацеплено:

— Это ты, слабак, не поступишь, а я пройду.

— Ой, ли? — откровенно издевался над ней незнакомец, корча глуповатую рожу и коротко покачивая головой из стороны в сторону. — Ты?! Девчонка! Да тебе только дома в куклы играть. В десантники она собралась!

Его компания, двое сильных и высоченных, не чета Реннеру, парней, что смотрели на Аринду сверху вниз, покровительственно посмеивались.

— Спорим! — звонко выкрикнула девушка звенящим от возбуждения голосом. Стоящие вокруг начали оборачиваться. — Спорим! — повторила она, — Я пройду полигон быстрее тебя!

— Куда тебе! — прогудел стоящий рядом парень в черном спортивном костюме. Аринда кинула на него яростный взгляд. — Будешь свидетелем! — приказала она, и парень неожиданно улыбнулся.

— Хочешь сказать, что смелая?

— Я хочу, чтоб ты был свидетелем того, что твой дружок проиграет мне этот спор.

— Гадар тебе не уступит!

— Кларт, будь свидетелем. — Тоже повернулся к нему спорщик. Увидишь, как я покажу настоящий класс этой задавке.

Пари было заключено под дружный шумок окружающих. И почти сразу же объявили о начале экзаменов. Обладатели нечетных номеров должны были сначала пройти полигон.

Остальные сдавали теорию: тестирование на профпригодность.

В зале, куда приходили после прохождения практического экзамена, были установлены два обзорных экрана, на которых было видно все, что происходило на полигоне, указывалась скорость передвижения, и внизу, на табло, высвечивалось имя проходящего, его номер, затраченное и нормативное время, и, конечно же, занимаемое место.

На полигон уходили с интервалом в семь минут, которых обычно хватало, чтоб не мешать идущему впереди.

Кларт отработал полигон почти безукоризненно. Принес все 14 жетонов с препятствий, и его имя пока прочно занимало первую строку в списке. Он уже успел переодеться И теперь с интересом болел за друга. Тоже промокший встрепанный Гадар увидел на табло свой седьмой результат и бросился обниматься с Клартом. Они так радостно начали тискать друг друга, что Кларт зашипел сквозь зубы. На полигоне он, поскользнувшись, чувствительно приложился правым плечом к препятствию. Сгоряча не почувствовал, а теперь боль дала о себе знать. Насмешливые возгласы окружающих прервали их счастливые объятия. Все смотрели на экран, который показывал парня, застрявшего на скале. Прельстившись пологим началом спуска, он выбрал неудачное место, добрался до козырька и теперь не знал, что ему делать: возвращаться на вершину или ждать, когда его снимет контрольная служба. Он уже не укладывался в отведенное время и превратился из конкурента в объект насмешек. Вот его обогнал еще один человек, а он все сидел на скале растерянный и почти испуганный.

Кларт ткнул друга локтем, и Гадар, отжимавший воду из штанины, тоже уставился на экран. На старт вышла их соперница. Вытянув губы трубочкой, она переминалась с ноги на ногу и ждала, когда вспыхнет зеленый разрешающий сигнал. И начала забег под ироничные смешки друзей, которые вскоре сменились напряженным молчанием.

По беговой дорожке Аринда пронеслась с такой скоростью, что у Гадара невольно ёкнуло сердце. И даже Кларт стал более внимательно следить за событиями на полигоне. Их наглая девчонка, в самом деле, оказалась достойной соперницей. Вот она взяла второй жетон после дистанции на айдере, не свалилась с раскачивающейся цепи, и полоса препятствий ее не очень задержала.

Она, хоть прошла чуть больше половины полигона, уже давно перекрыла результат Гадара и вплотную подбиралась ко времени Кларта, заставляя друзей замереть от зависти и восторга. С восьмым жетоном она взяла страховочный пояс с веревкой и ножом, и на бегу застегивала его. На скалу лезла так, как восходят по знакомой лестнице. Выступы — опоры для ног и рук, словно, сами возникали для нее. На вершине Аринда задержалась на несколько секунд, пряча в грудной кармашек очередной жетон.

Злополучный парень все еще торчал на скале, вцепившись в камень побелевшими пальцами, и истошно блажил. В зале не было слышно звуков, но Кларт с Гадаром увидели, как Аринда легла на живот и что — то крикнула страдальцу. Потом, прикусив согнутый указательный палец, посмотрела на часы. Досадливо махнув рукой, перебежала левее и стала спускаться там, где застрял неудачник. Она добралась до него, окликнула, показывая влево и вверх. Но парень, похоже, уже ничего не соображал. Тогда Аринда сама размотала у него на поясе страховочный тросик, сцепила его со своим, и вновь стала что — то говорить. Испуганный парень не слушал и продолжал блажить. Все в зале замерли, впившись глазами в экран: что — то будет. Аринда, удерживаясь одной рукой за каменный выступ, закатила неврастенику две пощечины, прерывая истерику. Демонстративно замахнулась с плеча в

третий раз, собирая пальцы в маленький и жесткий кулачок, и парень, наконец— то, поняв, что от него хотят, отцепился от скалы. Девушка спускала его вниз на страховочном поясе, понемногу стравливая веревку, и что— то кричала, видимо, успокаивая...

Как только ноги страдальца коснулись мелкой каменистой россыпи под скалой, он, почувствовав, что спасен, рванулся прочь, забыв отцепить страховку. Он, естественно, даже не вспомнил о своей спасительнице и теперь сдергивал ее с узкого козырька. Она пошатнулась, цепляясь за камень, выхватила нож и вонзила его в расщелину, создавая опору. И чудом успела расстегнуть страховочный пояс. Он змеей соскользнул вниз.

Аринда яростно сплюнула, осмотрелась. Под козырьком была отвесная, почти гладкая скала. Девушка коротко выдохнула, посмотрела вверх, потом вниз, потом на часы и стала спускаться чужим, неудобным, навязанным ей маршрутом, зажав нож в зубах. Со стороны она была сейчас похожа на черную гибкую ящерицу, распластанную на гладкой скале... Она уже прошла больше половины опасного спуска, когда камень сорвался из— под ее ноги, и она повисла на руках, потеряв опору.

Дружное: Ах! у экрана. Все в зале сейчас болели за нее, начисто забыв о соперничестве.

Бесстрастная камера слежения показывала напряженное, искаженное гримасой лицо и побелевшие пальцы рук. Аринда нашла-таки опору для левой ноги и подтянулась. Отцепила правую руку, трижды сжала и разжала кулак, восстанавливая чувствительность онемевших пальцев. Спуск продолжался.

Вот, не найдя зацепки для пальцев, она загнала в трещинку нож, используя его как единственное страховочное средство. И снова оборвалась, оступившись, повисла на руках, ища ногами хоть какую— то опору. Увидела подходящий выступ и потянулась всем телом вправо, продолжая держаться на отвесной стене только при помощи ножа. Лезвие не выдержало, хрустнуло, и она полетела вниз с двенадцатиметровой высоты.

Аринда не растерялась, успела, извернувшись, скомпоноваться. И поэтому не хряснулась о камни спиной, а прыгнула на ноги, и, завалившись набок, замерла.

Вот и всё. Доспорились.

Хотя никто не знал, были ли раньше смертельные случаи при прохождении полигона, всем стало невероятно жаль отчаянную девчонку. Но она приподнялась, потрясла головой и села, стирая со щеки кровь. Вытащила другую руку из мелкого щебня, отряхнула кисть и глянула на часы. Ужаснулась и рванулась, было, вперед. Но тут же присела, скривившись от боли, припав на правую ногу. Об острое ребро камня она разодрала штанину от колена вниз и ногу тоже. Она зажала рукой рану, останавливая кровь. Посидела чуток и, спотыкаясь, побежала дальше, подтаскивая ногу, то и дело, опираясь на руки.

Следили за ее прохождением, естественно, не только спорщики, но и приемная комиссия. В ее состав, как всегда, входили преподаватели Школы и капитаны нескольких звездолетов, стоящих сейчас в космопорту. Один из них прикинул затраченное девушкой время, довольно хмыкнул и четко произнес.

— Я делаю официальную заявку на эту девочку.

— Но она даже не дошла до конца полигона!

— Сейчас дойдет.

Тем временем Аринда благополучно перебралась через бурлящий речной водный поток. Хорошо хоть, что на предстоящих препятствиях скорость передвижения была не так важна. Отстрелялась точно. На пару секунд задержалась перед мишенью для метания ножей. И, так как ножа у нее больше не было, вздохнув, отправилась дальше, чтоб аккуратно и быстро

проползти под заграждениями ко входу в темный лабиринт — последнее, четырнадцатое препятствие полигона.

Аринда забежала в комнату, где сидели члены приемной комиссии, прикусив нижнюю губу и заметно подволакивая правую ногу. Мокрая, с головы до ног перепачканная грязью и кровью, она высыпала на стол горсть разноцветных жетонов. Тринадцать из четырнадцати возможных.

Зед Нолис, молодой преподаватель, сам недавний выпускник этой же Школы, набирающий сегодня свою первую десантную группу, быстро подошел к ней. Он еще смущался, когда его собственное имя употреблялось с приставкой Зед, то есть — учитель.

— У тебя пока шестой результат из пятидесяти семи прошедших и восемь штрафных очков.

— Я знаю. Я сорвалась. И нож сломала.

— Зачем тебе было нужно снимать того парня? Его через десять минут сняла бы контрольная служба.

— Я не знала, что такая служба существует. И он так орал!

— Давай знакомиться. Я — твой будущий преподаватель. Меня зовут Зед Нолис. Я буду вести вашу группу.

Аринда. — морща нос от боли, представилась она.

Желая сделать будущей ученице приятное, Зед Нолис сказал доверительно:

— На тебя сделали официальную заявку. Зенднор. Вот он, стоит позади нас.

Аринда оглянулась через плечо, и грязное лицо расплылось в широченной улыбке.

— Зенднор! Я буду летать на «Аргоне»!

— Интересно, откуда это абитуриенты Школы могут меня знать? — подошедший Зенднор тоже улыбнулся.

— А у меня брат летает на Вашем корабле...

— И кто это?

— Тардель, — но взгляд у Аринды, только что сияющий, сделался весьма озабоченным, — я, ведь, еще теорию не сдала. Мне нужно...

— Судя по всему, тебе нужно показаться медикам. — Перебил ее Зенднор. — Да будет тебе известно, что те, на кого сделана заявка, от теории освобождаются. Так что пошли в медблок.

Аринда шагнула, было, но, со свистом втянув воздух сквозь зубы, присела, обхватив руками щиколотку правой ноги.

— Да как же ты полигон — то дошла? — удивился Зенднор.

— Не знаю. У меня было слишком мало времени, чтоб обращать внимания на боль, — жалобно ответила Аринда, глядя на него снизу вверх.

— Ну, вот что, — Зенднор подхватил девушку на руки, — давай-ка, я тебя лучше унесу.

— Не надо! — пыталась сопротивляться Аринда, — я сама!

— Не дергайся, «сама».

В медблоке Зенднор попытался уложить девушку на кушетку, но Аринда в ужасе сразу же спустила ноги, усаживаясь.

— Я же сейчас тут все перепачкаю!

— Тогда сиди! — и привалил ее спиной к стене.

Зенднор, видя, как стремительно начинает бледнеть лицо девушки, отвернулся к врачу, шепнув:

— Быстрее!

А сам, дождавшись, пока сделают необходимую инъекцию, присел на корточки, пытаюсь снять мокрый ботинок с ее пострадавшей ноги. Видимо, он все-таки оказался недостаточно осторожным, или начало действовать снотворное, но Аринда поползла спиной по стене, заваливаясь набок.

Зенднор, ничуть не заботясь о чистоте, уложил ее на кушетку. И, пока врач хлопотала возле нее, разул девушку и дорвал штанину, обнажая ногу до колена.

Вид открылся ужасный: рваная рана на голени с запекшейся кровью и красные следы ладоней вокруг нее. А также распухшая щиколотка.

Сканирование показало, что переломов нет, зато присутствует неполный вывих и сильнейшее растяжение связок.

Зед Нолис немного задержался, но теперь и он прибежал в медблок, и вид у него был довольно растерянный.

— Что это с Вами? — поинтересовался у него Зенднор, не отрывая ладони от щеки спящей девушки.

— Так это же будет моя первая группа. И вот такое...

— Ничего, привыкайте. Можете считать, что эта девочка уже у вас в группе. И у меня к Вам просьба. Сделайте мне из нее хорошего джанера. Я с ее братом знаком довольно близко. И, если сестра пошла в него, а, судя по всему, характер у нее еще тот, она Вам еще помотает нервы. Но обычно зря я заявки не делаю. Потенциал у нее отличный.

Зенднор убрал, наконец, свою ладонь со щеки девушки и заметил удовлетворенно.

— Ну вот. Совершенно другое дело. А то ободрала себе всю щеку. Она еще дешево отделалась. Немудрено было и шею свернуть, с такой высоты сорваться. — Он поднялся. — Могу я откуда-нибудь связаться со своим кораблем, чтоб с браслета эфир не засорять?

— Да. Пожалуйста. — Пригласил его Нолис.

Когда Аринда открыла глаза, рядом с ней сидел Гардель. Сидел и улыбался.

— Просыпайся, пора. Голова не болит? Не тошнит?

— Нет. Только нога. А почему меня должно тошнить? И откуда ты здесь взялся?

— Зенднор вызвал. Велел тебе чистую одежду привезти. — Зачем? У меня же с собой все было. — Он ведь не знал. Говорит, твоя сестричка только что умудрилась свалиться со скалы. Были бы у нее в голове мозги, то бы вылетели, наверное. А родители обрадовались, когда узнали, что мы на одном корабле летать будем.

— А ты уже успел, обо всем доложил?

— Не удержался. Но про то, что ты чуть не убилась, я промолчал, не бойся. — Давай одевайся скорее и пошли.

— А Зенднор, правда, сказал так, про мои отсутствующие мозги?

— Нет, конечно.

Аринда с любопытством разглядывала свою ногу, запеленатую до середины голени упругой оранжевой лентой, которой фиксируют переломы. Врач напутствовала их, провожая до дверей своего напичканного аппаратурой медблока.

— Я тебе нарочно не стала колоть тебе анальгетики, чтоб ногу поберегала. Я здесь уже двадцать лет работаю. Изучила вас всех. Сразу бегать захочешь, как здоровая. А этого делать не нужно. Будешь приходить ко мне сразу после подъема и вечером перед отбоем. И до тех

пор, пока я не разрешу, — никакой физической нагрузки на ногу, кроме ходьбы. Если, конечно хочешь здесь учиться и потом летать.

В центральном зале уже собрались почти все абитуриенты. Реннер бросился к Аринде.

— Как ты? Мне сказали, что ты сорвалась со скалы. Беги скорее, там сейчас уже последний заход сдает теорию. Ведь опоздаешь!

— А мне не нужно сдавать.

— Как? А Школа?

— Мы уже поступили. На нас была заявка с «Аргона».

Они обнимались и орали, как умалишенные. И никто не понимал, чему они так радуются. Тардель весьма снисходительно на них поглядывал. Аринда высвободилась из объятий, опустила в кресло, посмотрела на табло с общими сводными результатами и разом погрузилась. Гадар по окончательным итогам в списке шел девятым, а она — лишь двенадцатой. Она обернулась к брату.

— Тардель, у тебя деньги с собой есть? Сходи, пожалуйста, купи большую коробку конфет. Я тут поспорила с одним парнем, что быстрее его пройду полигон и проиграла.

— Спор — это святое дело. — Согласился Тардель. — Проспорила — надо платить. Сиди здесь, я сейчас быстренько сбегаю.

Он, действительно, вернулся очень скоро. Аринда, опираясь на руку брата, проковыляла к окну, где расположились Гадар и его компания. Она протянула Гадару коробку.

— Вот, держи. Я проспорила.

— Ты что! — возмутился парень. — Все видели, из-за чего ты проиграла спор. Если бы не тот идиот на скале... Я не возьму.

— Еще как возьмешь!

— И не подумаю!

— Возьмешь! — вступился за сестру Тардель. — Она проспорила.

— Тогда, — Гадар принял коробку у нее из рук, — Пусть все тоже будут свидетелями. Я хочу перед тобой извиниться. Я был не прав, когда сомневался в тебе. Нам же учиться вместе. Ты принимаешь извинения?

— Хорошо. Принимаю.

— Тогда давайте все вместе съедим эти конфеты. У нас сегодня праздник. На Кларта поступила заявка в военного крейсера. Так что ты с ним осторожней в будущем.

И вся компания, дружно и очень быстро, уничтожила содержимое коробки. На отсутствие аппетита никто не жаловался.

Зед Нолис никогда бы раньше не подумал, что тридцать шагов вправо по коридору до кабинета директора окажутся такими тяжелыми. Еще месяц назад, Нолис был полностью уверен в своих силах и считал, что справится с группой самостоятельно. А теперь шел за советом.

Директор сосредоточенно изучал какую-то таблицу на экране. Увидев вошедшего Нолиса, он знаком указал ему на кресло. И в течение еще трех минут Нолис был предоставлен сам себе. И мог разглядывать в узком вертикальном зеркале свою собственную физиономию со сведенными к переносице бровями и сжатыми в прямую линию губами. Тонкие крылья носа ощутимо трепетали в такт нервному дыханию.

Наконец директор оторвался от своей работы. Посмотрел на Нолиса вполне приветливо.

— Что, проблемы?

— Да, Зед Нибот.

— Рассказывайте, раз пришли.

И Нолис, начал, сосредоточенно глядя в пол.

— Вы помните девочку, которая сорвалась со скалы на полигоне на вступительных экзаменах? Аринду? — и, не дожидаясь ответа, продолжил, — У нее из-за травмы было освобождение от тренировок. И вот, неделю назад ей разрешили полную нагрузку. Я вывел группу на полигон. Она очень прилично, без претензий, дошла до скалы и вдруг встала, едва коснувшись руками камня. И я не смог заставить ее подняться. Я отправил ее к началу полигона. Она отлично начала и опять остановилась. И в глазах ее был такой страх! Я, по сути дела, силой, загнал ее наверх. Но спускать ее пришлось на страховочном фале. Ее колотила колотила такая дрожь! Я думал, что она никогда не успокоится. Я не зачел прохождение полигона всей группе. Я думал, что хоть это на нее подействует. Но в результате на следующем занятии она не справилась ни с одним заданием и не явилась ужинать. Завтракать я ее выгнал, но она практически ничего не стала есть. И опять завалила все тесты подряд. И полигон не прошла. ...Неужели придется ее отчислять? Она сломалась, Зед Нибот. Так хорошо начинала и сломалась. И я не могу заставить ее подчиниться. Что мне теперь делать?

— Прежде всего, оставить ее в покое. — Директор таинственно улыбался. Нолис не понимал, чему именно и почти негодовал. — Сними ее с занятий и отправь куда-нибудь из Школы дня на три. Хотя бы в оранжерею к Тианте. Она умеет успокаивать не хуже психолога-профессионала. Таких девочек нельзя принуждать. Она сама восстановится. Не беспокойся. Только не торопи ее. Она наверстает упущенное. Не выпускай ее на занятия совсем, пусть сидит и смотрит, как занимаются остальные. И пока не торопи события. Увидим, что из этого всего получится.

Через девять дней Нолиса разбудил вызов с браслета. Он проснулся и посмотрел на часы. Был час до полуночи. Не понимая, кто же может беспокоить его в это время, он нажал кнопку контакта. Это был дежурный офицер Школы.

— Зед Нолис, ваши подопечные только что покинули спальный корпус и, кажется, отправились на полигон. Что прикажете делать?

— Кто именно?

— Твоя неразлучная пятерка. Четверо парней и девушка.

— Аринда?

— Кажется, она. Далековато, но волосы у нее светлые.

— Не мешай им, пожалуйста. И выведи мне сюда показания полигонных камер.

Когда на экране в спальне Нолиса появилось изображение, его ученики обошли несколько препятствий полигона и остановились у подножия скалы. Некоторое время они стояли и разговаривали. Ночь полнолуния была светлой, хоть читай. Аринда медленно подошла к скале, немного постояла, подождала и резко села, уткнувшись лбом в колени. Парни стояли над ней. Время тянулось, а она все сидела.

Кларт подал ей руку, понуждая подняться. На сей раз, к скале шагнули сразу трое: Аринда, Реннер и Кларт. Странноватый был этот подъем, особенно, если смотреть со стороны. Движения всей тройки были полностью синхронны. Вот, вцепилась в камень левая

рука одного, другого, третьего..., затем, очень медленно, правая, так же у всех, потом нога переступила со щебня подножия на скальный выступ. И так метр за метром. До самой вершины.

Наверху Аринда немедленно уселась на камни и замерла. Парни сидели рядом и ждали. И дождались. Начался такой же синхронный спуск по легкой трассе. У подножия Аринда уткнулась лицом в плечо Кларта и расплакалась. Он гладил ее по голове и молчал. По крайней мере, губы его не шевелились. Они простояли так довольно долго. А затем Аринда резко отпрянула, спрятала лицо в ладони по самые глаза. И долго, не мигая, смотрела на гладкую стену, с которой недавно свалилась.

А потом шагнула к скале и начала глупый и самый трудный, изо всех возможных, подъем. И, чуть ниже ее, пошел, страхуя, Кларт. И она поднялась. Сама. Ночью. По тому же самому месту, с которого сорвалась.

Спускаться этим маршрутом Кларт ее не пустил.

Первокурсники Нолиса умывались из речного потока, не зная, что за ними наблюдают. Что учитель безумно рад за них. И Нолис до самого выпускного не сознался, что был свидетелем этой ночной авантюры.

Так начиналось их знакомство. А потом Кларт с напарником ушел стажером на военный крейсер «Хаккад», а они втроем — на «Аргон».

И сначала Гадар ревновал Аринду к Реннеру, а сегодня — к чужаку.

Тардель еще раз обернулся от пульта, обращаясь к сестре:

— Нас скоро сменят и полетим. Аринда, отдай Сергею его одежду.

Переодеваясь, Сергей спросил:

— Аль, наша Земля намного отстаёт от вас?

— Прилично. — Уклонилась от прямого ответа девушка. — В утешение могу сказать одно. Судя по всему, цивилизация Земли уже стоит на пороге выхода из эпохи агрессии. Дальше будет легче. И ещё. Только после того, как вы сами разберётесь у себя на планете меж собой, сами искорените агрессию и зло, только после этого с вами выйдет на контакт Межгалактический Совет, не раньше. А пока вы для всех — Закрытая Зона. Здесь могут появляться либо научно — исследовательские экспедиции вроде нашей, либо пиратские корабли с контрабандными рейсами — охотники за полезными ископаемыми, животными или людьми.

— А что, и такие бывают?

— К сожалению, да. Так что будь осторожнее. Не лезь на контакт.

— А вам долго лететь домой?

— Около четырех месяцев. У нас, в принципе, не полет, а два прыжка через гиперпространство. Сначала мы берем курс на Вийду, на свою звезду, потом прыжок, торможение, корректировка курса на Даярду и еще прыжок. — И вздохнула совсем домашнему: Эх, Сергей, Сергей? Что ты, какой грустный? Чем больше я тебе рассказываю тем тоскливей у тебя взгляд. Радоваться должен — скоро дома будешь. Живой, здоровый, да еще с такими знаниями. Зенднор разрешил, ты ничего не забудешь. Хотя я бы все-таки стерла тебе все воспоминания. Да не бойся, не буду. Я только прошу тебя, если сможешь — забудь. Самому же спокойнее жить будет.

— Тебе хорошо. Ты улетишь и забудешь меня с этим своим... Ты же любишь его?

Аринда, улыбаясь, пожала плечами.

— Теперь не знаю.

— Вот, видишь! Еще бы мне было весело. Когда я знакомился с тобой, я не думал, что нас разделит такое пространство. Ведь даже для того чтобы только увидеть твою Вийду, мне придется идти в планетарий.

— По вашему это Маркеб, каппа Парусов из созвездия Корабль Арго. Положение её 29(37' Девы, если тебе от этого будет легче. Эта звезда набожности и частых путешествий, согласно вашим старинным сведениям.

— И откуда ты все знаешь?

— Что я зря целых полтора месяца просидела в вашей библиотеке и перерыла весь интернет?!

— Ты хочешь сказать, что, перелистывая книги, ты полностью запоминала их содержание? — Сергей даже одеваться перестал.

— Естественно. Это что-то вроде сканирования. А ночью я сбрасывала данные из своей памяти на компьютер «Аргона». И неужели ты думаешь, что про свою звезду я ничего и не узнала? — И совершенно другим, тоже немного грустным голосом объявила: Все. Нам пора.

Тардель, наверное, уже ждет.

Ангар был огромным и гулким. И прямо перед входом, на черном ребристом полу стояла самая настоящая летающая тарелка. Не очень большая, светло-голубого цвета, опоясанная в самом широком месте выпуклым матово-черным обручем. Тардель сидел на этом самом обруче и болтал ногами. Тарелка была не идеально круглой, скорее напоминала короткий овал и казалась ненастоящей, игрушечной. Сбоку у стены Сергей заметил еще три таких же машины и еще что — то длинное, покрытое свисающей до полу темной пленкой.

— Вот сейчас на нем и полетим.

— На этой летающей тарелке?

— Сам ты тарелка. — Беззлобно засмеялась Аринда. — Обычный десантный бот. Летает, плавает, бегают, может, от нужды, даже по скалам лазить. И попросила — Тардель, пусть он лапки покажет.

Тардель поднялся, уверенно прошел по узкому бортику ободку и скрылся в люке. Машина вздрогнула. С коротким щелчком по левому борту открылись три небольших квадратных люка. Из них вытолкнулись круглые лапы, похожие на плоские лошадиные копыта на мелкокольчатых шарнирных опорах. Они мягко шлепнулись об пол, и Сергей был почти уверен, что левая передняя вполне сознательно ощупала ребристый пол ангара, прежде чем уверенно встать на него. А основания лап все выползали из корпуса машины, растопыриваясь в стороны. На шести ногах голубой овал машины стал похож на большого жука. Впечатление усиливали вспыхнувшие на округлом носу бота четыре узкие фары, словно внимательные прищуренные глаза. Тем временем лапы оторвали корпус от пола и резко повернули его. Сергей успел заметить мелькнувшие под ободом кормовые дюзы, начисто лишенные парадной окраски, сейчас бездействующие, но в полетах опаленные яростным огнем и поэтому начисто лишенные парадной окраски. Машина замерла перед ними с раскрытым люком по правому борту. Лапы опустили бот на пол и быстро исчезли внутри корпуса. Тардель выглянул из люка:

— Залезайте живей. Что вы там?

Кабина бота была рассчитана на четверых. Обзор — 180° Пилотское сиденье у полукруглого пульта управления и три пассажирских сзади. Два вместе и одно через проход, образованный закрытой дверью. Сзади, вероятно, был еще отсек.

Никто их не провожал. Аринда сноровисто защелкнула перед грудью у Сергея страховочный ремень, не забыв пристегнуться и сама. Тардель оглянулся:

— Ну что, полетели?

Раскрылась круговая диафрагма шлюза. Бот мягко приподнялся над полом и, окутанный густыми клубами белого пара, выскользнул наружу. Тардель вывел бот в открытый космос, и Сергей всплыл над креслом.

— Вот она какая, невесомость! И тишина.

Гул работающих двигателей скорее угадывается, чем, действительно, слышен.

А полета, как такового, ощутить не удалось. Сергей только начал осматриваться, увидел со стороны громаду «Аргона», застывшего огромной сверкающей каплей с острым носом, как его с силой вдавило в кресло. В глазах потемнело и стало нечем дышать. Он почувствовал, что теряет сознание, и все так же резко прекратилось. Аринда взяла его за руку:

— Ты жив? Тогда открывай глаза. Все. Почти прилетели. — И уже Тарделю, довольно

раздраженно. — Мог бы и помягче спуститься. Или хотя бы предупредить его о перегрузках. Он же не джанер, в конце концов. И к твоему лихачеству не привык.

— Извини, Сергей, я не подумал. Зато спустились точно. Смотри, ты почти дома.

Сергей открыл, наконец, глаза. Во рту — противный привкус крови. Провел рукой под носом, глянул на ладонь — вроде бы чисто. Насколько можно было ориентироваться в темноте. Все освещение от приборов пульта и мерцающих огоньков на обруче бота.

— У вас ночь. Это и лучше, Меньше народу всполошим.

Высота постепенно снижалась. Внизу начали наплывать огни большого города.

— Тардель, выключи габаритники, нам ни к чему реклама, — попросила Аринда, и Сергей увидел, как огоньки на обруче погасли. Теперь они бесшумно и невидимо плыли над ночной землей.

— Давай я поведу, — предложила Аринда, — мне здесь легче ориентироваться.

Тардель уступил ей место у пульта, и встал у нее за спиной.

— Включи локаторы. — Скомандовал он. — Вдруг самолет какой. Гаси скорость и снижайся.

— Ой, не учи, а!

Город медленно плыл вниз.

— Сейчас мы тебя прямо к дому доставим. Так, по-моему, это твоя улица?

Сергей вгляделся и тоже узнал.

— Давай, командуй, куда... — обернулась к нему Аринда.

— Вон до того сквера и направо. Мой дом, где большая реклама красная.

Бот круто пошел вниз и завис метрах в двух над землей, на пустыре за домом, где обычно гуляют с собаками.

— Все. Приехали. — Весело сказал Тардель. — прошу на выход.

Аринда расстегнула пряжку на груди у Сергея, они выбрались на бортик и спрыгнули вниз. Тардель остался в кабине.

— Вот и все, Сережа. Пора прощаться.

— Аля... Аринда... — У него перехватило горло. — Аринда, останься. Ведь я же люблю тебя! Я не могу без тебя!

Она только ласково улыбнулась.

— Сможешь. Судьба у тебя такая.

— Я напишу о тебе книгу. Я сумею.

— Это будет только фантастика.

— Ну и что! Не улетай! — Голос у него дрожал, на глаза наворачивались слезы.

Аринда ласково провела рукой по его щеке.

— И не вздумай плакать! Ну, пожалуйста. Ты же взрослый мужчина. — И снова улыбнулась.

— Все. Пора! — Крикнул сверху Тардель.

— Сережа, ты отойди метров на двадцать хотя бы. Мы будем взлетать.

Аринда положила ему руки на плечи и быстро поцеловала в щеку: Прощай!

— Подожди! — вдруг спохватился Сергей, рванул ворот рубашки, так, что пуговицы полетели. Торопясь, снял цепочку с кулончиком-образком и надел на шею девушке. — Вот. Помнишь, бабушка говорила, он бережет, спасает от смерти.

И, не убирая рук с ее плеч, лихорадочно, вслух вспоминал:

Господи, да как же там молятся? ... Да. Вот. — И начал быстрой скороговоркой: Живый

в помощи Вышнего...

Аринда молчала и терпеливо ждала окончания чужого обряда, вслушиваясь в торопливый отчаянный шепот.

— ...и не придет к тебе зло ... во всех путях твоих ...» — долгим безнадёжным взглядом он поглядел девушке в глаза и, вдруг, осмелев от отчаянья, стиснул ее в объятиях и начал жадно целовать, не надеясь напиться сладкой влагой ее полураскрытых губ. Она не сопротивлялась, пока Тардель не окликнул ее.

— Ну, вы скоро там?

Сергей отпрянул, разжав руки. А она нежно провела раскрытой ладонью по его лицу, сжав кулак у подбородка, поднесла его к своим губам, словно надеясь навек запечатлеть его черты. И, не мигая, глядя ему в глаза, начала медленно пятиться. И вздрогнула, коснувшись спиной бота. Сергей почувствовал, что сейчас все-таки заплачет, отчаянно махнул рукой, резко повернулся и быстро пошел прочь, непослушно дрожащим голосом вслух считая шаги. Отсчитав 40, он обернулся. Аринды уже не было.

Бот вздрогнул, бесшумно взмыл вертикально вверх. Он трижды мигнул всеми габаритными огоньками и растворился в ночном небе. Сергей стоял, запрокинув голову, и плакал, пока окончательно не замерз.

Все. Сказка для него кончилась. И впереди была только обычная земная жизнь.

Часть вторая.

Джанеры Даярды.

По корабельному времени была ночь, и стояла та относительная тишина, какая может быть только на корабле, находящимся на орбите. Лишь едва уловимый шорох вентиляции, да нежное гудение робота-уборщика, проползающего по коридору. Дежурная смена на пульте управления — остальные спят, но этот сон оставался, тем не менее, примечательным, потому что эту ночь особо отметят в корабельном журнале. Весь экипаж на борту. Материалы экспедиции упакованы. Антенны, что принимали Земные теле-радио передачи, отключены. Экспедиция окончена. Подведены итоги. Теперь остается только завершающий этап — возвращение. Завтра включатся двигатели, заставив тишину надолго отступить, корабль вздрогнет и начнет разгон до крейсерской скорости, обрекая экипаж на ощущение всех «прелестей» ускорения. И все. Прощай, чужая голубая планета!

Аринда не спала, лежала, глядя в потолок, и даже не шевелилась. Ее не покидало странное чувство потери. Казалось бы с чего? Задние выполнено, все вернулись, а внутри, натянувшись до предела, лопнула тонкая незримая ниточка, связывающая с оставленной планетой. Всего два месяца работы, а какая — то часть души уже успела остаться там, внизу.

— Неужели это со всеми так бывает? И ведь не спросишь ни у кого, засмеют.

Девушка постепенно восстанавливала затраченные силы. Никто и никогда не узнает об этом последнем телепатическом контакте. Зачем она это сделала? Аринда и сама бы толком объяснить не смогла. Поддалась какому-то, самой непонятному импульсу. Понял ли ее Сергей, она не знала и не узнает, но ей очень хотелось, чтобы понял. Зачем это ему? Неизвестно. Только сделанного не исправить, и пусть будет что будет. Аринда медленно провела рукой по лицу, убирая с глаз волосы и, заставляя сама себя уснуть и ни о чем больше не думать, хотя бы сегодня.

Выхода из гиперпространства ждали все. Наверное, это самый прекрасный момент, когда раскрываешь глаза после всего кошмара, сопровождающего момент перехода и, еще не отрегулировав дыхание, вновь останавливаешь его на вдохе, смешав радость ожидания и удивление происходящим. К этому нельзя привыкнуть. Даже самые закоренелые космические бродяги вроде Зендора не могли отрицать, что сердце всегда чуть вздрагивает, когда перед глазами из мутного хаоса гиперпространства возникает знакомый звездный пейзаж своей галактики и самая яркая звезда прямо по курсу — Вийда.

Аринда появилась в рубке управления практически сразу после перехода, ничуть не сомневаясь, что обнаружит за спинами пилотов и Зендора, и астронавигатора Дагена, похоже не покидавших этого места даже на момент перехода. Все-таки рубка управления — самое красивое и торжественное место на всем «Аргоне».

Даген обернулся и, увидев Аринду, тронул за плечо Тарделя, напряженно следившего за приборами.

— Что я тебе говорил, сестричка твоя первая пожаловала.

Тардель на мгновенье обернулся, радостно улыбаясь, хотя лицо у него было довольно бледное, и вновь устремил взгляд на пульт. Даген обнял Аринду, зачарованно глядящую на

звездную россыпь.

— Красиво? — и внимательно посмотрел ей в лицо, — а вид у тебя, подруга, все же зеленоватый. Что, переход не под силу?

— Ну, вот еще! — возмущенно тряхнула головой девушка, пытаясь изобразить полную независимость и доказать, что ей все нипочем. Но тут же, в наказание за самонадеянность, почувствовала, как звезды, потеряв контрастность, поплыли перед глазами. Тело сразу дернулось в попытке сохранить равновесие, и Даген, мгновенно среагировав, крепче сцепил руки у нее на плечах.

— Можешь передо мной суперджанера не изображать. Всем давно известно, что переход довольно неприятная штука. Отсиделась бы в каюте, вместо того, чтобы сразу же носится по «Аргону». Все любопытствующие появятся здесь намного позже.

— Еще чего! — снова возмутилась Аринда, едва прошло головокружение. — Ты же сам здесь! И, похоже, для тебя все переходы беспроблемны.

Даген уловил в ее голосе досаду с оттенком зависти. Он улыбнулся, вспомнив свой первый полет, и прошептал ей на ухо:

— Ничего, девочка, вот налетаешь с мое, и тебе все тоже будет без проблем. А сейчас лучше обрати внимание, с какими физиономиями будет появляться здесь вся остальная молодежь и успокойся. Не ты одна зеленеешь при переходах.

Зенднор наблюдал за всем этим молча, предпочитая не вмешиваться.

Тем временем в рубку управления начали по одному сходиться другие члены экипажа не занятые на дежурствах, в основном молодежь. Вид у многих был действительно не очень-то бодрый, но улыбки сияли на каждом лице, потому что состоялся маленький праздник — прелюдия торжества возвращения.

При виде некоторых, особо плохо выглядевших личностей, Даген не забывал хитро подмигивать Аринде, постепенно приобретающей праздничное настроение.

Сейчас начнется корректировка курса на Даярду, еще немного, еще один такой же кошмарный переход, и «Аргон» будет дома, у долгожданной цели.

Вечером, когда молодежь азартно плескалась в бассейне, по внутренней связи раздался голос Зенднора:

— Внимание экипажу! Через полчаса первый сеанс связи с Даярдой. «Аргон» входит в зону уверенного приема сигналов.

Сеанса связи с Даярдой ждали, собравшись всем экипажем в центральном зале, весело переговариваясь и поглядывая то на часы, то на большой экран, поверхность которого пока бороздили только зигзаги помех. Но вот они исчезли, и глазам экипажа открылось лицо молодой женщины. Светлые, почти белые волосы пушистой волной лежали у нее на плечах, и под ними угадывался стоячий воротничок форменной одежды КНОЛа. Женщина чуть улыбалась и казалась всем очень красивой, ведь она олицетворяла сейчас всю Даярду. Она и обратилась к экипажу, как к своим детям:

— Даярда приветствует своих джанеров! Мы рады удачному возвращению экспедиции. — И, чуть помедлив, произнесла уже без улыбки, — У службы КНОЛ есть просьба к «Аргону». Сегодня утром получен сигнал бедствия с транспортного корабля «Бэрэнна». У них отказала настройка координационного блока навигации. Они не могут выйти в гиперпространство, и вынуждены совершить посадку на планете Большого Атласа — ДСР-82-116.

«Аргон» — единственный корабль подходящего класса, идущий в обычном режиме в

зоне уверенной связи. Служба КНОЛ просит оказать помощь «Бэрэнне» и, если ремонт невозможен, то, хотя бы, снять оттуда экипаж. В экипаже десять человек. Повторяю координаты планеты: Большой Атлас ДСР-82-116. Даярда надеется на вас, — и улыбнулась. — До связи.

Некоторое время в зале стояла тишина. Вот так. Просьба службы КНОЛ, звучащая, как приказ. Прощай, мечта о скором возвращении домой.

Зенднор поднялся и произнес:

— Внимание экипажу. — Сказал вроде бы негромко, но шумок, возникший, было, в зале от обсуждения сеанса связи, сразу стих. — «Аргон» выходит на новый маршрут. Дагену рассчитать координаты точки выхода. Режим смен обычный. О начале прыжка будет сообщено дополнительно, а сейчас все свободны.

Такая новость, конечно, стоила обсуждения. Полет продлевался на неопределенный срок.

Даген ушел одним из первых. Сейчас от его расчетов зависела точность прыжка через гиперпространство. «Аргону» было нужно вынырнуть как можно ближе к этой планете, и в то же время избежать губельного столкновения с ней или с ее спутниками. Он зашел в столовую, выпил два стакана тонизирующего напитка и, захватив с собой еще один, отправился на свое рабочее место и начал уже вводить данные в компьютер, когда запищал сигнал вызова на браслете. Даген про себя выругался и, нажав кнопку, услышал голос Аринды.

— Даген, извини, я помешала?

— А ты как думала? — не сдержался навигатор, — что у тебя там, говори скорее.

— Повтори, пожалуйста, номер этой планеты, мне кажется, что я неточно запомнила. Мы с Гадаром сейчас в библиотеке, хотим посмотреть подробнее, что она из себя представляет.

— Большой Атлас, — медленно и четко диктовал Даген, — класс «Д», то есть — дальние, СР — средний радиус, 82-116, запомнила?

— Ага, спасибо. — и отключилась.

Большой Атлас содержал данные о планетах не только входящих в Межгалактический Совет, но и тех, которые были когда-то исследованы или просто зарегистрированы любыми кораблями из входящих в Межгалактический Совет Звездных Систем.

Аринда быстро ввела в компьютер нужный номер, и Гадар, опережая ее, стал вслух считывать с экрана появляющиеся строчки:

— Планета ДСР 82-116, название на интерлекте Лэста, кислородосодержащий тип атмосферы, среднегодовая температура + 26. Флора по типу субтропической. Население — люди. Цивилизация на уровне общинно — племенного развития. Религия языческая. Количество материков — один. Контакт, в том числе торговый, установлен с племенами южного Южного побережья материка. Отношение к контактерам — спокойное, сильно выраженная агрессивность отсутствует.

Вот так. Погуляем, отдохнем, пока эту «Бэрэнну» ремонтируют. Аль, ты согласна на океанскую прогулку?

Это земное Сергеевское «Аль» как-то сразу привилось на «Аргоне» по отношению к Аринде в неофициальных случаях. Она воспринимала это как должное.

— А если у них в океане какие-нибудь ящеры водятся? — смеясь, ответила она,

поднимаясь из-за стола.

— Вот, на месте и выясним. Я разрешу тебе купаться, а сам буду тебя охранять.

— Тоже мне, охранник нашелся! Я сама в состоянии себя охранять, да и тебя при случае.

Они стояли, друг против друга и переругивались, пока Гадар не взмолился:

— Аль, ну как ты не понимаешь! Я же мужчина, в конце концов, я за тебя отвечаю.

— Это еще почему? — не унималась Аринда.

— Да потому. Вот дай только вернуться на Даярду, я сразу с космодрома повезу тебя к себе домой и скажу: вот самая лучшая девушка во Вселенной. И не перебивай меня сейчас! Я приглашу на нашу свадьбу весь экипаж и всех наших друзей. И это будет самая красивая свадьба, а ты — самая красивая невеста. А потом...

— А потом ты запретишь мне летать, — не удержалась, съязвила Аринда.

— Да уж, тебе запретишь, — вздохнул Гадар. — Но из десантной группы ты уйдешь, все равно. Я не позволю тебе рисковать жизнью. Зенднор найдет тебе работу внутри «Аргона». Я еще не знаю, какую именно, но никакого десанта тебе больше не предвидится, не рассчитывай! Но зато у нас будет семейная каюта, как у Зенднора с Денирой, и ты будешь встречать меня в шлюзовом отсеке, когда я буду возвращаться с заданий, а еще...

Аринда выслушала все это, не перебивая, только потому, что на какое-то время застыла с приоткрытым ртом, оцепенев от такой наглости. Но потом, буквально взорвалась:

— А я тебе пока не жена, так что мной командовать нечего ни сейчас, ни потом! Слишком много хочешь! Если боишься риска — переводись на орбитальную станцию и торчи там безвылазно, трус несчастный!

— Да я что за себя, что ли беспокоюсь? — откровенно оскорбился Гадар, — да за тебя, бесшабашная!

— А за меня нечего беспокоиться! Я, как ни будь, без твоего беспокойства обойдусь! — яростно выкрикнула Аринда, сжимая кулаки, и бросилась вон из библиотеки, едва не сбив в дверях Тагира, который успел прижаться к косяку, пропуская девушку.

— Что у вас произошло? — спросил он у Гадара, стоящего с обречено опущенной головой.

— Ничего, — произнес парень, но таким голосом, что Тагир быстро наклонился, заглядывая к нему в лицо и, естественно, увидел подозрительный блеск глаз и предательски дрожащие губы.

— Да ты что, в самом деле? Ну-ка, иди сюда! — искренне изумился Тагир, увлекая парнишку за собой на диван, и сам сел, поджав под себя правую ногу и, подперев кулаками подбородок. — Давай, рассказывай, в чем все-таки дело. — Тагир слушал, не перебивая, а когда Гадар закончил, переплел пальцы на левом колене и, криво ухмыляясь, покачал головой:

— Да. Ты, действительно, хватил через край.

— Так ты хочешь сказать...

— Вот именно. Ты был не прав.

— Это еще почему? — не унимался Гадар.

— Да потому, что ты потребовал невозможного. Ты хотя бы иногда можешь сначала думать, а потом говорить? Если тебе нужна смиренная жена, поискал бы ты ее на Даярде, а не

здесь.

— Но я люблю Аринду!

— Одной любви мало! Научись уважать ее как личность. Она не просто девушка — она джанер! И то, что ты называешь риском — ее жизнь, причем обычная, повседневная, выбранная чуть ли не с детства! Если бы она хотела чего-то другого, то пошла бы не в Джанерскую Школу, а куда-нибудь еще.

Тагир говорил жестко, ничуть не жалея растерянного парня.

— Я постарше тебя, причем почти вдвое, так что будь другом, пойми, что перевоспитывать Аринду бесполезно. Такая птичка не для клетки. — И, растерянно улыбаясь, развел руками. — Я не знаю. Но, по-моему, запрещать ей, жить нормальной, с ее точки зрения, жизнью, это все равно, что пытаться удержать ветер... — И повторил: — Я не знаю. Серьезно, не знаю, как тебя еще убеждать... — Он умолк, хлопком соединив ладони.

— И что же мне теперь делать? — обречено спросил Гадар, глядя в лицо собеседнику.

— Мириться, дурень, — поднимаясь, посоветовал Тагир, и неторопливо пошел вглубь библиотеки. Здесь, на закрытых стеллажах хранилось множество интересных вещей: отчеты прошлых экспедиций, различные информблоки с фильмами художественными и документальными, музыкальными подборками, и, конечно книги. Можно было ввести данные о нужной книге в компьютер и слушать запись текста. А можно просто достать с полки старый томик и листать потрепанные страницы. Кому как нравилось.

Тагир не воспользовался компьютерным каталогом с указателями номеров стеллажей, видимо знал, где находится, то, что ему нужно. Вернулся он очень скоро, и в руках у него была не книга. Он нес Черный Альбом. Опустившись на диван рядом с Гадаром, он положил Альбом к себе на колени и осторожно провел рукой по обложке, стирая несуществующую пыль. На черной, цвета космоса, ткани был вытиснен серебряный джанерский значок и внизу одно единственное слово «Аргон».

Все еще не открывая тяжелый Альбом, Тагир спросил:

— Ты помнишь, сколько в нем листов?

— Конечно, — уверенно отозвался Гадар, — семнадцать.

Черный Альбом. Его вели по старинке, записывая все от руки, не доверяя технике. На внутренней стороне обложке значились характеристики корабля, дата постройки, планета приписки, маршрут первого полета. И каждый лист был посвящен тем, кто не вернулся из этих полетов, фотография, обычные анкетные данные, номер значка, домашний адрес, количество полетов на «Аргоне» и, коротко, обстоятельства гибели. Каждый лист — оборванная жизнь. В таких альбомах не бывает сзади чистых листов. Сначала был всего один, потом два, теперь — семнадцать, ведь «Аргон» уже далеко не новый, но до сих пор надежный корабль.

Тагир открыл Альбом посередине, казалось бы, наугад, но ошибся только на один лист. Поправился и замер, положив ладонь на страницу, чуть правее фотографии. Некоторое время сидел неподвижно, потом рука медленно поползла по бумаге и оборвалась с края листа, падая на диван. Тагир не читал скупую информацию. Он знал ее наизусть до слова.

Гадар тоже глядел на фотографию молодого коротко стриженного парня, на веселое, чуть удивленное лицо.

— Это был ваш друг? — осмелился спросить он.

— Да, — отозвался Тагир. — Мы вместе росли, вместе учились, вместе пришли на «Аргон». Сегодня бы ему исполнилось сорок. Я затем и шел в библиотеку, что бы

посмотреть альбом. Не думал, что кого-нибудь здесь встречу. — И, вздохнув, перевернул страницу. Он медленно пролистал весь альбом, называя каждого по имени. Были здесь и мужчины и женщины. В зрелом возрасте и совсем еще молодые.

На внутренней стороне обложки было три коротких строки:

Космос зовет.

Даярда помнит.

Жизнь продолжается.

И Тагир повторил, закрывая альбом:

— Жизнь продолжается. Вот так, парень. Никто не знает, кому будут посвящены следующие листы. Но, если думать только о том, что можно попасть в этот скорбный список, то лучше совсем не летать. А ты лучше иди, ищи Аринду и мирись. Потому, что хуже нет, когда работающие в одной смене не смотрят друг на друга.

— А если она не захочет?

— Ну, знаешь ли, это твоя личная проблема! Думай сам, как будешь выкручиваться. Но учти: если ты вздумаешь ее охранять, то делай это незаметно, не обижай Аринду своей заботой. Будь начеку, но не перегибай палку. Если, конечно, хочешь поддерживать дружеские отношения. Аринда опекуна не потерпит. — Ты меня понял?

— Понял. Спасибо. — И, вздохнув так, что дрогнули плечи, Гадар поднялся и пошел к двери.

— Не торопись! — уже в спину добавил Тагир — Дай ей несколько часов — пусть она немного успокоится. — И чуть погодя: — потом расскажешь мне, как дела. Договорились?

— Хорошо, расскажу, — обернувшись, пообещал Гадар, но на душе у него было все еще беспокойно.

Аринда убежала к себе, закрылась и попыталась отлежаться, но успокоиться не смогла. И, бормоча себе под нос не очень лестные слова в адрес Гадара, отправилась в спортзал, чтобы попробовать физической нагрузкой заглушить бушующую ярость. Как всегда в это время, там было собралось довольно много народа — все восемь человек четвертой смены, а также свои, с первой десантной: с веселыми воплями кувыркался на батуте вечно взъерошенный белоголовый Байгель, наматывал километры на беговом тренажере сосредоточенный Ланер. Четвертая смена, которая вместе со второй работала только внутри корабля, обеспечивая нормальную жизнедеятельность «Аргона»: вентиляционщики, электроники, специалисты противометеоритной защиты, люди, обеспечивающие работу двигателей и прочие специалисты-технари.

Им не доставалось лавров славы, получаемой первой и третьей десантной сменами, не выпадало их полной неожиданностей работы на чужих планетах, но зато и не было такого риска. Ведь Черный Альбом пополнялся в основном за счет десантников. И новички в экипаж поступали тоже в основном в десантные смены. Потому-то технари и позволяли себе некоторую вольность в плане физической подготовки и спецзанятий. Сейчас вся четвертая смена столпилась справа, у стены, около длинного, похожего на узкий высокий аквариум тренажера. Они дружно и беззлобно смеялись над сидящим мужчиной, который с болезненной гримасой на лице потирал себе шею. В общем хохоте Аринда узнала и голос брата.

— Да, — то ли сочувственно, то ли насмешливо высказался он — досталось тебе по первое число, пожалуй, больше долго не захочешь. Да вам можно совсем в спортзал не

ходить.

На бедного электронщика реплики сыпались со всех сторон.

— Это тебе не конденсаторы с резисторами менять!

— Чаще, чаще надо сюда заглядывать!

— Стареешь, друг!

— Форму теряешь, Звездный Тойс тебя не видит!

Пластиковые, чуть меньше кулака полые шарики «Мишени» хотя и легкие, но благодаря своей скорости, припечатывают довольно чувствительно, так что электронщику никто не завидовал.

Тардель, стоящий у пульта управления тренажера, смеялся не меньше других, но сразу замолчал, когда Аринда, подойдя, заказала:

— Тройной по максимуму.

Следом за Тарделем замолчали и все остальные, кто-то произнес:

— Ого!

А Тардель спросил:

— Какая муха тебя укусила? Такая нагрузка! — И констатировал: — ставлю двойной на средний.

— Тройной по максимуму! — упрямо повторила Аринда, снимая куртку.

— Как хочешь. Самой себя не жаль, так, давай, — согласился Тардель, переключая программу.

Официальное название «Мишени» — тренажер для развития быстроты реакции. Застекленная передняя стенка, чуть покаты́й нескользкий пол, у торцевой стены обрывающийся узкой щелью, куда скатывались шарики. Противоположная на расстоянии десяти метров стенка тренажера на всю высоту представляла собой перфорированную поверхность. Откуда, из каждого отверстия вылетит шарик, предугадать было почти невозможно. Известно одно. Каждый будет бить точно в тебя. Нужно успеть увернуться или отстрелить его на подлете.

Три по максимуму. Максимум — значит, за минуту нужно отбить 120 штук, причем 60 из них — за последние 30 секунд. И так трижды без перерыва.

Аринда встала, приготавливаясь, и за ней закрыли створку «аквариума». Сейчас все внимание на мигающую красную лампочку, девушка напряженно ждала, когда вспыхнет зеленый, и ей никакого дела не было до того, что вся четвертая смена, прекратив тренировки, столпилась у «Мишени». Как же! Им аттракцион. Такое не каждый день заказывают. Да и то всегда только десантники. Могут, конечно, и с повтором минуты через три, но очень редко. Жаль только, спектакль короток!

Все увлеченно следили, как Аринда подпрыгивала, пригибалась, отскакивала, отбивая шарики то с левой, то с правой руки. Все кончилось слишком быстро. Мигнула красная лампочка, и девушка устало уронила руки, почти сразу же вскинув правую к разбитым губам. Она пропустила пять шариков, дважды получив по лицу.

Тардель открыл створку, выпуская сестру.

— Ну что, довольна? — спросил он весьма строго — зубы-то целы еще? Выдумала тоже! Не все мужчины такое заказывают. Совсем с ума сошла!

Она ответила невнятно, все еще прикрывая ладонью рот:

— Мы еще посмотрим, кого из десанта гнать надо! — и глаза у нее были все еще злые, хотя и усталые.

Тардель кончиками пальцев убрал у нее со лба прилипшую прядь волос.

— Глупенькая. Все отлично! Кто тебе такую чепуху сказал?

— Гадар, — все еще через ладонь ответила девушка, поднимая с пола куртку.

— Слушай его больше! — ласково засмеялся Тардель и отнял ее ладонь от губ. — Ну-ка покажи, сильно разбила?

Она напоследок слизнула кровь с нижней губы:

— Не-а. Все уже.

— Быстро ты лечишься! — тряхнул головой Тардель и добавил укоризненно: Родители тебя не видят, такую упрямую.

— А что, жаловаться будешь? — хитро прищурилась Аринда.

— Связываться с тобой! — отмахнулся брат — иди-ка лучше в душ.

— И пойду. Я устала, — вздохнув, согласилась Аринда, но не успела сделать и нескольких шагов, как резко остановилась, глядя на браслет, выслушала и произнесла, смешивая удивление с обидой и обреченностью:

— Что? Прямо сейчас? — и через несколько секунд, подчиняясь, выдохнула:

— Есть! Иду!

— Кто? — спросил Тардель, когда она, отключив браслет, направилась к двери.

— Звездный Тойс.

Под этим прозвищем всем был известен старший пилот Лейдель из старой гвардии «Аргона». Он, официально входящий во вторую смену, не давал спокойной жизни всем десантникам корабля, так как заведовал еще и спецподготовкой десанта, имея право устраивать тренировки в любое время суток. Чем он и регулярно занимался, сгоняя со своих подчиненных по семь потов. Технарей Лейдель трогал очень редко, но и они его не жаловали. Вот, и сейчас он дал Аринде четыре минуты на то, чтобы взять в скафандровой свой айдер и прибыть к бассейну.

— Хорошо хоть туда, — ворчала про себя девушка, пробегая по коридору, — мог и наружу выгнать и устроить игру в догонялки на обшивке корабля, заставляя выделять почти невозможные трюки. Ему что, он заставит! Потому и Звездный Тойс

Настоящие тойсы, мифические маленькие существа, будто бы обитающие в глухих лесах Даярды, обладали довольно угрюмым характером, отличались хитроумностью, жестокостью и недюжей для своего роста силой. И все эти качества сочетались в Лейделе. В первое время Аринде казалось, что более таинственного человека в экипаже нет. Что-то непонятное было в пристальном, исподлобья взгляде темно-серых с металлическим отблеском глаз, невольно заставляющих девушку настораживаться. В его манере двигаться, тяжеловато, слишком широко направляя в стороны носки обуви и почти не сгибая коленей. Ростом он был чуть ниже Зенднора, но крепостью телосложения капитану не уступал, и общаться предпочитал с немногими: Зенднором, Денирой, Дагеном, а еще, пожалуй, с Ланером и старшими из технических смен. Рассказы, почти легенды, ходящие про него на корабле, которые постепенно узнавала молодежь, несколько смягчили в глазах Аринды его необычность, но и намертво соединили Лейделя с его прозвищем. И опять казалось невероятным, как он еще не списан с «Аргона».

Когда-то, очень уже давно, всему экипажу корабля довелось принимать участие в боевых действиях и тогда Лейдель, закрыв собой Дениру, попал под бластерный разряд, разом лишившись обеих ног выше колен. Биопротезы, конечно, вещь, позволяющая свободно передвигаться и бегать в том числе, но живых ног не заменяла. Был у него еще один

вживленный механизм — левый глаз, со способностью видеть окружающее вплоть до инфракрасного спектра. С такими травмами обычно списывали на Даярду, в крайнем случае, орбитальные станции, но Лейдель был упрям, и Зенднор защищал его как мог. И весь экипаж «Аргона» тоже. И случилось чудо. Лейделя оставили на корабле. Была для того и еще одна причина — Лейдель был от природы пилотом каких мало. Он не просто отлично управлял кораблем, он чувствовал «Аргон» как живое существо, и, садясь за пульт управления, сливался с кораблем в единое целое и вытворял с «Аргоном» все, что хотел. Никто не мог мягче Лейделя произвести посадку на какой-нибудь номерной планетке, не имеющей космодрома, на любой грунт или воду, провести через гиперпространство. Злой сам на себя, он не давал спуску десантникам в тренировках.

Аринда честно предупредила Лейделя, что не в форме, что устала, хотя, наперед, знала его ответ. И Лейдель не изменил сам себе, ответил так, как она и предполагала, со своей знаменитой чуть насмешливой и одновременно предельно строгой интонацией:

— Я тебя прекрасно понимаю и могу найти еще не один десяток причин, чтобы отменить тебе тренировку или снизить нагрузку: и что ты девушка, и что летаешь без пары, и что устала.... И все это, представь себе, сейчас меня нисколько не волнует. Чужак увидит в тебе только джанера и леггер в твоих руках. Он не будет задумываться, кто перед ним: слабосильная девчонка или стоящий боец. А вот ты ошибиться не должна, в чем я пока очень еще сомневаюсь. — И обернулся, потому что, в дверях немного запыхавшись, стоял Гадар.

— Я опоздал?

— Естественно. — Жестко ответил Лейдель, глянув на браслет, — на целых полторы минуты.

Лейдель имел право составить для тренировок любую пару, подразделяя десантников на основной состав и молодежную группу. Но надо же было изо всей молодежи выбрать именно Гадара! Он словно не увидел уничтожающего взгляда, которым Аринда наградила нежелательного напарника. И приказал:

— Приготовиться. Итак, тренировка с айдерами. Скорость — предельная, программа почти обычная.

И это «почти» заключало в себе столько сюрпризов, что мало не покажется. Он не дал своим ученикам оценить ситуацию, встал у самых дверей, скрестив руки у себя на груди, и скомандовал:

— Начали!

И началась круговерть.

— Вверх! — сразу же следом: Вниз! (когда требовалось упасть ничком на пол, подобрав под себя руки) Кувырок! Еще! Назад! Вверх! Влево! (до стены, касаясь руками) Вправо! Вниз Вверх! — Он еще и успевал ругаться: Синхронность! Вверх! Вниз! Вверх! Скорость Кувырок! Еще, еще! Что как роботы несмазанные! В разгон! Кувырок! Контакт! На воду! Вперед! Скорость! — И хлопнул в ладоши: Стоп!

Когда, уже изрядно уставшая молодежь подошла к нему, продолжил разнос:

— Вы что, как первый раз айдеры в руках держите! Словно под гипнотроном двигаетесь! Гадар, ты же спишь на лету. Если хочешь купаться, так и скажи. Ты должен пройти по бассейну не моча обуви, и айдер при этом, между прочим, отключается. Можешь не пытаться меня обманывать!

Аринда! Тебя кувыркаться никогда не учили? Ты похожа на старую развалину, а не на джанера. Покажи на грунте. — Она, стиснув зубы от злости, показала. — Еще! — приказал

Лейдель. — Назад! Еще назад! А в воздухе тебе что мешает? Гравитация? Так я ведь ее и отключить могу, персонально для тебя. Смотреть на вас тошно! — и снова началось: Вверх! Влево! На воду! Быстрее, быстрее! Гадар, не спи! Вверх!..

И, лишь когда Аринде начало казаться, что она уже не услышит следующей команды и, задышавшись, рухнет на песок, Лейдель, наконец, смиловался:

— Все. Хватит на сегодня. — И резюмировал: вообще-то ничего!

Аринда сложила какое-то подобие кривой усмешки:

— Похвалил все-таки! — И сразу же была наказана: Если к следующему разу не научишься нормально группироваться — буду гонять тебя индивидуально на глазах у всего экипажа, чтоб все смотрели и смеялись. И так до тех пор, пока не освоишь правильные движения. Сколько можно говорить и отрабатывать с вами одно и то же! — И все же отпустил: Свободны! Оба!

Гадар тут же упал на колени, умываясь прямо из бассейна. Потом, не глядя на Аринду, поплелся к выходу. Она — следом. И в дверях оба столкнулись с входящим Зенднором.

— Ай-я, капитан! — поздоровались оба, чуть ворочая языками. На Аринду вовсе было жалко смотреть.

— Ай-я! — отозвался он, улыбаясь — идите, отдыхайте.

Оставшись наедине с Лейделем, он Зенднор заметил:

— По-моему, ты сегодня перестарался. Загонял молодежь до полусмерти.

— Ничего. Они сильные, — и чуть усмехнулся. — Хорошее, кстати, пополнение.

Я думаю, Аринду надо переводить на тренировки с основным составом. Гадар ее тормозит, а она должна тянуться за напарником. У нее отличная реакция и чувство синхронности.

— Вот бы и похвалил что ли....

— Что? С первого-то рейса? Не-ет! Зазнается чего доброго.

— А через рейс ей твоя похвала не нужна будет. Это еще сейчас за одно только твое ласковое слово они в лепешку расшибиться готовы. Из последних сил, а сделают, что прикажешь. Потом они сами осознают свою силу или предел возможностей, и такого эффекта уже не будет.

— Да она еще плохо группируется, не полностью использует возможности айдера, смотреть тошно.

— Так уж и тошно? — хитро осведомился Зенднор.

— Почти. Гадар слабее, более неповоротлив, заторможенность какая-то. Гонять его надо больше! Но, в общем, джанеры из них должны получиться неплохие.

— А я послушал с пульта, как ты их костеришь, и подумал, что все. Только списывать обоих или в техники переводить.

И оба рассмеялись.

Все еще улыбаясь, Лейдель добавил:

— А сегодня их и надо было гонять до изнеможения. Они серьезно поссорились, вот, и пусть вместе на меня злятся, чем друг на друга дуются.

— И есть за что, Звездный Тойс!

— Да, знаю, знаю как меня честят. И за что, скажи на милость?

И оба вновь засмеялись. Но уже через полминуты Зенднор вполне серьезно спросил:

— Почему ты считаешь, что они поссорились?

— Вполне точная информация. Тагир меня попросил их погонять. Чем говорит, им

сидеть по каютам и злиться, пусть лучше позанимаются. Вот, я их и потренировал немного.

— По-твоему, это называется немного?

— Ничего, капитан, все к лучшему. А то у меня всегда душа не на месте, когда группы уходят на чужую планету. А уж, если приходится драться...

И Лейдель тут же, быстрыми движениями крестообразно приложил указательный палец левой руки к своим губам.

— А ты стал суеверным, Звездный Тойс, — улыбнулся Зенднор.

— Будешь тут суеверным. Если что случается (он снова повторил оберегающий жест) мне кажется, что это я что-то упустил, чему-то недоучил. Легче самому пойти, чем посылать других. Тем более молодежь, которая еще не научилась действовать на уровне подсознания, не задумываясь.

— Да ты же не хуже меня знаешь, что на кораблях молодежь взрослеет очень быстро. Иногда значительно быстрее, чем хотелось бы. Набирается умения и опыта...

Зенднор быстро нагнулся, поднял с песка забытый кем-то мяч и швырнул его к противоположной стене правой рукой, а с левой послал вдогонку разряд, сшибив мячик в бассейн.

— А взрослые люди становятся, порой, похожими на мальчишек, — засмеялся Лейдель и укоризненно покачал головой.

— И что это про тебя говорят, будто Звездный Тойс вовсе не смеется? — и хитро сощурился, — Врут, похоже.

— Врут, — охотно согласился Лейдель.

Даген все рассчитал правильно. «Аргон» вышел к нужной планете с предельной точностью и еще с орбиты попытался выйти на связь с «Бэренной». Связи не было. Тогда Зенднор приказал включить локаторы и провести «Аргон» вдоль южного побережья единственного материка распластанного в океане огромным зеленовато-коричневым крабом, здраво рассуждая, что терпящий бедствие корабль постарается сесть туда, где есть люди. Пусть аборигены, но имеющие регулярные контакты с внешним миром и, если верить Атласу, неагрессивные.

На побережье «Бэренны» не оказалось. Но, в результате тщательных поисков, ее серебристый корпус обнаружился значительно севернее, в довольно узкой долине, среди старого горного массива, густо заросшего лесом. На связь «Бэренна» по-прежнему не выходила, и очертания корабля выглядели расплывчато, неясно. Такое искажение дает включенное защитное поле. И это было еще одним фактором, насторожившим Зенднора. Никто просто так, на дружественной планете защитное поле включать не станет. На «Бэренне» явно что-то произошло.

— И выбрали же местечко для посадки! — ворчал Даген, рассчитывая траекторию спуска. Он, как и Зенднор, крайне не любил сажать «Аргон» на чужих планетах без космодрома, справедливо считая, что такому большому кораблю, как «Аргон» лучше и надежнее находиться на орбите, а вниз посылать десантные боты. Но тут ситуация велела садиться.

Лейдель уверенно посадил «Аргон» практически рядом с «Бэренной» в каких-то пятистах метрах. На счастье, под тонким почвенным покровом оказалась прочная гранитная основа, не хуже иного затрапезного космодрома. Базовый корабль — не десантный бот, в месте посадки он сплавил почву в монолит. От яростного жара свернулись и почернели листья на ближайших уцелевших кустах, но если не считать этого, то место, куда приземлился «Аргон» смотрелось просто сказочно.

Все вокруг корабля и на ближайших склонах было покрыто алой пеной высокого цветущего кустарника. Махровые цветы, с ладонь в диаметре, сплошь облепляли клонящиеся книзу ветви. Кое-где среди них пробивались карминные пятна нераспустившихся еще бутонов и ярко-изумрудные, почти светящиеся изнутри зеленым огнем, узкие остроконечные листья. Это буйство красок с графической контрастностью поневоле притягивало взгляды, и чувство восторга смешанного с ощущением поразительного величия заполняло души.

Зенднор нарушил вдохновенное наблюдение самым будничным образом, приказав группе из пяти человек проложить коридор до «Бэренны».

Как всегда вмешалась Денира:

— На правах врача я запрещаю экипажу выходить из корабля без скафандров.

— Денира! — даже Зенднор не выдержал, удивленно повысив голос, не говоря об откровенном возмущении десантников. — Даже на планете, входящей в состав Большой Атлас, как имеющей периодические контакты?

— На любой планете! — Денира была непреклонна, она чуть наклонила голову вперед, словно собираясь боднуть Зенднора, — Пока я не закончу проведение анализов микрофлоры воздуха и почвы. Хотя бы на несколько часов, если вам так не терпится выходить из корабля. Дальнейшее будет зависеть от результатов исследований. А пока, будьте добры, дышать

автономным запасом воздуха.

Десантники были вынуждены подчиниться и, надев скафандры, стали похожими как близнецы, отличаясь только номерами на воздушных ранцах. Аринда проводила всех до шлюзовой камеры. Она знала, вот сейчас, когда закрылась внутренняя дверь, начал открываться наружный шлюзовой люк. Выполз и застыл, приобретая необходимую устойчивость, широкий удобный трап, и в глаза десанту брызнул яркий дневной свет. Защитное поле «Аргона» на мгновение разомкнулось, пропуская группу, и вновь стало непреодолимой стеной за их спинами. Группа осталась наедине с чужой планетой.

Трое вышли чуть вперед и встали полукругом, держа наизготовку леггеры и зорко вглядываясь в буйно цветущие заросли, готовые в любую секунду открыть огонь, прикрывая товарищей.

Аринда не видела этого, но твердо знала, что все происходит именно так. По крайней мере, так требовала инструкция. Она не видела одного: как Гадар, рукой свободной от леггера, легонько коснулся ближайшей цветущей ветки. Защитные перчатки не передавали ощущения нежной упругости лепестков, шлем не пропускал запахов, но такие цветы должны бы изумительно пахнуть. Когда Денира, разрешит свободный выход, он обязательно подарит Аринде цветущую ветку, хотя бы в знак недавнего примирения.

Было почти кощунством направлять стволы леггеров на такую красоту, но чужое и есть чужое, и очень часто понятия «красивый» и «безопасный» оказывались просто несовместимыми. Три леггера на бластерном режиме выжигали десятиметровой ширины проход, двое десантников втыкали по краям будущего коридора тонкие металлические прутки с шариками на верхнем конце и рычажком переключателя у основания. Ланер шел позади, поворачивая рычажки, и над его головой, на высоте двух с половиной метров смыкался защитный купол, проблескивающий мелкими зеленоватыми искорками. Работали быстро, сосредоточенно и вскоре перед ними открылась «Бэрэнна». Зыбко дрожало ее защитное поле. Закрыв последний прогал в коридоре, десантники остановились. Все, дальше хода не было. Ланер доложил на «Аргон»:

— Работу закончили. «Бэрэнна» поле не отключает. Вход у них левее. Сейчас попробуем подойти с той стороны.

Вскоре на «Аргоне» услышали, как Ланер глухо ругнулся:

— Дальт лохматый!

Зенднор сразу откликнулся:

— В чем дело?

— У них тут и в самом деле неладно. Трап спущен, люк открыт... — Ланер немного помедлил и хрипло произнес: Вижу труп. Лежит ничком, в руке леггер. Ощущение такое, что у него только и хватило сил, чтоб перешагнуть защитный барьер.

Его перебил срывающийся голос Гадара, прошедшего под прикрытием товарищей значительно левее.

— И еще один, по ту сторону трапа. И тут надпись на обшивке — «осторожно цвет».

Ярко-оранжевые, кривые, крупные буквы, явно рассчитанные на посторонний глаз. И полоса краски, ведущая далеко вниз и обрывающаяся на краю обшивки.

Тут и лежал второй бэрэнновец с зажатым в руке баллончиком. О чем он хотел напоследок предупредить? Какой цвет здесь является опасным?

По коридору подтянулись еще джанеры во главе с Зенднором и столпились там, где

коридор упирался в защитное поле «Бэрены». Выходило, что летали зря. Не отключив защитного поля, помочь кораблю было нельзя. Сделать это мог только экипаж «Бэрены», который, встретить гостей не мог. Стояли, тихо переговариваясь, чувствуя собственное бессилие. Ланер подошел к Зенднору и спросил:

— А что если он просто не дописал слово? Если это было слово «цветы»?

— Вполне может быть. Ведь оба трупа без средств защиты. Нужно провести исследования.

Зенднор повернулся, чтоб уйти, левым плечом натолкнувшись на только что подошедшего Надера, вечно хмурого, немного сутуловатого вентиляционщика из третьей смены, который только еще начал осознавать чужую беду. Он закаменело стоял, сам себя обняв за плечи и, словно очнувшись от столкновения, спросил у Зендора:

— Капитан, как часто меняется код доступа на транспортниках?

— Как обычно, раз в год. — И осведомился: К чему это ты?

— Я летал стажером на «Бэрены», только это было очень давно. И снова спросил: Как думаешь, есть шанс?

— Попробуй, — разрешил Зенднор — коды периодически повторяются. По крайней мере, это быстрее, чем запрашивать Даярду через Межгалактический Совет. На такой запрос может уйти дальтова туча времени.

Все невольно расступились, попятившись, а Надер, вытянув перед собой руки, шагнул вперед. Так ходят на ощупь в крошечной тьме.

Сейчас его с силой отшвырнет прочь, а если бы не скафандр, то еще и хлестнет весьма ощутимым разрядом электричества.

Но чужое защитное поле, ненадолго разомкнувшись, пропустило Надера беспрепятственно, сразу сделав размытыми контуры фигуры. Он на секунду замер, сам, еще не веря свалившейся удаче, а затем рванул вперед к лежащему ничком человеку, перевернул на спину, глянул в лицо. К сожалению, это был не раненый, а действительно, труп, пролежавший минимум десять дней, а может и больше. Надер отшатнулся и побежал к трапу. Второе тело переворачивал, уже почти зная результат. И это лицо было обезображено безжалостным разложением. Еле сдерживая непрошеную, стремительно подкатившуюся тошноту, Надер, быстро семеня ногами, взбежал по трапу и скрылся в люке. Для всех наблюдателей время замерло, и минуты стали тягучими до бесконечности. Джанеры напряженно ждали, когда же отключится поле, и едва только защитная дымка исчезла, дружно рванулись вперед, к транспортнику.

В помещениях «Бэрены» было пусто и неуютно. Привыкших к элегантному безукоризненно — красивому интерьеру жилых и рабочих отсеков, джанеров «Аргона» немного коробило отсутствие многих, казалось бы, незаменимых вещей. Даже то, что разноцветные жилы силовых кабелей тянулись по стенам ничем неприкрытые. Но в чужом корабле своих порядков не заводят. Тем более что из всего экипажа на борту обнаружилось только трое и те в медблоке, значительно более тесном, чем на «Аргоне». Все трое лежали без сознания опутанные проводками датчиков и прочей медицинской аппаратуры. И сколько они так пролежали, неизвестно. Аппаратура исправно выполняла заданную ей программу.

Срочно вызвали Дениру.

Зенднор стоял в чужой рубке управления, задумчиво глядя на приборную панель:

— Да, результаты неважные. Два трупа, трое больных и пятеро пропавших

Он взял в руки бортовой журнал со стандартной темно — синей обложкой, быстро

пролистнул почти до конца и начал читать от момента посадки на Лэсту. Обычные стандартные фразы, ничего существенного. Лейдель молча стоял рядом.

— А, вот, это уже интересно: ...Две группы по три человека отправились на обследование окрестностей. К назначенному сроку никто не вернулся. Местных жителей, животных и птиц рядом с кораблем не обнаруживали. Дан приказ закрыть защитное поле. Втроем отправляемся искать пропавших. На борту остается только врач. Ниже, другим почерком добавлено: Вернулись трое, последняя группа поиска. Состояние у всех очень странное: сильная заторможенность, сонливость, граничащая с потерей сознания. Все помещены в медблок. Капитан еще не вернулся» чуть ниже: я работала вне корабля недолго, но тоже чувствую тяжесть в голове, сильную сонливость. Капитана еще нет. Кажется, я знаю, в чем дело. Это цветы. Их запах, очень сильный, хотя и приятный. Вероятно, следует надеть биомаску и написать на борту предупреждение.

Приказ, переданный по внутрикорабельной связи, был короток:

— Первая и третья смены — в ангар!

Сбежались очень скоро, выстроились посменно. Зенднор приказал:

— Третья смена выделяет две тройки на поиски. Идете на двух ботах по окрестностям. Первая смена — одна группа на контакт с местными жителями. Вооружение полное, биомаски.

По сторонам Аринда не смотрела, не до того было, все внимание на Ланера, кого-то он выберет, а он объявил:

— Иду я, Гадар, — тут Аринда обижено поджала губы, — и Тардель. Все.

Девушка обиделась окончательно.

— Конечно! Если Гадар у Ланера партнер, так его везде с собой брать можно! Ишь, как сразу подобрался. И подбородок вскинул, будто не на разведочный полет собрался, а невесть какие сверхважные деяния совершать. И я бы не хуже его справилась!

Думая так, Аринда постепенно приобрела такой мрачный вид, что Даген, оказавшийся рядом с ней, после того, как Тардель вышел вперед, незаметно взял ее за локоть и шепнул на ухо:

— Аринда-а, не злись. Еще успеешь и ты. Куда ты все время постоянно торопишься? Торопился один такой вниз. Вперед собственного айдера! Не все тебе, дай и другим себя показать. Хотя бы Гадара пожалела. Ведь если бы сейчас его не взяли, он бы не перенес.

Девушка коротко хмыкнула и глянула на Дагена, уже почти улыбаясь.

Есть же у человека талант утешать и успокаивать!

Боты третьей смены ушли первыми, почти одновременно. Ланер чуть помедлил, но вот и его машина, на несколько мгновений, разомкнув защитное поле, сразу же ушла вверх, к югу. Где-то там, на побережье, согласно Атласу, жили аборигены, имеющие торговые контакты с другими планетами. Их нужно было срочно отыскать. Может быть, хоть они смогут объяснить, куда же могло пропасть пол-экипажа «Бэрены».

Гадар, в состоянии довольного торжества, сидел слева от Ланера, управляющего ботом. Он держал одну руку на прикладе леггера, словно стрелять необходимо было прямо сию минуту, а другой то и дело касался лица, поправляя верхний фиксатор биомаски, закрывающей нос и рот. Биомаска, в отличие от гермошлема, позволяла дышать атмосферным воздухом, отфильтровывая любую микрофлору, включая вирусы и молекулы запахов. Как-то нечаянно вспомнился земной фильм, который они смотрели с Ариндой. Она после возвращения на «Аргон» буквально под села на эти фильмы из материалов экспедиции. Довольно напряженный рассказ о нарушителях закона со стрельбой из непривычного оружия и жестокими драками. Там лица нападавших тоже по самые глаза были закрыты темной тканью. И тогда он еще не понял, зачем грабителям биомаски, только потом сообразив, что это была всего-навсего маскировка с элементами устрашения. А, догадавшись, лишний раз убедился в различии цивилизаций даже в смысле использования, казалось бы, почти идентичных по внешнему виду вещей.

Ланер, заметив его судорожную готовность, приказал насмешливо:

— Расслабься, что дергаешься? В тебя разве кто целится? Оставь в покое леггер и смотри лучше вниз. Красивая попалась планета, хоть и странная.

А внизу проплывали сначала ярко-розовые заросли кустарника, в прогалах иногда мелькали животные довольно крупных размеров, из-под тени бота разлетались птицы. Потом заросли резко, как по линейке оборвались, пошли, поднимаясь до редких полупрозрачных облаков, голые желто-коричневые скалы. Наконец и они стали редеть, разрываясь ущельями, переходящими в долинки и долины, поросшие разномастным редколесьем, а потом и вовсе растеклись в равнину с отдельными скальными нагромождениями.

Зазвучал, требовательно повышая тон, сигнал вызова, и в такт звуку замигала на приборной панели голубая лампочка. Ланер тронул клавишу контакта

— «Аргон», я — 09, слушаю.

— 09, доложите обстановку.

— Все в порядке, ничего пока не обнаружил. Иду к океану.

— Ланер, — это подключилась Денира, очень не любившая официальные номерные переговоры, — я закончила проведение анализов. Это, действительно, цветы. Они имеют запах, обладающий седативно— токсическим эффектом, вплоть до летального исхода. Антидот есть в большой аптечке. Сиреневый иньектор в нижнем ряду справа, плюс к нему обычный стимулятор, он...

— Второй ряд, красный, третий с краю, — перебил ее четкой скороговоркой Ланер и добавил укоризненно, — могла бы не напоминать.

— Ничего, хорошо, что помнишь. Если внизу нет этих кустов, можете снять биомаски.

— Наконец-то! — не замедлил отозваться Ланер, — надоела эта безвкусная

стерильность, в которую превращается воздух, — и тут же, потянув вниз, спустил биомаску на шею.

— Да, еще. Третья смена нашла еще два трупа в довольно обезображенном виде. Видимо местные хищники постарались. Леггеры у обоих в порядке, на предохранителях, ни разу не стреляли. Все, до связи.

На горизонте темно-синей полосой открылся океан. Ланер опустил бот чуть ниже, и все трое стали более внимательно вглядываться в мелькающий внизу пейзаж в надежде обнаружить признаки людского присутствия. Но пока никакого намека на селение или дороги не наблюдалось. Напряженное ожидание тянулось нескончаемо долго, и все даже вздрогнули, когда Тардель крикнул, показывая вниз:

— Ланер, смотри!

Ланер заложил крутой вираж вправо. И все трое убедились, что люди на этой планете все же обитали, увидев сразу троих, жмущихся к бурому скальному выступу и попавших в серьезную переделку. Их: мужчину и женщину и ребенка атаковали хищники величиной с очень крупную собаку. И силы были неравными, хотя зверей тоже было трое. Ребенок, сжавшись в комок, полусидел у камня, и рядом с ним неподвижно лежал один из хищников, видимо убитый. Другой стоял над расprostертой на траве женщиной. Третий прыгал, нервно хлеща себя хвостом по бокам, в пяти шагах от мужчины, который, чуть пригнувшись, с ножом в руке пытался защититься.

Казалось бы, так немного времени нужно, чтобы бросить послушный бот круто вниз и распахнуть люк, вскакывая с леггером наизготовку, а ситуация уже успела измениться. Хищник сцепился с мужчиной в единый рычащий комок. И Ланер, подскочив, несколько мгновений промедлил. И, поняв, что леггер здесь бесполезен, с левой руки послал мощный заряд в мелькнувший бурый бок. Яростное рычание оборвалось на скулящей ноте, хищник затих. Уже после этого снизу дважды взметнулась окровавленная рука с ножом, всаживая его в неподвижного зверя, и обессилено упала на траву, так и не выпустив оружия.

Тардель, выскочив быстрее Ланера, электроразрядом из леггера уложил другого зверя, что навалился на женщину, и теперь оттаскивал его в сторону, ухватившись за когтистые задние лапы.

Гадар растерянно стоял над ребенком, который, зажмурил глаза и, до предела раскрыв рот, заходился пронзительным криком. Между его пальцами, зажимающими левый бок, обильно текла кровь.

Тардель оттащил зверя и глянул на женщину. Ей помощь уже не требовалась, потому, что горло у нее было выдрано вплоть до самых шейных позвонков и представляло сплошную зияющую рану, в нижней части которой, нелепо и жутко, торчала бело-розовая перекушенная ключица. В лицо покойнице он глядеть не стал, заранее представляя себе страшную посмертную маску боли и ужаса. Обернулся, увидел застывшего Гадару, выругался про себя и побежал к ребенку, забрасывая леггер за спину. Подбежал, сходу упал на колени и, разом оценив ситуацию, протянул руки к голове малыша. Неистовый крик оборвался, голова упала на плечо, искаженное болью и ужасом лицо приобрело спокойное выражение. Ребенок уснул. Тардель аккуратно уложил его на траву и не удержался, высказал в сердцах Гадару:

— Какого дальта, стоял, пялился?

— Я... я ... — окончательно смутился парень, виновато опуская голову.

— Дома сидеть надо было, а не..., — заворчал было Тардель, отводя пальцы ребенка,

судорожно зажимавшие рану, но вскоре замолчал, сосредоточиваясь. Дело было плохо. То ли зубами, то ли лапой зверь разорвал разом и одежду, и кожу и мышцы, своротив все это окровавленным комом в сторону. Тардель приложил обе руки вокруг страшной раны, останавливая кровь, и рывкнул Гадару, не разжимая зубов:

— Аптечку!

Но тот, уже опомнившись, сам, протягивал открытый флакон с антисептиком и только что распечатанную пачку стерильных тампонов. Тардель быстро смочил рану антисептиком и начал убирать сгустки успевшей свернуться крови. И чем больше он очищал, тем страшнее ему становилось, потому что там, под чудом уцелевшей пленочкой брюшины, ворочался розовато-сизый кишечник. Тарделю еще не приходилось видеть таких ран, и поэтому руки его немного дрожали. Он дышал приоткрытым ртом, задерживая дыхание согласно движению тампона. Закончив обработку, потребовал:

— Регенератор!

Гадар быстро протянул приготовленный уже флакон. Тягучий регенератор закрывал рану голубой желеобразной массой. Тардель осторожно подтягивал на место, свезенный в сторону клочок мышц и кожи, стараясь как можно точнее совместить края раны, а когда закончил, попросил:

— Гадар, помоги.

Обе ладони Гадара и одна Тарделя легли на изувеченный бок ребенка. Другой рукой Тардель придерживал края раны. Оба напряженно замерли. Гадар смотрел себе на руки, а Тардель наконец-то, в лицо малыша. Ребенок как ребенок. Лет семи-восьми. Блестящие волосы крупно вьются над высоким лбом. Густая тень длинных ресниц замерла на бледных щеках с широкими выступающими скулами. Губы пухлые, и подлая синева уже проступала сквозь кожу вокруг рта. По всему лицу следы обильно пролитых слез, еще дрожащих во внутренних уголках глаз.

Времени им было отпущено ровно столько, чтоб начали схватываться, срастаясь края страшной раны, и тут же донесся требовательный голос Ланера:

— Эй, аптечку давайте!

Гадар вопросительно глянул в лицо Тарделю. Он кивнул, отпуская. Гадар разом отнял обе ладони, удовлетворенно заметив, что рана не разошлась. Мельком посмотрел себе на руки, ожидая увидеть кровь. Не увидел. Подхватил с травы аптечку и понесся к Ланеру, который хлопотал около мужчины. Он еще не занимался обработкой многочисленных рваных ран, только останавливал стремительно вытекающую из них кровь. Гадар стал помогать ему, и все боялся, чтоб уверенно действующий Ланер не заметил его, Гадара, внутреннего страха. Да, конечно же, их обучали не только водить звездолеты, но и оказывать помощь раненым. Но одно дело Джанерская Школа. Там вроде бы все, все получалось хорошо, там можно было, и ошибиться, ничего страшного. Разве посмеются дружно, заставят переделать и все. А здесь вывернулось такое, и что отступить нельзя, а сердце частит. Ошибешься — и чужая жизнь уйдет, в прямом смысле проскользнув с кровью между твоих, не сумевших удержать ее пальцев.

Они уже наполовину закончили обработку ран антисептиком, когда справа из редколесья с громкими воплями вылетел с десятков всадников, вооруженных копьями. Ланер мельком глянул на них и приказал Гадару:

— Охраняй!

Гадар поднялся и встал, держа защитное поле, благо с боевым поясом это было не так и

сложно. Всадники неслись мимо камня, и первым их должен был встретить Тардель, который, встав на одно колено, смотрел на одного из всадников, что вырвался вперед, отводя руку с коротким копьем, готовясь нанести удар: Тардель все успел рассмотреть: и темные вьющиеся волосы всадника, и азарт неистовой скачки на загорелом скуластом лице, и рукоять небольшого меча слева на поясе.

Увидев, что смертоносный замах завершен, Тардель, не поднимаясь, резко вскинул перед собой руки. Он все еще успевал следить, как разом выбрасывает передние копыта неведомое верховое животное, вытягивая вперед горбоносую морду с ощеренными ровными зубами травоядного. Увидел, как хищная улыбка, больше напоминающая оскал, со щербиной вместо двух передних резцов, появилась на относительно молодом лице нападавшего, и еще подумал, что данному всаднику или мало приходилось воевать, или родители ума недодали. Потому что более опытный человек еще прикинул бы, нападать или нет на того, кто спокойно стоит на одном колене пред скачущим всадником с выражением небрежной уверенности в глазах. Что руки вскинуты не абы как, лишь бы закрыть голову, а строго перед собой на уровне плеч. Этот ничего не заметил, метнул копье, целясь чужаку в грудь, и расширил изумленные глаза, увидев, как пущенное копье на полпути оборвало полет и соскользнуло вниз.

Потом он встретился глазами со взглядом Тарделя и мешком сполз с седла, резко свернувшего в сторону животного, оставшись неподвижно лежать на траве. И сразу же скачущий в середине, довольно пожилой, грузноватый человек вскинул правую руку, что-то крикнув своим спутникам. И те, опустив копья, стали сдерживать своих распаленных скакунов. Тардель, а за ним и Гадар опустили руки, а Ланер так и не оторвался от своей работы. Раненый был для него важнее всего. Всадники остановились метрах в пятнадцати, и тот же самый, пожилой, богато одетый мужчина тяжеловато спустился с седла, ничуть не заботясь о своем верховом животном. Поводья сразу же подхватил, нагнувшись с седла, ехавший справа угрюмый громила. Сопровождающие так и не покинули седел, но внимательно следили за происходящим, держа оружие наизготовку.

А их предводитель медленно пошел вперед, глядя на неподвижно лежащие тела людей и хищников. Походка его становилась все тяжелей, словно с каждым шагом уходили из крепкого еще тела последние силы. Гадар вместе с Тарделем между тем продолжали рассматривать его плотную, светло-сиреневую рубашку без ворота с широкими рукавами, отделанную по горлу и подолу трехрядной оранжевой вышивкой. На грудь свешивалась крупная, почти с ладонь треугольная бляха ярко-зеленого камня, подвешенная за острый угол на тяжелую, темного, тускло блестящего металла, цепь. Штаны были кожаные, тонкой выделки, с матовым блеском, мягкие сапоги без каблуков высотой на треть голени. И весь его облик выдавал богатого властного человека, вдруг разом потерявшего свое величие и убитого горем.

Гадар стоял, повесив на грудь леггер, прочно расставив чуть согнутые ноги и немного пригнувшись. Он был внешне спокоен, если б не цепкий, исподлобья, взгляд и напряженные кисти рук с полусогнутыми пальцами, что не висели вдоль туловища, а были направлены ладонями вперед и вниз, готовые меньше чем за секунду взлететь в боевую позицию и поставить непреодолимое защитное поле или вlepить в лоб весьма ощутимый заряд. Вождь встретился с ним взглядом и, немного помедлив, отстегнул пояс с коротким мечом и положил перед собой на траву. Рядом лег нож. Хороший боевой нож с искусной резьбой на костяной ручке и надежным лезвием из блестящей, с травленным узором стали.

Оставшись безоружным, вождь снова двинулся вперед, и его полубезумный, отчаянный взгляд был прикован к лежащему окровавленному мужчине.

Когда между ними оставалось не более трех шагов, Гадар приказал на интерлекте:

— Стой! — почти не веря, что его поймут. Грозного оклика не получилось. Голос подвел, сорвавшись почти до фальцета, но мужчина понял, остановился и, чуть помедлив, заговорил на довольно исковерканном, но вполне понятном интерлекте:

— Это мой сын! Понимаете, это мой сын, пропустите!

И Гадар, поколебавшись, сделал шаг влево, уступая ему дорогу. Он не ожидал, что пожилой человек бросится вперед с такой скоростью, чтобы упасть на колени возле распростертого неподвижного тела, не переставая повторять:

— Это мой сын, понимаете, это мой сын! Он — мой единственный наследник. Он должен был возглавить род после меня...

— И в чем же дело? — впервые подал голос Ланер, не отрывая рук от левого бедра пациента.

— Я никогда не прощу себе, мой сын умер! Наш род прервался. — Файглы растерзали всех: и сына, и внука, и невестку... О, горе нам! — он причитал и тянул заметно дрожащую руку, все боясь прикоснуться к неподвижно-спокойному лицу лежащего.

Ланер не выдержал:

— Да, жив ваш сын! Только не мешайте мне, если в самом деле, хотите, чтоб он возглавил ваш род.

— Вы спасете его? — как за соломинку уцепился незнакомец за слова Ланера, — Вы спасете его?

— Если вы прикажете своим людям, чтобы они нам не мешали и сами отойдете пока.

— Хорошо, хорошо, — заторопился вождь, поднимаясь. Он что-то коротко и властно крикнул попутчикам, те разом опустили копья и джанеры позволили себе немного расслабиться.

Постояв недолго над сыном, вождь побрел к женщине, потом к мальчику, который смиренно лежал на траве, и бок его прикрывала белая салфетка. И снова взгляд вождя стал почти испуганным.

— Да жив он, жив, — заверил его Тардель, — спит он, только не трогайте его пока.

Вождь согласно кивал головой. Его люди спешили и тоже подошли к месту недавнего побоища.

— Мы немного опоздали, — вздохнул Тардель, — женщине не успели помочь. Мы можем лечить раненых, но мертвых воскрешать не умеем.

— Лишь бы мой Лоллет остался жив, он найдет себе другую жену. И мой внук Молтек, он тоже будет жить?

— Будет, — заверил Тардель, — он должен спать не менее пяти часов, — потом, коротко взглянув на вождя (похоже у них довольно примитивное понятие о времени) и пояснил, глянув на клонящееся к закату светило. — Он должен спать, пока не стемнеет. Прикажете, чтоб принесли что-нибудь теплое укутать его.

Вождь приказал, и один из его людей почти бегом принес, достав из седельной сумки, одеяло из тонкого голубого войлока. Тардель укрыл мальчика, подвернув один конец одеяла ему под голову, образуя нечто вроде капюшона, и тщательно подоткнул края.

— Вот так. И прикажете, чтоб кто-нибудь посидел с ним, только пусть не трогают его. — И прибавил для пущего устрашения: — Если его потревожат сейчас — он может

умереть.

По знаку вождя тот самый громала, что ехал рядом с ним, приблизился и опустился на колени рядом с мальчиком, хмурая черные, сросшиеся на переносице брови и держа правую руку на красной крестовине короткого меча. Это была самая надежная охрана, какую вождь мог приставить к своему внуку.

Тело женщины завернули с головой в такое же голубое одеяло и перекинули поперек седла одного из воинов, который поскакал прочь, увозя покойницу.

— Если мы собираемся ночевать на этом месте, — пояснил вождь, — то рядом с нами не должно быть трупов. Иначе мы навлечем на себя злых духов, которые могут присоединить живых к мертвым. — И спросил: Вы разрешите снять шкуры с файглов.

— Дело ваше. — Отозвался Тардель, сумев сохранить спокойное выражение лица, и не улыбнулся при упоминании злых духов, впервые внимательно присматриваясь к телам убитых зверей. Крупные, в короткой бурой шерсти, образующей торчащую гриву от ушей до кончика хвоста, с мощными лапами, вооруженными втягивающимися когтями. А вот морда, напоминала скорее земного медведя (аналогов на Даярде не водилось) и короткие полукруглые уши прятались в шерсти.

— Ну и зверьки.

— Файглы в эту пору редко нападают на людей, — пояснил вождь, — поэтому сын и поехал без охраны. Здесь совсем недалеко до нашего селенья. Их валтаны прибежали домой одни, и мы поняли, что что-то случилось.

Воины между тем уже начали обдирать хищников. Гадар, убедившись, что Ланеру его помощь не требуется, он почти закончил оказывать помощь раненому и тоже кутал его в одеяло, пошел смотреть, как снимают шкуры. Он присел на корточки рядом с одним из воинов и замер, не шевелясь. А под быстрыми и широкими, во весь бок, взмахами ножа из—под шкуры зверя выпрастывалась его туша, ярко контрастная между темно-красным цветом мускулатуры и чисто-белыми наложениями подкожного сала. Кое-где воин помогал себе кулаком, так и не выпуская из руки ножа. Дело продвигалось быстро, и вскоре на траве лежали отдельно великолепная, без единого пореза шкура и голая, а поэтому как бы уменьшенная в размерах туша. Воин еще раз осмотрел шкуру, резко встряхнул ее как тряпку, освобождая от пыли и выпадающих ворсинок, сложил конвертиком, а затем скатал в плотный рулон. Потом вновь взял в руки нож, присел возле туши и уверенным круговым движением прорезал все мягкие ткани соединяющую соединяющие голову с туловищем. Гадара даже передернуло, когда воин, заложив руку в нестрашную уже пасть, резким движением свернул шею мертвому зверю. Еще чуть подправил ножом, и голова с голой красной мордой, с которой таращились зеленовато-желтые глаза, и в кровавом оскале обнажались мощные зубы, оказалась у него в руках. Он поставил ее так, чтобы глаза смотрели в сторону, потягиваясь, выпрямился и стал смотреть, как соплеменники кончают обдирать других зверей. Потом втроем, и Гадар за ними следом, воины прошагали довольно ровным торжественным шагом к каменной россыпи, держа головы хищников на вытянутых руках глазами от себя. Расшвыряв черные булыжники, положили все три головы одна около другой так, чтобы они смотрели друг на друга. Меж камней мельтешили какие-то довольно крупные черные насекомые. Гадар наклонился, касаясь кончиками пальцев камня, рассмотрел поближе, удивляясь невероятно мощным их челюстям. Мужчины тем временем стали заваливать головы хищников камнями, насыпав их хорошо приметной горкой.

Сзади, левее бота, начало подниматься какое-то сооружение вроде шатра, покрытое

сверху голубым, а по бокам зеленым войлоком. Ланер с вождем так и сидели возле раненого и разговаривали, не обращая внимания на суету вокруг. Тардель копошился возле бота. Гадар подошел и молча сел чуть позади Ланера, внимательно слушая вождя, левая рука которого лежала на груди, касаясь кончиками пальцев зеленого каменного треугольника на крупной темной цепочке, то ли символа власти, то ли оберега.

— Мы давно торгуем с небесными людьми. Видишь, мы даже выучили ваш торговый язык. Нам объяснял один из небесных людей, что у вас у всех разные языки, а язык торговли и общения единый, и стоит выучить только его и можно торговать с разными племенами.

Ланер слушал его, не перебивая. А вождь вдруг спохватился:

С вами Мы мы не торговали с вами ни разу. Что интересует ваш народ? Цветные камни? Рыба? Шкурки? Войлок? Белый морской порошок? Что мне приказать приготовить для вас? — И еще спросил озабочено: Где ваш большой летающий дом?

Ланер махнул кистью левой руки себе за спину.

— Там на севере, в горах.

Вождь откровенно забеспокоился:

— Чужеземец, поговори со своими людьми. Я знаю, вы можете говорить через большие расстояния. Пусть немедленно улетают оттуда, сюда к морю. Там опасное место. Там нельзя находиться! Тем более, сейчас, когда идет священный Священный месяц Месяц Зарождения. Сообщи своим немедленно!

Тут и Ланер насторожился.

— Объясните подробно, в чем дело?

— Там, где вы остановились, цветет розовый кустарник?

— Да, цветет. Сплошные заросли.

— Немедленно, немедленно! — вождь был явно испуган, — сообщите своим, чтоб улетали оттуда, если еще не поздно!

— Почему?

— Человек не может дышать этим запахом. Он падает и засыпает, а потом или умирает, или его съедают фэйглы.

— Не беспокойтесь, наши люди в безопасности, никто не выходит без защиты. А насчет торговли, мне не хотелось бы вас огорчать, но мы не торговцы. Там, в горах, попали в беду наши товарищи. Мы прилетели на их зов, но нашли далеко не всех. Мы пришли просить у вас помощи. Если это в ваших силах помогите найти пропавших или хотя бы подскажите, где их искать.

Вождь задумался, достал из-за пояса тонкую короткую палочку, сунул в рот и начал сосредоточенно жевать, равномерно двигая нижней челюстью. Ланер молчал, ожидая. Гадар тоже не издал ни звука, понимая важность момента, и время для него тянулось медленно, как замерзающая смазка. Наконец вождь заговорил, так и не вынимая изо рта палочку.

— Мы никогда не поднимаемся в горы, это опасно. Там живут Тени умерших. Там рождаются новые души и живут до момента рождения от любой женщины. Наши дети появляются на свет, не имея души, и поэтому женщины на третий день после родов идут к горам. Там есть определенное место, где мать зажигает ритуальный костер из свежих веток. Дым его голубой и пахучий. Она оставляет ребенка на ночь у костра, кладет дары Теням и уходит. Утром она возвращается, чтоб забрать свое дитя, в которого Тени предков вдыхают душу и вешают на шею амулет. И ребенок никогда не плачет. Он спит, и сон его длится до следующего вечера.

— И вы не боитесь оставлять ребенка одного?

— Иначе нельзя. Тот, кто пытался подсмотреть за Тенями, навсегда терял память и дар речи.

— Так никто и не знает, как выглядят ваши, так называемые Тени?

— Никто.

— И ваш колдун или лекарь, они тоже не знают?

— У нас нет ни лекарей, ни колдунов.

— Я что же вы делаете, когда кто-то заболевает или ранится на охоте?

— Мы относим его к тому месту, зажигаем костер с желтым дымом, оставляем дары и уходим. Потом человек возвращается с гор сам, или мы находим его мертвым, когда дары недостаточно богаты или болезнь неизлечима.

— А дары Тени забирают?

— Да.

— И что говорят те, кто возвращается?

— Они ничего не помнят.

— И зачем же вашим предкам дары? — не унимался Ланер.

— У Теней есть слуги. В горах живет племя колдунов и целителей. Они говорят с Тенями предков, они лечат наших людей и предсказывают засуху. Мы не видим этих людей, но они есть на самом деле. У нас живет юноша из того племени.

— Я хотел бы поговорить с ним, — оживился Ланер, — вы не могли бы его пригласить?

— Это бесполезно, он ничего не помнит из прошлой жизни.

— Все равно, — продолжал мягко настаивать Ланер, — прикажите позвать его сюда.

— Хорошо, — нехотя согласился вождь и отдал короткое распоряжение одному из воинов. Тот быстро выскользнул из шатра, лишь чуть дрогнула занавеска на двери, а вождь продолжил: Каждый год перед месяцем Зарождения мы отправляем в это племя двух юношей и девушку.

— Как вы узнаете срок?

— Они сами сообщают, зажигая на скале костер с черным дымом, и мы отправляем избранных к священному месту. Утром нам оставляют в уплату камни, прозрачные, как вода и сверкающие радугой. Они, как слезы тех, кто уходит навсегда. — Вождь замолчал, вынув изо рта веточку и вода ее разжеванным концом по сжатым губам. Это продолжалось довольно долго, прежде чем он произнес, наконец, как бы нехотя — В этом году месяц Зарождения начался две недели назад, а черный костер еще не загорался. Первый раз за мою жизнь они не берут наших людей. Может быть, ваши друзья заменили их?

— Так, вы действительно не знаете, где искать это таинственное племя?

В это время в шатер вошел юноша, одетый, как и другие воины берегового племени, в плотную рубашку и кожаные штаны, но черты его узкого лица были более правильными, а волосы темно-русыми. Ступив на узкую войлочную дорожку, он согнулся почти под прямым углом и пошел к вождю, глядя себе под ноги и держа руки на коленях раскрытыми ладонями вперед. Не доходя около восьми шагов, он остановился и замер в напряженной позе.

— Хорошо, Калтек, — обратился к нему вождь. Ты нужен моему гостю, вот он, рядом со мной, посмотри.

Парень медленно выпрямился, глянул на Ланера и мгновенно побледнел до мертвенной желтизны. Лицо его исказилось ужасом, глаза расширились, застыв, а из горла вырвался тонкий короткий вопль. Он упал лбом в землю, закрывая голову руками, и пополз к ногам Ланера, жалобно крича на очень хорошем интерлекте:

— Не убивай! Я не виноват, не убивай!

Ланер вопросительно посмотрел на вождя. Тот, удивленный не меньше, только развел руками.

— Прикажите ему встать.

Вождь приказал, но парень, казалось, не слышал. Он продолжал лежать у ног Ланера и повторял как заклинание:

— Не убивай! Не убивай! Я не виноват, что жив.

Гадар, выглядывая из-за спины плеча Ланера, с любопытством созерцал всю эту сцену.

— Успокойся и встань! — приказал Ланер, довольно строго.

Юноша медленно поднялся на колени и замер, не поднимая головы. Его била крупная дрожь.

— Ты можешь объяснить, в чем дело?

— О, Говорящий с Тенями, о Великий и Могучий..., — забормотал парень торжественной скороговоркой.

— Хватит! — оборвал его Ланер, — я уверен, что ты ошибся. Посмотри мне в лицо, я приказываю. Слышишь?

Парень через силу, очень робко поднял голову. Постепенно гримаса страха исчезала с его лица, медленно приобретающего нормальный цвет. Наконец он произнес еще дрожащим голосом:

— Я ошибся. Я думал, что Говорящий с Тенями пришел, чтобы добить меня. У вас его лицо.

— Да? — искренне удивился Ланер, прищуриваясь, — А теперь расскажи мне о твоём племени.

— Я ничего не помню.

— Ты должен все вспомнить. Должен вспомнить! — И протянул к самым глазам парня ладонь правой руки. — Ты помнишь все! Я отменяю запрет, говори! — и, резко сжав кулак, убрал руку.

Парень дрогнул, как бы очнувшись, и заговорил.

— Мы пошли к реке, исполняя обряд. Я шел следом за Говорящим с Тенями и нес чашу со священными камнями. Я поскользнулся и упал. Чаша разбилась, и камни просыпались в воду. И тогда Говорящий с Тенями велел связать меня и бросить в реку. Он посмотрел мне в

лицо близко-близко и сказал, чтобы я забыл свое племя. И я забыл все, кроме его лица. Меня бросили в реку, и течение понесло меня. Я не знаю, почему остался жив.

— Ты не помнишь дорогу домой?

— Нет, мы живем не на самой реке. Я вспомнил дом. Я вспомнил все, но дороги не знаю. Я не вру тебе, имеющий лицо Говорящего с Тенями.

— Я действительно похож на вашего Говорящего?

— Очень. — С робкой почтительностью заверил парень, — только Говорящий с Тенями он постарше. Немного. И одежда другая.

— Он давно живет с вами?

— Всегда.

— Так. Хорошо. А теперь расскажи, что бывает с теми людьми, которых приводят в месяц Зарождения?

— Мужчины живут, пока цветет священный Витус, или чуть меньше, сколько смогут продержаться. Это уже зависит только от здоровья конкретного человека. Женщина должна зачать ребенка пока идет священный месяц Зарождения, Ребенок, когда вырастает, станет служителем Храма. Если она бесплодна, то умрет вместе с мужчинами.

— И как долго цветет ваш Витус?

— Около четырех недель.

— И две из них уже прошли? — спросил, вздохнув Ланер.

Д-ве с половиной, — робко поправил парень, все еще стоя на коленях перед Ланером.

— Немного же времени нам оставили, — тяжело констатировал Ланер и вновь спросил (у него сегодня было множество вопросов) До окончания срока им ничего не грозит?

— Нет, сейчас они, как Боги Храма, о них будут заботиться, пока не пройдут все ритуалы месяца Зарождения, и только потом они умрут.

— Очень интересно. — Ланер обернулся к вождю, который продолжал невозмутимо жевать свою палочку, а затем одобряюще кивнул дотошному гостю.

И Ланер продолжил:

— На вас самих этот запах не действует?

— Действует, конечно. У нас все по зорям, утренней и вечерней, пьют священный напиток из коры витуса и не засыпают.

— Простой отвар коры? — не поверил Ланер, — а впрочем, все гениальное просто. — Он ненадолго задумался, подперев подбородок кулаком. Распрямив ладонь, потер пальцами лоб и уже вполне уверенно приказал Гадару: — Скажи Тарделю, пусть берет бот и быстренько на «Аргон» и обратно. Мне будет нужна вся наша смена в боевой экипировке. Пусть передаст Зенднору, что мы будем искать бэренновцев сами. У меня есть план. Пусть Денира сделает экспресс-анализ отвара коры на токсичность и возможность употребления. Все.

Гадар вышел из шатра и не узнал пустынную недавно местность. Беря центральный шатер в полукольцо, стояли еще четыре войлочных сооружений, горели костры, сутились вокруг них женщины в широких одеяниях. Деловито и уверенно проходили вооруженные мечами мужчины. Образовался временный лагерь.

Ланер посмотрел на часы и позвал вождя.

— Пора будить вашего сына.

Ланер встал на одно колено возле спящего, снял с него одеяло и, положив руки ему на голову, приказал замершему в ожидании вождю:

— Зови его по имени, буди.

Вождь наклонился к сыну и позвал;

— Лолтек. — И еще раз, уверенней и громче. Веки молодого человека дрогнули, он открыл глаза.

Ланер убрал руки, сдержанно улыбаясь и смещаясь чуть в сторону, смотрел, как больной приподнялся на локтях, а затем сел, опираясь на руки, и попросил пить. Пил он долго и жадно, и капли воды скатывались по подбородку. Напившись, он снова лег. Ланер объяснил:

— Он еще немного слаб, крови потерял много. Но это не страшно. Дня два-три на хорошем питании, и все придет в норму.

Вождь согласно кивал, улыбаясь.

Мальчик тоже спал, и телохранитель вождя неподвижно сидел рядом с ним все в той же напряженной позе. Ребенок, в отличие от отца, сразу поднялся на ноги, бросился к деду и повис у него на шее. Вождь был счастлив. Он лишь теперь поверил в чудо, совершенное чужаками.

Тардель обернулся довольно быстро. Чтобы не пугать уже достаточно многочисленное население временного лагеря, он спланировал вниз с выключенными двигателями на то же самое место, откуда взлетел. Появление еще пятерых вооруженных чужаков местные жители встретили спокойно. Только стайка вездесущих мальчишек немедленно собралась в нескольких шагах от бота, шушукаясь и бесцеремонно разглядывая незнакомых людей. Дети на всех планетах одинаково любопытны.

Местное светило обмануло джанеров. По всем расчетам уже должна была наступить ночь, а оно все еще висело над морем.

Вождь устроил настоящий пир. Постеленная прямо на полу скатерть была полностью заставлена подносами, чашами, тарелками и очень подозрительными узкогорлыми кувшинчиками. И попробуй, откажись — наживешь врагов.

Байгель, потирая руки, довольно засмеялся (любил поесть от души):

— Ланер, ты молодец, догадался всю смену пригласить. Так бы сразу и говорил что пировать, а то боевая форма, боевая форма... переполошил весь «Аргон».

— Уймись! — коротко приказал Ланер, строго стрельнув глазами.

— Понял. — Сразу как-то сник Байгель.

Аринда уже успела обежать весь лагерь, незаметно снимая своей миниатюрной камерой местных жителей, их верховых животных, шатры. Настоящий рай для этнографа.

На пиру она сидела рядом с Ланером не столько по собственному желанию, сколько по его приказу. Недовольный, как ему показалось, слишком самостоятельными действиями девушки, Ланер приказал, незаметно шепнув на языке Даярды:

— Прекращай бродить неизвестно где! Сядь, и от меня больше ни на шаг!

— Я не бродила, я работала. — Обиженным шепотом отозвалась Аринда, но покорно села рядом, стараясь сохранить на лице спокойствие.

Ланер сумел-таки выговорить для своих людей условие, что пить спиртное они не будут. Сослался на запрет Богов. Вождь понял и согласился. У джанеров была одна задача: не переест и не отравиться незнакомыми блюдами. С трудом, но это им удавалось. Когда все вышли, наконец, на свежий воздух вождь спросил у Ланера:

— Это ваша жена или дочь?

— Жена. — Ничуть не смутившись, ответил Ланер и покровительственным жестом опустил руку на плечо Аринде. Она, поняв ситуацию, покорно склонила голову, уже

понимая, что ланеровскую жену ей коллеги припомнят еще не раз. Вождь вздохнул:

Жаль, сыну она приглянулась. Может быть, уступите ее?

Аринда еле сдержалась, чтоб не фыркнуть. Так вот во что вылились пристальные взгляды молодого мужчины со свежими, еще розовыми шрамами на лице. Ланер заметил:

— Вот видите, если ваш сын уже сегодня на женщин поглядывает, то беспокоиться о его здоровье ни к чему. Но жена мне самому нужна. — И чуть помедлив, спросил:

— Есть ли в вашем селении больной человек? Такой, которому явно требуется лечение?

— Вы хотите еще лечить?

— Нет, лечить будут ваши горные духи. Нам очень нужно узнать, где они все-таки живут.

— Но то, что вы задумали очень опасно, — забеспокоился вождь, — Тени накажут вас.

— Не беспокойтесь, мы для них чужие. Думаю, нам ничего не грозит. Нам необходимо попасть к вашим колдунам.

— В селение идти незачем. Больной будет сейчас. Нужно торопиться, скоро стемнеет.

Вождь что-то приказал своим телохранителям, и те вчетвером, недолго посоветовавшись, бросились на беспечно стоявшего молодого воина, повалили его на землю и довольно ловко содрали одежду. Лишь какое-то подобие набедренной повязки осталось на отчаянно извивающемся теле. Они поволокли свою жертву к зарослям высокой, напоминающей папоротник, травы с кустистыми перистыми листьями и, раскачав, забросили в самую гущу. С громкими воплями парень выскочил оттуда и встал, качаясь из стороны в сторону, как пьяный, прерывисто, со стонами хватая воздух открытым ртом. На теле его проступали, с каждой минутой становясь, все ярче и краснее, крупные пятна ожогов. Увидев подходящего вождя, парень замер, перестав стонать. И лишь до предела расширенные зрачки и выступивший на лице и теле обильный пот, говорили о жутких страданиях.

Аринда пришла в ужас:

— Так ни за что наказать человека! — не забывая, однако, незаметно вести съемку. Ланер быстрым шагом приблизился к страдальцу и погрузил его в сон, пояснив вождю, что не допустит, чтоб невинный человек так страдал из-за нас.

— Я разбужу его потом, чтобы все выглядело естественно.

— Незачем было беспокоиться. Это младший воин. Он готов перенести и не такую боль, чтоб доказать мужество.

Тардель, сбегав к боту, вернулся, протягивая Ланеру на ладони два микродатчика ультразвукового диапазона, которые тут же закрепили в волосах и в набедренной повязке неожиданной жертвы. Любой из смены лег бы вместо него, так, ведь, ничего не получится, внешность не та.

Наконец-то спустилась ночь. Светлая, чуть-чуть темнее сумерек. Голубоватый свет местной луны, хотя искажал краски, но позволял свободно ориентироваться. Лучше бы и потемнее, да, что поделаешь. Уже давно ушли к северу носильщики с больным и дарами: большим блюдом копченой рыбы, исходящей соблазнительно вкусным ароматом и шкурой одного из. Тардель настроился на позывные микродатчиков.

Подошел, опасливо сугуля плечи, тот самый парень, что рассказал Ланеру о горном племени. Он держал в руках глиняный горшок, прихваченный тряпкой, чтоб не обжечься, и все косился на смеющихся джанеров, пробираясь к Ланеру.

— Вот, я сварил, как просили. — Он вынул из-за пазухи мисочку, наполнил ее горячим отваром и выпил. — Вот, я все правильно сварил. Смотрите, это безопасно и несколько не

горячо. Надо пить по такой чашке и до заката вам ничего не грозит.

Даген пить отказался категорически, несмотря на то, что знал заключение Дениры о безопасности напитка, сказав, что биомаска для него надежнее. Посоветовавшись, решили, что биомаской воспользуется также Тардель, остающийся в боте. Остальные по очереди выпили коричневатый, немного терпкий отвар. И начали забираться в бот. Нужно было отправляться. Ланер кое-как уговорил парня показывать им дорогу, заверив, что никому не даст его в обиду: ни соплеменникам, ни Теням предков. И теперь он жался к плечу своего защитника, испуганно рванувшись, когда задрожал пол взлетающего бота. Даген взял Аринду за руку, привлекая к себе внимание:

— А ну-ка прибири— ка волосы, подруга! не дело ими мотать. Не на прогулку собралась.

Под его ворчание Аринда стянула тяжелые пряди в толстый хвост, небрежно затолкала за воротник и натянула капюшон.

— Вот другое дело, — подобрел Даген, — а то не перевелись еще любители при случае за волосы хватать. Был бы я на месте Зенднора, вообще бы приказал всем женщинам на корабле стричься покороче. Распустил он вас всех.

Из-за слишком светлой ночи бот пришлось поднять предельно высоко, и теперь он висел, следя за продвижением посланников колдовского племени.

Горное селение обнаружилось на широких каменных террасах, расположившись расположенное в несколько ярусов между зарослей буйно цветущего кустарника. Нижняя, самая широкая, выглядела вполне обустроенной площадью с небольшим бассейном, обрывающейся одним краем в пропасть. Несколько, богато украшенных резьбой по камню, входов вели вглубь скалы.

Отчетливо Аринда помнила только приказ Ланера:

— Леггеры применять только в крайнем случае и только на режиме парализатора. Аринда, Гадар, от меня ни на шаг.

А потом было все: и карабканье по отвесным скалам, и бег, и короткие стычки с возникающими неизвестно откуда воинами-охранниками. Как ни старались джанеры пробраться незаметно, надо отдать должное бдительности горного народа.

Спокойствие и четкое восприятие происходящего вокруг вернулись к Аринде лишь тогда, когда они с Ланером, Гадаром и парнем-проводником оказались под сводами вырубленного в скале Храма, а может, подправленных людские нужды естественных пещер. Коридоры, с украшенными росписью стенами, были длинны и запутаны. Но проводник, хоть и дрожал от страха перед потревоженными богами, вел вперед вполне уверенно и бормотал на бегу:

— Уже скоро, скоро.

Свет фонариков, закрепленных дополнительно петлей на запястье, метался по стенам и выложенному разноцветной плиткой полу. Гадар грохал ногами по полу чуть позади. Остальные где-то отстали. Еще один поворот влево и Аринда, совсем рядом, увидела массивную арку.

Проводник сбавил скорость, и тут разом ярко вспыхнули светильники под сводом арки. И, как из — под земли, возникла крупная фигура мужчины, стоящая под ней.

Аринда замерла, не докончив шага, уже почти перенеся вес тела на стоящую впереди левую ногу. Глаза ее изумленно расширились, а рот медленно приоткрылся, потому что там,

впереди, закутанный в свободную, ниспадающую крупными складками ало-зеленую мантию, делающую фигуру почти монументальной, величественно стоял чуть постаревший Ланер. Он вскинул перед собой правую руку:

— Стойте, презренные, дерзнувшие нарушить покой священного места!

Хорошо поставленный голос звучал торжественно и повелевающе. Аринда почти физически ощутила преграду, поставленную его взглядом, но, преодолевая сопротивление, dokonчила — таки начатый шаг, оказавшись чуть впереди Ланера, у его левого плеча. Потянулись секунды напряженной тишины. За свою долгую жизнь Главный Жрец привык к полному подчинению и знал, что его голос имеет возможность повелевать людьми, а здесь что-то не получалось.

Первым не выдержал проводник. Он истошно заорал, и, еще помня обещание Ланера защитить, бросился к нему на грудь, намертво вцепившись в плечи и тем самым полностью сковав движения. Его вопль словно разбудил и жреца, еще раз попытавшегося пронзить девушку тяжелым взглядом, от которого другие люди теряли всякую способность к сопротивлению.

— Сейчас! — злорадно подумала Аринда, имевшая врожденную невосприимчивость к любому воздействию. Она сумела не только заметить начало движения вскидывающихся рук, но и угадать в нем атаку. Одним прыжком, чуть вперед и вправо, метнулась под намечающейся выстрел, прикрывая Ланера, уже почти оторвавшего от себя парня, но еще не способного к обороне. Она даже успела поставить защитное поле. С тем же успехом можно было голыми руками пытаться ловить метеориты. Защитное поле выдерживало все, кроме идентичной энергии. Откуда здесь мог взяться уроженец Даярды, было неизвестно, но его мощный с двух рук выстрел проломил ее оборону. Нацеленный в грудь, он не убил, (форма не подвела, защитила) но со страшной силой отшвырнул к стене. Аринда ударилась затылком и сползла на каменный пол, на несколько секунд потеряв сознание. Яркие радужные пятна еще не погасли перед глазами, а инстинкт самосохранения сработал. Рука, наощупь, рванула из-за плеча леггер.

Усилием воли девушка заставила себя открыть глаза и сквозь мельтешащую радугу увидеть, что Ланер уже успел поставить защиту. Вот, теперь встретились равные соперники. Почти зеркальное отражение друг друга. Стояли в сильнейшем напряжении, даже не мигая, и ни один не пересиливал. И пока дрожали, столкнувшись два защитных поля, леггер был бесполезен. Не переставая следить за поединком, Аринда через силу потянула руку к голове под капюшон, уже ощущая на шее и между лопатками подозрительную теплую сырость. Но, если леггер она схватила почти мгновенно, то сейчас рука ползла очень медленно, скользя по боку и вдоль щеки, и все никак не могла добраться до затылка чтоб, если не снять, то хотя бы чуть приглушить разламывающую голову боль. Важно было еще удержать гаснущее сознание и выдержать ставший слишком ярким свет, от которого поневоле щурились и слезились глаза. Но даже при таком свете сквозь мелькание цветных пятен она увидела, как к Ланеру присоединился Гадар. Недаром же они были единой биопарой.

Рука ее успела коснуться затылка и ощутить под пальцами липкую влагу, когда жрец вдруг опустил, почти уронил руки. Аринда с одной руки вскинула ствол леггера, добавляя к силе оружия свою ненависть, и нажала спусковой крючок. Жрец, потеряв способность держаться на ногах, плюхнулся на пол.

Откуда-то появился Байгель, подскочил к Аринде полусидящей у стены.

— Аль, как ты? — и, видя ее безучастную позу, деловито и довольно бесцеремонно

заставил ее наклониться вперед, сдернул капюшон, отвел ее руку от затылка, осветил фонариком и коротко присвистнул:

— Крепконько ты приложилась! — и закрыл разбитое место своей большой ладонью.

— Ничего, ничего, — уговаривал он девушку, — сейчас легче будет.

Боль на самом деле немного ослабела, и Аринда рванулась, пытаясь подняться.

— Куд-да!?! Успеешь! — удержал ее Байгель свободной рукой.

Удостоверившись, что кровь остановлена надежно, он вытер мокрые липкие руки ладони об себя, и, взяв Аринду за кисть, дернул рукав вверх, частично обнажая предплечье. Из своей аптечки на поясе достал два коротких цилиндрика инъекторов и, не спрашивая согласия, прижал к коже в том месте, где билась голубая жилочка пульса. Аринда через силу глянула — зеленый и красный: анальгетик и стимулятор. Теперь нужно только тридцать секунд подождать, чтоб на два часа превратиться во вполне здорового человека. Ровно через тридцать секунд Байгель протянул руку, помогая подняться, да еще и прикрикнул:

— Не отставай! — зная, что пока она обузой не будет.

Непосредственно за высокой аркой оказался довольно ярко освещенный зал яйцевидной формы. Оглядевшись, Аринда поняла, что это и есть желанная цель. С противоположной стены смотрело искусно вырубленное из камня лицо мужчины с легко узнаваемыми чертами жителей побережья. Перед ним было возвышение из розового камня в виде двух огромных рук ладонями вверх. И на них, на розовой же перине из священных цветов лежала, раскинувшись, обнаженная девушка. Создавалось впечатление, что каменный великан держит жертву на своих ладонях жертву, возможную мать своей будущей жрицы, прикованную к ложу тонкими золотыми цепочками. Слева и справа у стен возвышались две вырубленные из скалы женские фигуры чуть выше человеческого роста. Каменные руки, одна выше, другая чуть ниже, образовывали кольцо.

В этих каменных объятьях, лицом к стене стояли полностью обнаженные парни с «Бэренны» за руки прикованные к выпуклому металлическому поясу статуи, выдающемуся над камнем чеканным желобком. Изваяния были такого роста, что перед глазами пленников оказывались их полураскрытые, сочащиеся влагой каменные губы. Крупная капля возникала из глубины рта и копилась, тяжелея, на нижней губе, близкая и манящая. Затем она скатывалась на выступающий пористый подбородок и исчезала, слабо поблескивая, в двух тоненьких желобках, идущих вдоль шеи. На уровне ключицы желобки дробились в несколько более мелких, охватывающих круглую, словно живую грудь. Последний раз капли собирались на дерзко торчащих сосках и оттуда, срываясь, падали на желобок пояса, уходя по нему в скалу. Пленников не поили, но, если постараться, можно было губами или языком собирать эту влагу и утолять постоянную жажду. Если посмотреть со стороны, начинало казаться, что мужчины ласкают каменные изваяния, то поднимаясь на цыпочки, чтоб дотянуться губами до каменных губ, то наклоняя голову к шее, то прикладываясь к груди. И так от зари до зари.

На зорях ярко загорались светильники, начинала звучать странная ритмичная музыка, в зал вбегали девушки— жрицы: живые, очень красивые, щедрые на ласки. В это время мужчин поили — каких-то три глотка пахучей, горьковатой на вкус жидкости из красивой резной чаши. И все чувства исчезали — кроме одного — Желания. Пленников разворачивали лицом к залу, не снимая, впрочем, цепей и красавицы-жрицы были готовы исполнить это Желание. А потом опять лицом к стене, в объятье каменных Богинь. Если мужчинавыдерживал, такое продолжалось месяц. За девушкой ухаживали тщательней. День она спала на своем пушистом ложе, на зорях ее будили, поднося к лицу тряпицу, остро пахнущую зверем, поили сладким тягучим киселем, а затем таким же напитком, что и мужчин, также пробуждая Желание. И жрецы восходили к ней на ложе. Потом девушки-жрицы массажировали ее, натирали маслами, обновляя смятый цветочный ковер. Она должна была выжить, и не просто выжить, а зачать будущего жреца. Месяц был дан ей на это. И смерть, если окажется бесплодной.

Аринда, замерев, стояла посреди зала. Широко открытые невидящие глаза смотрели в одну точку. Вероятно, комбинация лекарств, отвара, дурманящего запаха цветов и курящихся по углам благовоний, да еще на травмированную голову, дали наркотический эффект с временными галлюцинациями, воссоздавшими присутствие на священных обрядах.

Ланер уже несколько раз окликнул ее, подойдя вплотную— безрезультатно. Тогда он,

схватив за плечи, несколько раз с силой тряхнул. От тряски вернулась боль, и девушка, как ни в чем не бывало, спросила:

— Да? Что?

В первое мгновенье Ланер, судорожно вздохнув, только возмущенно потряс головой, а затем выдохнув:

— Ну, знаешь ли! — И приказал: — За мной. Быстро! Мы прикрываем.

И Аринда, держа одну ладонь на затылке, поспешила за ним следом.

— Нам еще нужно суметь прорваться, — крикнул он уже на бегу, — и вдруг, почти под аркой, остановился. — У меня идея! Где тот служитель? Я им сейчас устрою потеху.

Под аркой, где оставался лежать оглушенный парализатором жрец, его уже не было, зато в самой арке в камне обозначилась щель неплотно прикрытой двери. Ланер толкнул ее плечом, каменная плита подалась довольно легко, поворачиваясь и открывая узкую каменную лестницу, ведущую вправо и вниз. Ланер, Аринда, а за ними и проводник, сейчас больше напоминающий смертельно испуганного зверька, побежали, часто переступая ногами, вниз и уже за первым поворотом нагнали двух мужчин, волокущих бесчувственное тело жреца. И чуть впереди третьего, с факелом в правой руке. Джанеры разом направили на них слепящие лучи фонариков, не давая возможности двигаться, и Ланер заговорил торжественно и жутко, вскользь освещая свое лицо:

— Я — Великая Тень Предка! Отпустите оставленное мною тело и воздайте хвалу вечному Таинству Зарождения!

Похоже, его импровизация подействовала, потому, что все трое сразу же рухнули лицами вниз на камень ступеней, а заодно с ними и проводник, боднув Аринду под колени, отчего она чуть не упала. Ланер приблизился, и по очереди, довольно бесцеремонно, за волосы, отрывал головы молящихся от пола, заглядывая каждому в глаза, коротко приказывал:

— Спи! — и отпускал заснувшего. Затем вытряхнул Жреца из его мантии и надел ало-зеленое одеяние на себя поверх формы.

Аринда откуда-то снизу позвала:

— Ланер, иди сюда, посмотри.

Ниже была комната, вырубленная в скале — судя по обилию тканей, драгоценных камней в чашах, золотых украшений, самородков и предметов храмовой утвари, отливающих благородным желтым блеском — сокровищница. Тут же, рядом со входом, лежала форма «Бэренновцев» и их оружие. Ланер скомандовал Аринде:

— Забирай и пошли, — а сам, скорее машинально, открыл солидных размеров узорную шкатулку и копнул ее содержимое. Из-под расшитой яркими камешками ткани блеснул серебряным тиснением на темно-синем фоне корешок книги. Бортовой журнал звездолета! Ланер сунул книгу в огромный карман, так кстати, пришитый с внутренней стороны мантии, и они быстро покинули сокровищницу, небрежно перешагнув через все богатства и лежащие на лестнице тела.

Проводника Ланер, впрочем, поднял и внушил:

— Я — Великая Тень Предка! Твои мысли чисты и прозрачны для меня! Ты выполнишь любой мой приказ! — и, сунув ему в руки всю охапку одежды, легонько подтолкнул в спину: Шагай!

Все коридоры храма были пустыньны. Аринда еще удивлялась:

— Куда все пропали?

А удивляться было рано. Население горного поселка собралось на площади: мужчины от стариков до подростков, вооруженные, чем попало: начиная с мечей и боевых топориков, кончая арбалетами. Несколько файглов нервничали на поводках. Не менее решительно были настроены женщины за их спинами. Вся эта толпа, количеством не меньше трехсот человек, шумела, кричала, потрясая оружием и факелами, полностью перекрыв дорогу.

Пробиться вперед, не устроив массовой бойни, было невозможно.

Гадар, Даген и Байгель стояли, чуть отойдя от выхода из пещеры, и держали защитное поле, а за их спинами лежали бэренновцы, скорчившись, сидел Тагир и, неизвестно как попавший сюда, тот самый парнишка, служивший приманкой. На камнях перед ними уже валялись с десятков копий и множество арбалетных стрел. Ланер отдернул Аринду назад, в темноту входа и начал быстро-быстро говорить ей что-то на ухо. поделился планом, а затем, сунув ей в руки всю одежду бэренновцев, вытолкнул наружу. Даген заметив ее, снял защиту, пропустил. И, едва успев уклониться от метко брошенного копья, и снова вскинул руки, восстанавливая поле. Аринда, сбросив с рук одежду, начала вызывать бот, поднося браслет почти к самым губам:

— Двенадцатый, двенадцатый, двенадцатый... не выдержала, почти закричала — Тардель, куда ты провалился?

— Слышу, слышу, — отозвался Тардель. — Можешь не вопить.

— Ланер велел передать, чтоб ты поднимал бот выше зоны видимости, ориентировался на нас и ждал сигнала. Дам знак, включай всю иллюминацию, все прожектора, сирену, в том числе и инфразвуковую и вниз на полной скорости. Не садись, зависай и накрывай нас защитным полем.

— Да что у вас там происходит?

— Ланер устраивает представление, чтоб стрельбу не открывать. Здесь народу много, не ошибись. Мы — правее бассейна, у стены. Все, жди. Я тебе фонариком посигналю.

А тем временем Ланер торжественно выступил в своей ало-изумрудной мантии навстречу возбужденной толпе. Впереди него, воздев чуть дрожащие руки к светлеющему уже небу, шагал проводник и пел звонким, почти срывающимся голосом гимн Месяца Зарождения.

Ланер старался не терять ниточки ментальной связи с проводником, которого сам же настроил на исполнение обряда Обращения, и напряженно ловил его мысли, чтоб не сбиться и не отстать. Парень остановился, не доходя метров десяти до первого ряда соплеменников и, встав на колени, протянул руки к Ланеру. Хорошо, что у парня оказалось четкое образное мышление, картинки он передавал довольно ясные.

Ланер простер правую руку, накрывая сверху сложенные лодочкой ладони, словно готовые принять небесный дар. Парень больше не пел, но гимн не умолкал, становясь все громче и слаженнее. Пели мужчины, все еще сжимая в руках оружие, но, по крайней мере, уже не целясь в готовых к нелегкому бою чужаков.

Аринда напряженно смотрела на Ланера, хотя больше всего ей сейчас хотелось лечь и закрыть голову руками. Боли не было, но осталась дурнота и серая с искорками дымка перед глазами, заставляющая то и дело с усилием жмуриться, чтоб вернуть четкое изображение окружающему. Она опустилась на колени, решив что, так будет легче, но ошиблась. Каменные плиты площади рванулись в лицо. Она успела выбросить вперед руки, оказавшись на четвереньках, но потом села поудобнее, опираясь на отведенную назад левую руку. Правую, с зажатым фонариком, держа на коленях. Вот так, пожалуй, можно и выждать

сколько нужно. Кажется, ее несколько раз окликнул Тагир, но повернуть к нему голову и не задохнуться от приступа дурноты, скорее всего не получится, и Аринда продолжала смотреть только на Ланера.

Хор смолк, и Ланер почувствовал, как проводник беззвучно передает ему первую, и по сути ключевую, фразу Обращения:

Дети Священного Витуса, я, Говорящий с Тенями приветствую вас... Толпа взвыла ответное:

— Он-нда!

Теперь можно было импровизировать, но прежде, чем начать свою речь, Ланер быстро оглянулся. От своих его отделяла блестящая черным глянцем гладь бассейна. Ну что ж. Аттракцион, так аттракцион. Хотя, если тот жрец с Даярды, то он мог показывать такие фокусы. И мысленно приказав проводнику торжественно двигаться к джанерам, начал:

— Неслыханная беда настигла нас! Тени Предков гневаются на своих детей! Они не сберегли наш покой и позволили чужакам нарушить Святость месяца Зарождения. Мы сами указали им путь в наше селение, и они пришли, попирая наши обряды. У них свои законы и тайная черная сила бережет их от нашего оружия, но они должны умереть и смерть их будет страшной. Смерть чужакам!

— Смерть! Смерть! — вновь забушевала толпа.

— Со Священной воды я призываю на их головы Тень Грозного Ужаса. Пусть Небо само покарает чужаков.

И, воздев руки, обратился к толпе.

— Опустите оружие и зовите месть на головы чужаков.

А сам ступил на воду бассейна и под нарастающие крики, посылающие проклятия чужакам, стал пятиться поближе к джанерам. Пятнадцать шагов потребовалось, чтоб пересечь бассейн. Оказавшись почти рядом со своими, Ланер вновь воздел руки и зычно крикнул, стараясь придать голосу торжественную мощь:

— Арин — нда-а!

Имя прозвучало, как заклинание.

Девушка, услышав сигнал, разом вскинула вверх лицо и правую руку с зажженным фонариком. Тонкий яркий луч ударил в небо.

И, как утверждала родившаяся потом легенда, Грозный Ужас с жутким, рвущим уши ревом, сверкающий молниями и святящийся нестерпимо ярким сиянием, упал на головы чужакам и, поглотив их, вновь вознесся в ночное небо.

В переполненном, больше похожем на медблок, грузовом отсеке бота Аринда выбрала самый дальний угол. Она забралась на сиденье с ногами, немного повозилась, устраиваясь поудобнее, и улеглась, устроив тяжелую голову на сгибе левой руки, положенной на широкий подлокотник. Тагир, что-то ворча себе под нос, устроился в соседнем кресле, расположенным под углом, так что они с девушкой оказались почти лицом к лицу, и она уловила на своем лице изучающий взгляд.

— Что, досталось?

Ей почудилось, что в голосе прозвучала насмешка. Аринда взаимно одарила соседа не очень ласковым взглядом, злорадно отметив, что Тагир смотрит на нее практически одним правым глазом. Левый почти полностью заплыл шикарным синяком, заползающим на скулу. Картину дополняла ссадина во всю левую щеку от виска до подбородка. И Тагир даже не

пытался убрать эти «украшения» со своего лица, а лишь сидел, глядя в одну точку мутным обессиленным взглядом, и часто дышал приоткрытым ртом. Левую руку десантник бережно прижимал к груди, и по рукаву, от плеча через согнутый локоть к запястью тянулась широкая оранжевая лента, та, что наклеивают при переломах. Втянутая из упаковки, она меньше чем за минуту твердеет до состояния жесткой упругости, обеспечивая надежную фиксацию поврежденной конечности. Такая же лента спирально обвивала левую, осторожно вытянутую вдоль кресла ногу.

Аринда только проворчала:

— А сам-то! — и закрыла глаза, стараясь подавить приступ тошноты. Безуспешно. Лишь началась сильная качка, что уводила кресло из-под головы, заставляя крепче прижимать к груди леггер и свободной рукой вцепляться в сиденье. — Не может быть, чтоб Тардель так безобразно вел бот, — обреченно думала она, — хоть бы скорее посадка...

Ее несколько раз окликнули, прежде чем девушка осознала, что ее зовут и, приоткрыла глаза. Перед ней на корточках сидел Ланер, и лицо у него было выглядело очень озабоченным.

— Аринда, как ты?

— Тошнит. И голова кружится. — Ответ прозвучал как жалоба, хотя жаловаться она не собиралась. И поэтому тут же поправилась, — я ничего, продержусь.

Ланер вздохнул и протянул желтый пластиковый пакетик.

— На вот, соку попей. Кисленький. Полегчает.

Такие двухсотграммовые пакетики с соком были только в одном месте, — в аварийном запасе бота. И если Ланер, нарушая инструкцию, вскрыл НЗ, значит, на самом деле хотел сделать что-то приятное. Аринда в первый раз видела начальника смены таким заботливым, больше привыкшая к его обычной строгой требовательности.

Она сделала три медленных глотка и произнесла виновато:

— Все. Я больше не могу, — и впервые за все время полета, приподнялась на локте, протягивая пакет с соком Тагиру, — Будешь? — и улеглась, свернувшись в кресле и вновь закрывая глаза.

Он отхлебнул немного и вернул пакет, тяжело откидывая голову назад.

— Эх, вы, вдвоем один пакет не осилили! — Ланер сочувствовал пострадавшим. — Тагир, а ты что?

— Прости, Ланер, похоже, меня развозит...я не долечу...

— Ишь, чего выдумал! Держись, держись, слышишь? Вон уже Даген к тебе идет. — И призывно махнул рукой, — Даген, быстрее!

Аринда лежала и слушала, не открывая глаз, как подоспевший Даген настороженно зовет Тагира, не давая тому потерять сознание. Сейчас его задачей было вытащить напарника из пропасти сброса в самом прямом смысле, протянув свои руки.

Девушка почувствовала на своем запястье осторожные пальцы, прижимающие пульс и отозвалась:

— Я продержусь, Ланер. Не беспокойся. Я скажу, если что...

— Ты лучше глаза не закрывай. Не пугай. Чтоб видно было. — И, помолчав, вздохнул. — Вот видишь, как все неладно получилось. — Ланер, похоже, извинялся. — Я хотел как лучше, когда не велел тебе отходить от меня ни на шаг. Думал — уберегу.

— А я и не отходила. — Но спросила совсем о другом, — Ланер, почему он здесь и против нас, если он с Даярды?

— Еще не знаю. Надеюсь, бортовой журнал хоть что-то прояснит. — И снова о наболевшем, не скрывая досады в голосе. — Ну, зачем ты сунулась под выстрел? Ведь он бы тебя не достал, стой ты на месте.

— Естественно, — Голос девушки звучал устало и почти равнодушно, — зато он достал бы тебя. И причем, как раз в тот момент, когда ты не мог даже защититься.

— А ты и это успела просчитать?

— Ланер! — почти взмолилась Аринда, — Не надо думать обо мне хуже, чем я есть на самом деле. Ведь ты бы не стал стоять и смотреть, если бы убивали меня?

Ланер чуть сильнее сжал пальцы на запястье у девушки.

— Я — твой должник. Если бы не ты — я бы сейчас здесь не сидел.

— А разве мы не из одного экипажа? Сам же учил быть единой командой, а теперь говоришь про какие-то долги. — Аринда осторожно высвободила свободную руку, — Я не думала, что ты можешь так сказать.

— Не обижайся, девочка. — Ланер провел тыльной стороной ладони ей по щеке, — ты права. Мы все вместе. И всегда будем вместе. И в этом наша сила.

В редкие мгновенья, когда кресло переставало выворачиваться из-под нее, Аринда прислушивалась к окружающему. Вот стало слышно, как Тагир начал отвечать Дагелу уже вполне нормальным голосом. Значит ему уже значительно лучше. А Дагел все ворчал себе под нос, вероятно приводя в порядок лицо напарника.

— И где тебе так помогло?

— Там же, на площади. На меня бросился один с ножом. Я прозевал его, сам виноват. Он прыгнул мне на спину, чтоб сбросить с обрыва. Вот, мы с ним вместе и кувыркались. Там сначала крутой откос, два уступа, он оказался подо мной и наконец-то разжал руки. Я выбрался на айдере, а он полетел вниз. Потом ребята меня прикрыли.

— Больше ничего не сломал? — голос Дагелы звучал очень озабочено

— Похоже, ребра помял, дышать больно, — и уже другим тоном, — ты лучше посмотри, во что леггер превратился. Пожалуй, легче его выбросить, чем починить.

Тут даже Аринда, любопытничая, открыла глаза. То, что висело теперь на леггерном ремне у Тагира, оружие напоминало весьма отдаленно. Что-то перекрученное и исковерканное.

— Ничего, — успокоил десантника Ланер, — Прилетим на «Аргон» — найдем для тебя новый. Главное, что сам остался жив. А болячки — дело поправимое. Потерпите немного, скоро долетим, — и пошел в пилотскую кабину, осторожно обходя лежащих на полу бэреновцев, спящего в кресле проводника и, парнишку из берегового племени, служившего приманкой, испуганно вжавшего голову в худенькие плечи и совсем непохожего сейчас на воина.

Устало глядящий в пол Байгель, поджал ноги, давая Ланеру пройти. Главное, что все живы. И задание выполнено.

Ланер появился в каюте Аринды почти сразу, как только Денира отпустила девушку из медблока. Аринда смотрела в иллюминатор и расчесывала волосы, но выражение ее лица, когда она обернулась на звук открываемой двери, было таким недовольным, что Ланер спросил еще с порога:

— Я тебе помешал?

— Нет, — ответила девушка вполне дружелюбно.

— Тогда объясни, почему у тебя разъяренный вид.

— Так нечестно! — пожаловалась Аринда Ланеру, который уже сел в кресло, нога на ногу и приготовился слушать, — Который день мы летим?

— Четвертый.

— А на Лэсте еще сколько пробыли?

— Еще двое суток.

— Вот видишь! И ты считаешь, что это нормально, держать меня под гипнотроном почти неделю, без моего согласия, между прочим?! Мы договаривались на несколько часов.

— Сколько Денира посчитала нужным держать тебя в медблоке, столько и продержала. Это ее право. С сотрясением мозга не шутят. И, по-моему, это был единственный способ удержать тебя в постели сколько положено. Или ты хочешь, чтоб первая же медкомиссия на Даярде списала тебя с корабля за профнепригодность, только потому, что ты не долечилась сейчас?

— Нет, не хочу. Ничего, — угрожающе пообещала Аринда, закалывая волосы, — все равно я научусь просыпаться, когда сама захочу. Я знаю — некоторые умеют сами, из-под гипнотрона. Вот подожди, я все равно научусь, и пусть тогда Денира попробует меня усыпить.

— Пробуй, если можешь. Данные у тебя есть. Даже сейчас тебя сложно усыпить без твоего согласия. А я, вот, до сих пор не умею сопротивляться ментальному воздействию. Еще чужому кое-как, а Денира меня уложит, если захочет. Не дано, так не дано.

— А где сейчас «Бэрэнна»?

— Ушла своим курсом. Она в нас больше не нуждается. Наши техники им все починили, остатки экипажа уже в полном здравии, так что они направились на Даярду пополнять команду.

— Не поняла! — Аринда присела на корточки напротив Ланера, — Если «Бэрэнна» ушла на Даярду и нам не по пути, то куда тогда летим мы? Мы, кажется, тоже домой собирались.

— Мы летим искать очередное приключение на собственные головы, благо, нам на них в этом рейсе чрезвычайно везет. И пояснил. — Вышел на связь Межгалактический Совет. И сам себе усмехнулся: если не КНОЛ, то еще есть кому нам приказы отдавать. Где-то в этом районе мотается пиратское судно. Что-то за ними слишком много всего числится, вплоть до нападения на Патруль Контроля. Был приказ всем кораблям подходящего класса выйти в данную зону, обнаружить и задержать.

— Задерживай, а они нырнут в гиперпространство, и поминай, как звали!

— Нет, в сообщении было сказано, что они могут идти только в обычном режиме, то ли двигатель у них не в порядке, то ли вообще не приспособлены для передвижения в гиперпространстве. Так что исследовательским кораблем «Аргон» был, спасателем был, осталось только попробовать себя в роли охотника.

Ланер рассказывал, а глаза у девушки постепенно загорались азартом.

— О! Кому чего, а тебе бы только приключений! Мало тебе Лэсты?

— Мало! — весело ответила Аринда, задорно тряхнув головой

— Ой, молодежь! — вздохнул Ланер, достал из нагрудного кармана, небольшой тряпичный сверточек и, встав, подошел к кровати, чтобы аккуратно развернуть его на одеяле. — Помнишь старого вождя, что хотел тебя в жены своему сыну?

— Помню, — кивнула Аринда, заинтригованная сверточком.

— Так вот, когда я отвозил парней назад в селение, он еще раз спрашивал о тебе, уж больно ты ему приглянулась. Это его подарок тебе. — И откинул, наконец, тряпочку.

— Что это?

— Насколько я понимаю — женские украшения.

Аринда осторожно протянула руку, расправляя кучку. Украшения были сделаны из мелких, чуть больше ногтя большого пальца, круглых перламутровых раковин розовато-желтых снаружи. Изнутри каждой, безупречно чистой, почти сияющей перламутром раковинки был прикреплен крупный ярко-зеленый камешек, прозрачный, икрящийся правильными гранями. В кучке было ожерелье с подвесочками, серьги и два браслета. Аринда долго перебирала украшения.

— Красивые, — тяжело вздохнула она, наконец.

— Я думал: ты обрадуешься. — Удивился Ланер.

— А куда их наденешь? К нашей форме...(она подняла левую руку, коснувшись кончиками пальцев подбородка) подходит только один браслет — джанерский.

— Да, и еще об этих украшениях. Вождь говорил, что они чуть ли не колдовские. Предупреждал меня, потому, что женщина, когда их надевает, может заставить полюбить себя кого угодно. Тем более ты. Вождь говорил, что никогда еще не видел женщину с глазами цвета этих камней, и утверждал, что эти украшения просто обязаны принадлежать тебе. Вот так. И когда мы вернемся, ты наденешь шикарное платье, красивые туфельки и эти камни для Гадара.

И вновь удивился, потому что Аринда вдруг стала очень серьезной и сказала, строго щуря глаза:

— Это мы еще посмотрим.

— Как знаешь! — Развел руками Ланер, — Я пошел. — И предупредил, — Через три часа тебе выходить на смену.

— Подожди, ты уже посмотрел, наверное, тот бортовой журнал. Откуда он взялся на Лэсте?

— Представь себе, я тогда чуть не угробил своего собственного родственника по материнской линии. Оказывается, в нашем роду джанеры были еще больше ста лет назад. Когда-то здесь, на Лэсте, совершил аварийную посадку наш корабль, из той, первой волны исследовательских судов. Трое из экипажа остались живы, но двигатель ремонту не подлежал. Связи с Даярдой отсюда не было. И они остались жить среди этого племени. И этот жрец — потомок одного из тех джанеров.

— А как назывался их корабль?

— «Призрак».

— Тот самый «Призрак», из старого Атласа?

— Выходит, что тот самый.

— Важный журнальчик ты нашел! Дашь потом и мне посмотреть?

— Конечно, дам. Но не забывай, что тебе на смену. Отдохнула достаточно

На «Аргоне» чувствовалось общее напряжение. Смесь жажды приключений в глазах молодежи, и постоянная готовность к опасности у бывалых джанеров.

Дежурства были укорочены вдвое, но и этого хватало. Тардель приползал к себе с покрасневшими от напряжения глазами, падал отлеживаться и даже есть не хотел. Аринда ухаживала за братом, как за маленьким, принося его любимые блюда прямо в каюту, и уговаривала не переживать, убеждая, что именно, он, Тардель, обнаружит чужака. А он лежал, закрыв глаза, и сквозь сомкнутые веки все еще видел яркую россыпь звезд, выучив до единой, еле заметной искорки все созвездия незнакомого прежде района чужой галактики. Аринда немного завидовала брату. У нее не было специальности пилота, и управлять она умела только ботом. Почти то же самое она повторяла и Гадару, и с удивлением чувствовала, как постепенно отдаляется от него. В душе нарастала тревожная пустота. Что-то непонятное манило. Что-то она должна была понять и не могла, зная лишь, что Гадар остается в прошлом, что их связывает только теперь давняя дружба.

Ответ пришел неожиданно, когда она разбирала свои отснятые материалы из тех, что оставила для себя, случайно попав на информблок, что снимала на Земле, у Сергея дома. И как захлестнуло, что-то перевернулось в душе, и та непонятная пустота заполнилась. Вот, кого ей не хватало все это время! И чужая планета, что осталась невероятно-где, продолжала настойчиво звать, обещая счастье, до которого теперь было не дотянуться.

Денира уже спала, когда на браслете зазвучал сигнал вызова. Она проснулась почти мгновенно. Такая реакция на вызов с годами превратилась почти в рефлекс, и, еще не успев открыть глаза, нажала кнопку контакта, услышав, как ее называли по имени. И в том, как именно было произнесено это единственное слово — тихо, протяжно, с ударением на последнем слоге, много пояснило. Был тут естественно и вопрос (слышит или нет?) и безысходная тоска, и старательно скрываемая, но прорвавшаяся все же, дрожь голоса. Женщина отозвалась сразу:

— Что у тебя случилось? Аринда, ты заболела? — ей не нужно было даже смотреть на экран браслета, где высветился личный номер говорящего — 07. Денира по голосу знала каждого члена экипажа.

— Нет, просто мне очень плохо.

— Хорошо, я сейчас приду к тебе. — И стала одеваться.

Зенднор тоже проснулся, спросил, приподнимаясь на локте:

— Что случилось?

— Спи, все в порядке, — отозвалась Денира и вышла в коридор спящего корабля.

В космосе день и ночь не меняют друг друга, но часы отсчитывали независимое корабельное время, и сейчас была ночь и тишина. Дверь каюты у Аринды не заперта, и женщина, легко толкнув ее ладонью, вошла внутрь. Как она и предполагала, в каюте было темно: единственный источник света — звезды за иллюминатором. Девушка сидела на кровати, обхватив колени руками, и можно было не включать освещение, чтобы понять, что она плакала.

Денира прошла, села рядом и потребовала:

— Давай, рассказывай, что у тебя случилось.

В ответ Аринда расплакалась еще сильнее и еле выговорила:

— Гадар...

— Что Гадар? — не поняла Денира — Опять поссорились?

— Нет, — всхлипнула Аринда.

И тут Денира не выдержала, прикрикнула:

— Да прекрати ты плакать! Вот, от кого слез не ожидала! Нечего было в джанеры рваться. Сидела бы на Даярде и рыдала бы там, сколько влезет. Выдумала в космосе сырость разводиться! Прекрати, я приказываю.!

Это подействовало. Девушка плакать перестала и вскинула руку, зажигая верхний свет на минимум.

— А теперь рассказывай! — тем же командным голосом потребовала Денира.

— Он меня любит..., — сказала, наконец, Аринда очень жестко и хриловато.

— А ты, естественно, другого? Интересно, кто же этот счастливчик?

— Его нет на «Аргоне», он остался на Земле.

— Так! Оригинальней ты ничего придумать не могла?

Аринда только головой покачала.

— Там, на Земле, я чувствовала себя сильнее его. Я знала, что Даярда самое лучшее, что есть во Вселенной. А когда попрощались — поняла, что мне его не хватает. И чем дальше, тем хуже.

— И что ты предлагаешь? Повернуть «Аргон»?

— Это невозможно. — Убитым голосом произнесла девушка, вытирая ладонью лицо.

— Тогда тебе придется просто жить с этим. В ближайшие сто лет экспедиций на Землю не будет. Так что думай, под силу тебе такое или нет. Если да — то не реви по ночам, если нет — приходи утром в медблок. Я помогу тебе все забыть, сотру твои воспоминания об этом чужаке.

— Ни за что! — рванулась Аринда.

— Тогда будь добра, держи себя в руках! Немедленно раздевайся и спать! Учти, освободить тебя от смены я не собираюсь. Любовь любовью, а работа работой. Раздевайся, я жду!

Быстрым упругим движением Аринда поднялась и рванула застежку куртки. Лицо ее закаменело, глаза превратились в тающие зеленые льдинки. И Денира, наконец, поняла весь ужас происходящего. Сейчас эта девочка переломит сама себя, ляжет и сразу уснет, потому что был ПРИКАЗ. Уснет с невысказанной, неуспокоенной болью в душе, с невыплаканными, но еще стоящими в глазах слезами. Она просила помощи, а что получила? Денира порывисто поднялась и обняла девушку за плечи:

— Аринда, девочка, прости меня, пожалуйста. Я не подумала, прости.

Девочка, на полголовы выше Дениры, стояла, напряженно замерев, и молчала. Оборвать ниточку доверия просто, а, вот, как восстановить?

Молчание затягивалось, и Денира первая рискнула нарушить его, попросив:

— Ты ляг, что-то у тебя холодно. Кондиционер не в порядке?

Аринда подчинилась, легла, но отвернулась к стене и, натянув одеяло на голову, проворчала:

— Кондиционер в порядке. Я сама его так отрегулировала.

Денира присела к ней на постель.

— Хочешь, я расскажу тебе о любви?

Девушка молчала. Денира вздохнула, оперлась локтями о колени и, положив подбородок на сплетенные пальцы рук, начала, глядя в пустоту перед собой.

— Когда-то давно, тогда я была еще моложе тебя, я влюбилась. Причем, самым безумным образом. Мне оставалось полгода до выпуска из Джанерской Школы.

Мы познакомились на вечере Окончания Сезона Дождей. Ты же знаешь, сколько молодежи собирается у нас в Школе: и наши, и КНОЛовцы, и электронщики и штатские.... У нас уже тогда была традиция не надевать на такой вечер ни форменной одежды, ни опознавательных значков, чтоб получалась единая, ничем не ограниченная веселая толпа.

Он был божественно красив, очень учтив и галантен. Он бесподобно танцевал, и я была на вершине счастья. Он, правда, сразу спросил, кем же я собираюсь стать, и я вполне честно ответила, что врачом. Он оказался специалистом по компьютерам. И больше мы ни о чем друг друга не спрашивали. Танцевали, смеялись, шутили. Потом начали встречаться на нейтральной территории, в Большом парке. Я приходила туда в штатском. Как мы любили друг друга! Какие подарки он мне дарил! Я была в восторге от его манер, речи, изысканности во всем. Такой предусмотрительности я еще не встречала. И эта сказка продолжалась, пока, за две недели до выпускного, он не предложил мне выйти за него замуж. Я обрадовалась, но спросила: неужели он согласен будет меня ждать? Сначала он удивился:

— Почему ждать?

— Но как же! Скоро выпускной, а там прощай Даярда! И может надолго.

— Так ты из Джанерской Школы?!

Несколько секунд он молчал, ошарашенный. На его лице сменялись крайнее изумление, и смятение, и досада... В следующее мгновение он превратился из любящего мужчины в разъяренного монстра. Как он на меня орал! Он обвинил меня во всех пороках. Что я воспользовалась его чувствами, что я обязана была его сразу предупредить, что я джанер. Что джанеры вообще не имеют права называть себя женщинами: самоубийцы, не имеющие ни дома, ни детей, и много-много прочей гадости. Я была в шоке. Трое суток я не спала, не ела и не могла думать ни о чем, кроме этой потери. После занятий я запиралась в комнате и никуда не выходила. До чего же высоким оказался первый барьер, поставленный моею профессией! На четвертые сутки, я собрала все его подарки, отправила ему посылкой и уехала на море. Там я взяла лодку, выехала на середину залива и долго лежала, глядя в небо. А потом у меня сломался мотор, и я не смогла его запустить. Вызвать спасателей КНОЛа мне, без пяти минут джанеру, не позволяла профессиональная гордость, поэтому я со слезами пыталась сама устранить неполадки. Наверное, я возилась очень долго, потому что, к лодке подплыл парень и спросил:

— Девушка, вам не помочь? И почему вы не вызываете спасателей? — Я была в ярости и закричала на него:

— Я вам не девушка, я из Джанерской Школы! Я думала, что от этих слов он шарахнет от меня, как звездолет от слишком крупного астероида, а он вместо этого улыбнулся: А ты молодец, нечего здесь КНОЛовцам делать. И, ловко подтянувшись на руках, влез ко мне в лодку. — Без них обойдемся. — И занялся мотором, периодически поглядывая на меня, а потом спросил: Что-то еще случилось? Не из-за мотора же ты так расстроилась?

И я все ему рассказала. Чужому человеку легче рассказывать, поделиться самым сокровенным. Он слушал молча, а когда я окончила, спросил:

— Так, где живет твой возлюбленный? Что-то у меня появилось желание его навестить.

Но при этом у него было такое выражение лица, что я принялась его уговаривать этого не делать, боясь серьезной разборки. И когда он, сплюнув за борт, сказал:

— Ну, и тойс его посети, твоего любимого! — у меня отлегло от сердца. Незнакомец тоже был красив, но совсем другой, спортивной красотой сильного мужского тела. Он был очень ловок и умел, по крайней мере, мой мотор послушался его и завелся. Парень поднялся и, пожелав мне удачно сдать экзамены, спрыгнул в воду и уже издали крикнул:

— Мы еще встретимся!

А потом был выпускной вечер, и он пришел поздравить меня с выпуском. Мы танцевали с ним целую ночь, ничего не обещая друг другу, потому что уже через три дня мне нужно было улетать.

В день отлета я с утра собирала вещи — разрешенную сумку личного груза, и мама суежилась возле меня, уговаривая взять то одно, то другое. Нам казалось, что будет мало, хотя уже ничего больше не втискивалось. Прощались мы дома. Я не могла позволить семейным проводить меня, боясь показаться несамостоятельной, почти ребенком. И в космопорт я отправилась одна. В новенькой форме, с большой сумкой в руках. Вот, теперь мне чудилось, что мой груз потяжелел, по крайней мере, вдвое. Я уже выбилась из сил, когда чья-то сильная рука перехватила у меня ремень сумки. Я оглянулась, не ожидая помощи. Сзади стоял тот самый парень, тоже в джанерской форме, и снисходительно улыбался:

— Пойдем! Нам, похоже, по пути.

Он довольно легко нес мои вещи, закинув на плечо еще и свою сумку, правда, гораздо меньших размеров. Пройдя двойной пропускной контроль, мы попали к выходу на летное поле и здесь, под козырьком голубого навеса, остановились. Я растерялась. На летном поле было не меньше полутора десятков звездолетов. Даже, если отбросить все транспортники и чужие корабли, то все равно оставалось не меньше шести звездолетов, и каждый мог оказаться моим. Парень, между прочим, сказал:

— Давай прощаться? — Он посмотрел на меня долгим, почти печальным взглядом: — Ох, и дурак же был твой возлюбленный! Отказаться от такой девушки! Если б я только мог, я б обязательно женился на тебе.

Он умолк, а затем уверенным, хозяйским жестом левой руки обвел летное поле:

— Который из кораблей твой? — Я растерянно молчала.

— Хорошо хоть у нас с тобой один порт приписки. По крайней мере, есть шанс встретиться когда-нибудь.

И так как я все еще молчала, вновь спросил:

— Ну, который твой?

И я жалобно ответила:

— Я не знаю.

— Как не знаешь?! Свой корабль?! — И возмущенно добавил: Ну и пополненьце! Название-то хоть помнишь, горюшко?!

Название я, естественно, знала. Поэтому выпалила быстро и уверенно: «Аргон».

— «Аргон»? — удивленно переспросил парень, и мне показалось, что вся печаль разлуки разом исчезла из его голоса. Он вновь подхватил мою сумку и скомандовал:

— Пошли! Таких милых стажеров у нас в экипаже еще не было.

Повернув голову, Денира увидела, что девушка внимательно ее слушает, и спросила:

— Как ты думаешь, кто был этот парень?

— Зенднор. — Сразу же угадала Аринда.

Денира осторожно и ласково погладила ее по голове.

— А хочешь, я расскажу тебе про твоего Сергея?

— Расскажи! — сразу оживилась Аринда, приподнимаясь

— С одним условием, — Денира прижала ее к постели, — ты будешь лежать очень смиренно и после постарайся уснуть. Без приказа. Просто так, как засыпают обычные люди на Даярде, спокойно и мирно, договорились?

Девушка, соглашаясь, прикрыла глаза.

— Тогда слушай. Когда вас обоих принесли на «Аргон»...

Сигнал тревоги всегда раздается неожиданно. Его пронзительные короткие звуки, больше напоминающие отчаянные вопли, в секунду снесли Аринду с постели, и когда зазвучала словесная информация, девушка была почти одета.

— Внимание! Экипажу занять свои места. Обнаружен чужой корабль, не отвечающий на сигналы. Всем сменам — боевая тревога.

Гонка за чужаком также мало напоминает свободный полет, как грозовая туча — легкое утреннее облачко.

Аринда, пользуясь тем, что не была занята непосредственными боевыми обязанностями, пробралась к пульта управления, откуда был самый лучший обзор. Ее успели только заметить и выругать, а вот, прогнать — уже нет, потому что Лейдель начал разгон. Она едва добралась до единственного, по счастью свободного кресла и защелкнула фиксатор, когда ускорение вжало ее в сиденье. Хорошо бы ей пришлось, застань ее этот момент где-нибудь в коридоре!

Чужак был значительно меньше «Аргона», но в скорости ему почти не уступал, а по маневренности даже превосходил. Только мастерство Лейделя позволяло «Аргону» не терять из виду юркого противника, по-прежнему не отвечающего на вызов. И когда чужаку не удалось оторваться от неизменно оказывающегося у него на хвосте «Аргона», он начал стрелять по преследователям, а вооружен он был на уровне истребителя. Зенднор сначала запретил отстреливаться, полагаясь на маневренность. Но, когда чужаки повредили-таки один из локаторов и левую наружную энергобатарею, приказал открыть ответный огонь, так чтобы припугнуть противника, не причиняя ему особого вреда.

Ближний бой — зрелище жуткое и в то же время исключительно захватывающее. Только бы смотреть, если забыть, что сам находишься в роли мишени. Как написали бы в книге «смотрел, затаив дыхание». Хотя его можно было и не затаивать. Оно прерывалось само собой, когда чудовищные перегрузки выжимали остатки воздуха из легких и чернота в глазах, и боль, и тошнота и все прочие «прелести» наваливались разом. Аринда ни сколько не жалела о том, что прибежала на пульт. В каюте перегрузки не меньше, а такого обзора нет. Лейдель заставлял «Аргон» двигаться так, словно это не большой корабль, а десантный бот, и, казалось, этому не будет конца. Но вот справа мелькнул серый шарик планеты, и Зенднор приказал:

— Заставьте их сесть.

Лейдель заложил крутой вираж и в очередной раз оказался в хвосте у неприятеля, а Тагир, выполняющий сегодня роль стрелка, аккуратно вlepил им в корму ракету, одну из самых легких, имеющих на борту.

Вспышка, отчетливо видная на экранах, подтвердила меткость выстрела. Чужак сразу же сбросил скорость, видимо пострадали двигатели, и, неуклюже покачиваясь, направился к планете. «Аргон» вежливо сопровождал его, проследив, как тот вошел в плотные слои атмосферы, явно желая совершить посадку. «Аргон» остался на орбите.

Планета относилась к разряду «мертвых». Ее атмосфера практически не содержала кислорода, и дожди, льющиеся из густых, никогда не рассеивающихся облаков, представляли собой слабый раствор кислоты. Соляной. Ровного места мало, все больше горы. Еще молодые, с островершинами, в основном бурными скалами, изъеденными кислотными осадками. С зондов были получены снимки поверхности планеты по секторам, составляя почти полную карту. Чужак словно провалился.

Временный лагерь оборудовала третья смена. Именно они возводили оранжевый надувной купол из скафандровой ткани, устанавливали защитное поле, проводили детальную разведку прилегающей местности. Номерная планетка подбросила еще один неприятный сюрприз — здесь было практически невозможно держать связь: со временной базы еще кое-как и только с «Аргоном», а с ботов ни в какую, не говоря уже о браслетах. В эфире были блуждали одни сплошные помехи, полностью гасящие радиоволны.

После двух дней безуспешных поисков (а световой день длился здесь двенадцать часов) к третьей смене присоединилась и первая. Не мог же подбитый корабль, на самом деле, бесследно исчезнуть. Три бота находились в воздухе весь световой день, сменяя экипажи через шесть часов.

Ланер на сей раз, взял с собой Гадара и Аринду, проверяемые сектора у них были, с четвертого по седьмой. Почти все время полета прошло в молчании, говорить не хотелось. Сказывалось двухсуточное напряжение, когда и сон, и еда, даже воздух, не один десяток раз регенерированный на Базе или вовсе химически чистый в баллонах скафандров, в данный момент больше чем на три четверти пустых у всего экипажа бота, — все кое-как. В кабине можно было обходиться без скафандров, поэтому все трое сидели, подняв лицевые щитки, и вдыхали запах моря (Аринда потихонечку перед полетом установила фильтр на систему вентиляции). Ланер заметил это, но ничего не сказал (комфорт он тоже любил). Аринда внимательно смотрела вниз, а думала совсем о другом:.

— Денира очень просила не обижать Гадара, дать ему возможность надеяться хотя бы до конца полета. Интересно, о чем думает сейчас Гадар, глядя на проплывающие внизу скалы шестого, предпоследнего сектора?

А скалы здесь выглядели сплошным нагромождением каменных столбов и пирамид. Они располагались так тесно, что пешком невозможно было передвигаться: бесконечные спуски и подъёмы по склонам, встающим почти вертикально.

Серый металл чужого звездолета первым заметил Гадар.

— Вон они, вон! — не сдерживаясь, радостно закричал он, указывая рукой вниз и влево. Аринда тоже вытянула шею, пытаясь лучше рассмотреть корабль их противников по недавнему бою. А там, судя по суетливым движениям черных фигурок, тоже заметили разведчиков. Ланер зашел еще на круг, чтоб успеть отснять чужой лагерь. Он мог поклясться, что на этом месте на карте ничего не было.

— Но вот же он, чужой корабль, вполне отчетливо виден.

Вполне отчетливо? Дальт лохматый, куда же он делся? Только что был и пропал!

— Защитное поле! — первым догадался Гадар, — у них маскировочное защитное поле с

зеркальным эффектом!

Уже в развороте сильный удар потряс бот. Ланер выругался:

— Стреляют, дальт их задери!

Бот взмыл вертикально вверх. Ланер успел еще скомандовать:

— Скафандры!

И все трое, почти синхронно, захлопнули лицевые щитки гермошлемов. Ланер не задумывался о труднопереносимых перегрузках — жизнь была дороже.

Страшный удар в днище настиг-таки их. И Аринда с ужасом обнаружила, что падает вниз головой среди горящих обломков. Слева кувыркался, пытаясь удержать равновесие Гадар, Ланера нигде не было видно.

— Хорошая все же штука — айдер!

Аринда вытянула вперед руки с намертво зажатым леггером и стала набирать скорость и высоту. Гадар, догнав ее, пристроился чуть сзади. Спускаться вниз и кружить, разыскивая Ланера, было нельзя — собьют. Главное, теперь добраться до Базы и доложить. Но айдер — не бот, скорость не та, на нем не скоро долетишь.

Аринда умела угадывать правильное нужное направление, не пользуясь никакими приборами. Она летела над самыми вершинами, а сзади, то поднимаясь, то опускаясь — Гадар. Погони не было.

Прошло уже около часа, напряженного, на предельной скорости полета, когда Аринда, услышав короткий вскрик, оглянулась. Гадар резко снижался, почти падал. Девушка спланировала, опускаясь на камни рядом с другом. Он стоял, прислонясь спиной к скале, бессильно уронив руки. На скафандре, через весь живот наискосок, вспух ярко-зеленый рубец автогерметизации. Лицо за щитком гермошлема неестественно — бледное. В глазах стоял самый настоящий испуг. И теперь было особенно видно, что он вовсе еще не отважный джанер, покоритель космоса, а совсем еще мальчишка.

— Что с тобой? Ты ранен? — спросила Аринда.

Он жалобно посмотрел ей в лицо и еле выговорил, настолько дрожал голос:

— Айдер...

— Что айдер? Объясни толком.

— Меня ударило при аварии. Он всю дорогу барахлил, а теперь... все...

— Подожди, — попыталась успокоить его Аринда, — проверь еще раз.

— Да проверял уже. Совсем не тянет.

Теперь испугалась и она. Отказ айдера в такой ситуации равносителен смертному приговору. Пешком по такой местности далеко не уйдешь. Некоторое время оба растерянно молчали, потом Аринда предложила, заглядывая ему в лицо:

— Подожди, давай на одном попробуем.

— Не потянет, — обречено отозвался он.

— Еще как потянет! Зенднор тяжелее нас обоих вместе взятых и ничего, летает вполне свободно. — И, видя в его лице все тот же обреченный испуг, подошла вплотную и, схватив за плечи, несколько раз потрянула из всей силы. — Ты, что, уже совсем не соображаешь ничего! Надо выбираться на одном айдере. — она кричала, не надеясь, что он поймет обычную речь, — мы с Тарделем так уже летали. Еще дома, баловались. А потом уже и тренировались по-тихому, чтоб никто не видел — и спросила: Ну, так что?

Взгляд Гадара стал серьезным. Чуть прищурился, он холодно произнес:

— Я тяжелее тебя. Инструкция запрещает брать груз даже равный по...

— Плевать я хотела на все инструкции! — взорвалась девушка — Твое дело сейчас — удержаться. Давай, я жду.

Она перехватила покрепче леггер и, повернувшись к Гадару спиной, замерла. Прошло около двух минут, прежде чем она почувствовала цепкий захват его рук на своих плечах и рывком поднялась в воздух. Полет был низким и неровным. У Гадара онемели руки, а она все летела и летела. Аринда забыла отключить микрофон, и парень слышал ее дыхание, частое и прерывистое. Он понимал, что ей приходилось тяжело. Для такого груза нужна более чем двойная перегонка энергии. Эта перегрузка из тех, что даром не проходят. И, словно в подтверждение его мыслей, Аринда вдруг шарахнулась вправо и вниз. Гадар чувствительно задел боком скалу. Потом последовал рывок вверх и опять вправо. Аринда явно теряла равновесие.

— Спускайся! Немедленно спускайся! слышишь? — отчаянно закричал Гадар.

Она продолжала полет и, лишь перевалив через вершину скалы, опустилась на ровную площадку — козырек, где буквально рухнула на камни. Гадар с трудом разжал онемевшие руки и, встав на колени, заглянул ей в лицо. Аринда сидела, закрыв глаза, и дышала приоткрытым ртом. Струйки пота стекали по бледной, почти голубоватой коже, и парень понял, что полет для него закончен. Еще немного такой перегрузки, и она, даже одна, не сможет подняться в воздух. Прошло несколько минут, прежде чем Аринда открыла глаза, посмотрев сначала в никуда. Потом ее взгляд сосредоточился на каком-то далеком предмете,

— Скала, — произнесла она хрипло и как-то тоскливо, — голубая скала. Мы здесь были вчера с Тарделем. От нее час лету до Базы.

Гадар проследил за ее взглядом.

— Да, и до нее минут десять, — прикинул он расстояние. И сказал, стараясь, чтоб голос прозвучал как можно увереннее:

— Вот что, Аль, дальше я не полечу. Давай одна, а я пока подожду здесь. Потом за мной бот пришьешь. У меня воздуха на два часа.

Она не отвечала долго. Сидела, обхватив колени руками, и молчала.

— Тебе плохо? — забеспокоился Гадар, положив ладонь ей на плечо. — Измучил я тебя, прости — Он говорил ласково и опекаяще. — Посиди немного и давай, лети, не трати время. Ты должна сообщить им о том корабле, и что нас подбили. Ланера надо искать.

— Никуда я не полечу, — резко оборвала она, — Я буду сидеть здесь.

— Это еще почему?

— Воздух. — Почти со слезами в голосе отозвалась Аринда. — У меня на сорок минут осталось. И еще резерв — пятьдесят выходит. А отсюда минимум час десять на хорошей скорости. Так, что все, Гадар, отлетались.

Она ткнулась лбом в колени и замерла. Смерть от удушья — перспектива незавидная. И ничего нельзя сделать. Даже айдерями не поменяешься. Для этого нужно скафандры снимать. Ситуация хуже не придумаешь. Один может лететь, но не долетит из-за воздуха. У другого воздуха с запасом, но айдер не в порядке.

Гадар тоже сидел и, не мигая, смотрел на счетчик воздуха на рукаве своего скафандра. И когда последняя цифра трижды прошла от нуля до девятки, он уже знал, что нужно делать. Он взял в руки свой леггер, задумчиво провел пальцами вдоль ствола. Вздохнул. Потом проверил, правильно ли установлен переключатель. Еще раз все проверил. Все движения

были точны и уверенны. Он поднялся и шагнул к Аринде, которая так и сидела, сгорбившись в позе бессильного отчаяния.

Несколько секунд он помедлил. Потом быстрым движением прижал ствол леггера ей к шее, туда, где шлем соединяется со скафандром, и нажал спусковой крючок. Она еще успела повернуть к нему удивленное лицо и судорожным движением вскинуть руки в попытке оттолкнуть, но, захлебнувшись от боли, мягко свалилась к его ногам.

А он стоял, опустив леггер, и все боялся перевернуть ее лицом к себе, напряженно вслушиваясь в тишину. Ни стопа, ни вскрика, только свое собственное хриплое дыхание.

— Вот и все.

Глава 13

Такого на «Аргоне» еще не знали, чтоб один член экипажа мог поднять леггер на другого. Да не просто на товарища— на собственную девушку, которую любил. Конечно, он мог подождать эти пятьдесят минут и спокойно снять айдер с трупа, но тогда у него самого было бы воздуха в обрез, а то и меньше. Да и смотреть, как она задыхается, не смог бы, наверное. Гадар хорошо знал эти скафандры, поэтому выбрал самое уязвимое место. Леггеры он знал еще лучше. И, если все было рассчитано правильно, то у него в запасе около двадцати минут.

Поглубже вздохнув и задержав дыхание для смелости, он перевернул девушку на спину. Тело было мягким и безвольным, как у тряпичной куклы. Лицо, мокрое от пота и слез, спокойно, и дыхания не слышно. Вот, тут-то и подкатил настоящий ужас.

— А что если я ее все— таки убил? Не рассчитал мощность и убил?!.. Нет же!.. Я ставил парализатор на минимум!

И еще раз, не доверяя самому себе, проверил правильность положения переключателя. Все правильно.

Положил заметно дрожащую руку ей на грудь в надежде услышать удары сердца. Да разве через одежду и скафандр что услышишь! Вот, тут-то и у него на лице выступили капельки холодного пота:

— Все, конец! Я убил ее!

Гадар медленно передвинул ладонь ниже, на живот и вновь замер в ожидании, сам на время перестав дышать. Через несколько секунд его ладонь слабо колыхнулась, потом еще. Гадар облегченно выдохнул:

— Дышит!!! Жива!!!

Теперь нужно было торопиться. Можно было бы, конечно, попытаться уговорить ее, но разве бы она приняла такую жертву. Найдя на поясе Аринды кнопку режима перекачки, парень полностью перегнал весь запас ее воздуха в один баллон. Подсоединил свой заправочный патрубок к ее пустому баллону и опять включил перекачку, глядя по счетчику, как его собственная жизнь по минутам перетекает к Аринде.

— Вот уже осталось 40...30...25...20...15...10...5...0! Все!

Гадар перекрыл клапан и нажал на кнопку резерва. Почти чистый кислород обжег горло. Мысли стали четкими, как никогда.

Вот и все. Теперь минут через пять Аринда должна очнуться. Некоторое время ей потребуется, чтоб прийти в более-менее нормальное состояние. Но все равно она теперь сможет добраться до Базы.

Гадар, улыбаясь, смотрел девушке в лицо и жалел, что не может дотронуться и хотя бы раз поцеловать. Не преодолев искушения, он все же протянул руку, накрыв защитной перчаткой гладкую поверхность лицевого щитка.

— Ты прости меня, пожалуйста, что причинил тебе боль, но у меня не было другого выхода. По крайней мере, я его не знал. Прости. Ты же знаешь, что я люблю тебя.

Аринда застонала, не открывая глаз, и неуклюже перевалилась на бок. И Гадар заторопился. Он перевел леггер на бластерный режим работы, сдвинул регулятор мощности до максимума. На секунду задумавшись, установил разовый импульс. Некоторое время он сидел, покачивая оружие на коленях, и глядел на счетчик воздуха, бесстрастно отмеряющий

последние минуты его жизни. Прощальный подарок для Аринды он уже сделал. Теперь нужно позаботиться о себе. У джанеров нет постоянного дома, нет и могил. После смерти тела сжигают, и прах рассеивают в космосе.

Гадар решительно поднялся, отошел чуть в сторону. Потом набрал полную грудь воздуха и, задержав дыхание, быстрым движением поднял лицевой щиток. Так же быстро сунул ствол леггера вдоль подбородка себе в скафандр и нажал спусковой крючок, перед этим крепко зажмурившись.

Аринду заметили уже почти на подлете к линии защитного поля, еле успев отключить его. Все дружно ужаснулись тому, что она не только не дала опознавательного сигнала, но даже не сбавила скорости. А, ведь, заведомо знала, что защитное поле временной Базы не имеет автоматического распознавания и одинаково отшибет хоть чужого, хоть своего. Да и полет у ее был более чем странный, состоящий из нырков и подъемов, резких рывков из стороны в сторону. Так не летают даже школьники. Она то и дело выравнивала равновесие вытянутыми вперед руками с намотанными на правое запястье ремнями двух леггеров. Даже в открывающийся створ шлюзовой камеры она не вошла, а влетела, неуклюже свалившись на лоб и колени, так и не подобрав вытянутых перед собой рук. И пока проходила прокачка шлюзовой камеры от наружного воздуха, десантники сквозь прозрачную переборку смотрели как она, все еще лежа, несколькими резкими движениями кисти размотала ремни, оставив на полу леггеры, потом подтянула руки, и, села, подогнув ноги, опираясь на левую ладонь. Коротко замигала лампочка, извещающая о том, что продувка шлюзовой камеры окончена, и Аринда стала поднимать лицевой щиток. Ей удалось это сделать только с четвертого раза. И все, кто получил, наконец, возможность попасть в шлюзовую камеру, увидели ее лицо: бледное, мокрое от пота и слез. На подбородок из прокушенной губы стекала тонкая струйка крови. Она молча обвела присутствующих мутным, плохо ориентирующимся взглядом, и хрипло потребовала:

— Карту!

Гардель, опережая всех, бросился к ней, чтобы помочь, но она остановила этот порыв:

— Сначала карту.

Она создавала впечатление абсолютно пьяного человека, которому не только удержать равновесие, а даже сосредоточить хотя бы на чем-то взгляд широко открытых, плохо соображающих блестящих глаз, стоило больших трудов. Даген принес и положил перед ней на пол компьютерную планшетку. Потребовалось трижды окликнуть девушку, прежде чем она резко потрясла головой, как бы стряхивая наваждение и начала очень медленно, одним пальцем набирать код доступа к информации, зачастую не попадая по клавишам. В конце концов, она сбилась и закрыла рукой глаза, сжимая виски большим и указательными пальцами. Через несколько секунд она с силой провела по лицу сверху вниз, опять потрясла головой и начала вновь набирать код. И опять сбилась. Даген аккуратно отстранил ее руку и быстро набрал код сам. Аринда благодарно кивнула и выдохнула:

— Шестой сектор.

Некоторое время она следила за проплывающим по экрану пейзажем воздушной съемки, пока не остановила кадр.

— Это здесь. У них маскировочный экран. Они нас подбили. Ланер пропал.

— А Гадар? Слышишь? Где Гадар?

Она молча разжала стиснутый до этого момента кулак левой руки, и все увидели на ее ладони наполовину оплавленный кусочек светлого металла, бывший до этого джанерским значком. Она тоже посмотрела себе на ладонь и снова стиснула кулак.

— А что..., — начал было, кто-то из третьей смены, но Даген резким возмущенным жестом заставил не в меру любопытного десантника замолчать. Он, как более опытный, видел, что дела обстоят значительно хуже, чем кажется. Аринда срочно нуждалась в отдыхе и медицинской помощи. Она уже давно полностью выложились, истратив все практически до предела, и продолжая сбрасывать последние резервы. И сейчас, когда намеченная цель была достигнута, могла в любой момент потерять сознание, и вывести ее из состояния сброса будет очень сложно. Вот, сейчас и был нужен партнер, чтоб поддержать необходимой жизненной энергией. Да где ж его возьмешь! Пытаясь оборвать нервное напряжение и боль, Даген присел рядом и, протянув к лицу девушки раскрытую ладонь, и приказал:

— Спать!

Но вместо того, чтоб подчиниться, Аринда, неожиданно — резким движением вниз и в сторону, отклонила голову и выдохнула:

— Нет!

И сразу же стало видно, чего ей стоило это усилие. Она часто задыхалась открытым ртом, короткими, похожими на кашель, толчками выдыхая воздух.

Тардель, до этого мгновения молча стоявший рядом, не выдержал, бросился к сестре и, встав на колени, одной рукой обнял ее, поддерживая. Кончиками пальцев приподнял ей подбородок, заставив посмотреть на себя, и ужаснулся: такой туманный, ничего не видящий был у нее взгляд. Тардель знал, что просто так ее не удастся заставить уснуть, с ее резистентностью и откровенной нелюбовью к чужому воздействию, и попытался испробовать единственно возможный способ. Он позвал сестру:

— Аль, Аринда... — Она не среагировала. — Ну, что ты? Это же я, слышишь! Пожалуйста, я прошу, расслабься. Тебе нужно отдохнуть. Да не сопротивляйся, это же я!

Тардель уговаривал ее, почти умолял и дождался — таки ответной реакции. Еще одно усилие и взгляд девушки стал осмысленным.

— Вот, хорошо. Теперь настройся на сон. Сама, сама, я только чуть-чуть помогу.

И, перехватив ее начинавший сосредоточиваться взгляд, успел послать синхронный приказ, самый мощный, на какой только был способен. И Аринда, не успев оказать сопротивления, разом обмякла у него на руках, закрывая глаза, и по ставшему ровным и спокойным дыханию стало ясно, что это все-таки не обморок, сопровождающий сброс, а так необходимый сейчас сон.

— На «Аргон», быстро! — скомандовал Даген и первым устремился к боту, чтоб принять у Тарделя его ношу.

Когда они появились в медблоке, Денира только руками всплеснула:

— Да что за наказание! Опять Аринда! Похоже, мне весь полет только ей и придется заниматься. — И сразу же спохватилась, — что с ней? Она без сознания?

— Нет, спит. Видела бы ты, в каком состоянии она появилась! Вот и пришлось...

Тардель растерянно топтался рядом. Он чуть подался чуть в сторону, пропуская подошедшего Зендора, но продолжал стоять, не спуская глаз с сестры, неподвижно лежащей на кушетке, хрупкой и беспомощной. Бывают же люди, буквально притягивающие к себе все несчастья. Аринда — одна из них: не было еще ни одного более-менее серьезного

задания, в котором бы она не влипла в какую-нибудь историю, обязательно проходя через руки Дениры, и ничуть не становясь осторожнее и предусмотрительнее.

Денира, не переставая расспрашивать Дагена, приказала:

— Тардель, если ты все еще здесь, то помоги ее раздеть. — И сразу же обратилась к Дагену:

— Так что с ней было?

— Я не понял. Начинаясь сброс, шок, шоковое состояние, сильная заторможенность, нарушение координации движений. Все это вместе. Смотреть было тяжело. Она сказала, что их бот сбили.

— Ого! — воскликнул Тардель начавший, было, снимать с Аринды гермошлем, — похоже, что в нее стреляли.

И чуть отвел голову сестры назад, так, чтобы все увидели ярко-зеленое пятно автогерметизации, намертвоприварившее гермошлем к скафандру. Пришлось резать неподатливую ткань аннигиляционным резачком из аварийного комплекта.

А когда, наконец, сняли скафандр, то на обнаженной шее девушки, как раз над левой ключицей стал ясно виден темно-вишневый, четко очерченный след касания луча леггера.

Интересно, — впервые подал голос Зенднор, — похоже, кое-что начинает проясняться. По крайней мере, половина ее состояния. Похоже на действие парализатора.

Денира между тем, быстро и уверенно, подключала свою многочисленную аппаратуру, опутав Аринду датчиками и манипуляторами. Закончив, она попросила:

— Разбудите мне ее, я подключу аппаратуру.

Аринда отозвалась не сразу. Сначала она задышала часто и прерывисто, а уже потом открыла глаза. Взгляд, сначала мутный и блуждающий, остановился на Зендноре, и капитан, увидел, как девушка внутренне напряглась, задержав дыхание на вдохе, и посмотрела уже более осмысленно. Только зрачки так и остались огромными, закрывающими почти всю радужку.

— Зенднор, — прошептала она, старательно выговаривая слова, — мы нашли их. Это ущелье в шестом секторе... Инфрасканер нужен... У них экран стоит...

— Хорошо, я понял, — Зенднор наклонился к ней, — где остальные?

— Ланера мы не видели... после аварии... У Гадара айдер... отказал... я пыталась... его дотащить... на своем, — и заторопилась, оправдываясь, задыхаясь от боли и боясь, что ей не поверят: я не бросала его, Зенднор... не бросала... Я пыталась... а он ... в меня... — голос у нее перехватило, и слезы навернулись на глаза, готовые политься обильным потоком. Денира, с тревогой следящая за девушкой, тронула Зенднора за плечо:

— Все, хватит. Ей нельзя больше говорить.

И отошла к пульту управления, начиная свою работу. Зенднор увидел как, почти сразу, гримаса боли исчезла с лица Аринды, оно расслабилось. Запекшиеся искусанные губы закрыли напряженный оскал зубов, разомкнулись судорожно стиснутые челюсти и, наконец, медленно опустились веки. Девушка уснула спокойно и безмятежно под мерное гудение аппаратуры. Зенднор какое-то время глядел в лицо Аринды, потом тяжело выпрямился.

— Денира?

— Все будет хорошо. Главное, что полного сброса нет. Ей нужно только время, чтоб восстановить силы. Все будет хорошо. — Она поднялась от приборов и начала выпроваживать неподвижно стоящих мужчин. — Идите, идите. Ей еще долго спать, так что отправляйтесь. — И вытеснила всех в коридор, плотно прикрыв за ними дверь.

Спустя некоторое время в медблоке появился Лейдель и застал Дениру сидящей у пульта управления за столом. Она уронила голову на руки и не двигалась. Но шаги Лейделя все же услышала и повернула к нему печальное, измученное лицо.

— А, это ты? Ты заболел? — Лейдель подошел, привалился плечом к стене.

— Вот, видишь, какой у нас экипаж. Даже тебя приучили к тому, что в твои апартаменты заходят только по великой нужде. — Он явно пытался пошутить, но почти сразу же стал очень озабоченным:

— Что с тобой, Денира, я тебя не узнаю? Может, расскажешь старому другу?

И она пожаловалась, разом выплескивая все, что скопилось у нее внутри и нестерпимой тяжестью лежало на душе:

— Просто я очень устала, Лейдель. Я устала быть сильной, устала бороться с чужой физической болью, лечить израненные души. Я устала считать потери. И никому не приходит в голову, что я не робот все-таки, не киборг, я — женщина. И мне иногда хочется побыть слабой! Зенднор меня понимает, но он сейчас так занят! А мне нужно, просто необходимо чье-то сильное плечо.

— Мое подойдет? — почти серьезно осведомился Лейдель. — Думаю, что я смогу тебя понять. Поплачь. Если ты еще не забыла, как это делается. Сегодня тяжелый день.

— Лейдель, ну когда все это кончится?

— Я был бы рад тебе сказать, что сегодня. Что больше мы никого не потеряем. Но ты же не хуже моего знаешь, что это не так. Думаешь, Вселенная, вдруг, изменится и позволит нам бескорыстно заглядывать в ее тайны? Нет! Мы всегда платили ей за это, и будем продолжать платить. Жизнями, здоровьем, сорванной психикой, искалеченными судьбами, одиночеством, кто чем. Мы гордимся тем, что можем прокладывать свои пути среди звезд, но стараемся не вспоминать, что пути эти обильно политы кровью. — Он замолчал, и некоторое время стоял, глядя в пол. Потом поднял голову и криво усмехнулся: — А нас еще рано списывать, Денира.

Ты можешь представить себе, что ты уже на пенсии? Я — не могу. Мы еще нужны «Аргону». Нам еще придется доводить до ума молодежь, чтоб они не гибли, вот так, в первом же полете. Может, что-то в наших силах?

А в плохие минуты мы всегда можем поделиться друг с другом. Я не хотел перед тобой философствовать, просто жизнь нельзя прожить, как под гипнотроном: без боли, без забот, без радостей...

И Денира посмотрела на него, уже слабо улыбаясь:

— Ты как всегда прав, Лейдель. Я замечала, у нас на «Аргоне» люди часто улыбаются, даже в серьезных ситуациях. Может, поэтому у нас такой дружный экипаж?

Когда обломки сбитого бота падали вниз, Ланер, потерявший сознание от удара, беспомощно кувыркался среди них. Но ему повезло. Повезло так, как везет один раз в жизни. Он вовремя очнулся, успел увидеть рвущиеся в лицо камни и, подав импульс на айдер, задержал падение. Пролетел с десятков метров над острыми обломками скал и мягко опустился на них. Перевернуться лицом вверх сил у него уже не хватило. Темнота беспомощности наворачивалась упущенное.

Сколько он лежал так — неизвестно. Вновь пришел в себя оттого, что кто-то грубо рвал у него из руки накрепко стиснутый леггер. Ланер пошевелился, пытаясь подтянуть под себя руки, тут же получив мощный пинок в левый бок, под сердце, потом еще. Так, что даже дыхание перехватило. Чуть повернув голову, он успел заметить чужую черную обувь с высокой шнуровкой и такого же цвета скафандры. После очередного удара его подхватили под руки и поволокли. Он пытался оказать сопротивление, но несколько жестоких ударов вновь погрузили его во тьму.

Очнувшись, Ланер увидел, перед глазами блестящий темно-синий пол. Шевельнулся, застонал от боли, поворачиваясь на правый бок, и обнаружил, что его руки смотаны тонкой пластиковой лентой от локтей до запястий. Покосившись на счетчик воздуха, с ужасом констатировал, что дышать ему придется только пятнадцать минут, и чуть подумав, решил рискнуть. Неуклюже действуя связанными руками, поднял лицевой щиток и глотнул чужого воздуха, приготовившись, если потребуются, вновь закупорить скафандр. Воздух в чужом звездолете ощутимо вонял сероводородом и еще чем-то очень едким, но дышать было можно.

— Хорошо хоть так, — подумал Ланер, осматривая пластиковую ленту, стягивающую руки, с огорчением отметив, что самостоятельно освободиться, пожалуй, не удастся. Тогда он сел, прислонившись спиной к крупно-ребристой стене, и стал ждать, оглядывая помещение. Пустое помещение, если не считать трех ящиков в дальнем углу, тесное и узкое, без иллюминаторов; на потолке дисковидная лампа, рассеивающая тусклый голубой свет по серым металлическим стенам. Ждать пришлось недолго. Дверь с неприятным скрежетом открылась, и на пороге появились двое хозяев, одетых в черную униформу довольно свободного покроя. У одного из них, от левого плеча до локтя, на рукаве блестело пять ярко-золотых дисков, у другого — три. В руках оба держали массивное оружие, отдаленно напоминающее леггер, стволами направленное в лицо Ланеру. Продолжая рассматривать пришедших снизу вверх, Ланер добрался до их лиц. Интенсивно-желтый цвет кожи, маленькие почти круглые сморщенные рты, плоские, похожие на звериные, носы и сильно раскосые, заползающие на виски глаза антрацитом — черного цвета. Над абсолютно лысыми головами возвышались острые верхушки больших полупрозрачных ушей. Тот, с пятью дисками на рукаве, пронзительно просвистел что-то почти переходя на ультразвук, внимательно посмотрел на Ланера, потом, недовольно морщась, проговорил, видимо повторяя то же самое, на сильно искаженном, едва узнаваемом интерлекте:

— Встать! — Ланер медленно поднялся, тоже внимательно следя за своими конвоирами.

— Пошел!

Его вывели в узкий темноватый коридор и резким толчком в спину направили влево, держа под прицелом своего оружия. Низкий потолок изредка имел на себе такие же дисковые лампы, весьма скудно освещавшие пространство. Видимо на этом корабле не очень-то беспокоились о комфорте: и плохая вентиляция и этот, портящий зрение, свет.

Распахнулась металлическая овальная дверь, и Ланера втокнули в просторное помещение, освещенное более ярко. От двери вперед к высокому массивному креслу тянулась синяя ковровая дорожка. В кресле сидел такой же ярко-желтый тип, обе руки которого от кистей до плеч были покрыты золотыми дисками. Он выглядел довольно щедро по сравнению со своими людьми. По бокам у кресла стояли два телохранителя на голову выше своего патрона и в плечах вдвое шире его. Ланер еще не успел, как следует все рассмотреть, когда сильный удар под колени сбил его с ног, а другой, такой же чувствительный заставил приложиться лицом к полу. Спас шлем. Если бы не он, то уж точно бы разбил и нос и губы. Ланер почувствовал на своей шее тяжелую ногу охранника и выругался про себя. Никогда его еще так не унижали. Он прислушивался и думал:

— Ну, погодите! Мое время еще не пришло.

Видимо ради самого Ланера, разговор велся на интерлекте.

— Во имя Великой Черной Бездны недостойный пришелец склоняется к твоим ногам, повелитель. Он туп до того, что не понимает благословенного языка Божественной Сальсулы.

Ланер силился вспомнить:

— Сальсула, Сальсула... Где же это? — он явно не помнил, — но это и к лучшему. Значит, эти голубчики так же не знают или же плохо знают Даярду и ее джанеров.

Тяжелый ботинок наконец-то убрался с его шеи, и Ланер получил возможность поднять голову от пола. Его вздернули на колени. В это время заговорил тот, кого называли повелителем. Он говорил на интерлекте более понятно, но тон его обращения еще тот:

— Кто ты, презренный червь, и почему вы посмели напасть на посланников Божественной Сальсулы?

Ланер, не спеша, поднялся, дернул плечом, сбрасывая с него руку охранника, и заговорил:

— По правилам Межгалактического Совета ваш корабль является пиратским судном и находится вне закона. За вами числится несколько преступлений. Вы подлежите аресту Межгалактической полицией. Вас ищет Патруль Контроля.

За такую дерзкую речь он немедленно получили сильный удар меж лопаток, заставивший его покачнуться и замолчать.

— Воины Сальсулы могут брать все, что захотят! А ты будешь казнен, червь.

— Как бы не так! — Ланер чуть развел ладони, складывая пальцы щепотью. Это был единственный шанс, и он не собирался его упускать. Только бы не выстрелили в лицо, а скафандр все выдержит. Молниеносно развернувшись, он поразил в голову сначала одного конвоира, потом другого. Следующий выстрел он предназначил правому телохранителю. И тут же почувствовал, выстрел из бластера на своем плече. (вот, был бы без скафандра!) Он был первым и последним. Телохранитель тут же лег к ногам своего повелителя. А у того и без этого маленький рот собрался в сморщенный кружок, нос вздернулся, глазки — прорези значительно расширились. В два прыжка Ланер преодолел расстояние, отделявшее его от трона, и щелкнул легоньким разрядом оцепеневшего от неожиданности «повелителя», стараясь попасть по ушам, почему-то вызывающим неприятное раздражение.

— А ну, тихо! Иначе тебе конец. — Ланер даже не надеялся, что сумеет взять на испуг чужого джанера, и сам удивился, когда тот, потемнев до цвета охры, жалобно заскулил и пополз на пол. — Сидеть! — прикрикнул на него Ланер. Повелитель замер. — Ну-ка развяжи мне руки. — Потребовал Ланер, поднося сложенные щепотью пальцы почти к самому лицу чужака. Тот нервно заерзал в кресле. — Ну, — поторопил его Ланер, — быстро!

Оранжеволицый, не сводя испуганного взгляда с чужака, наощупь разматал пластиковую ленту. Ланер почувствовал, как в кисти хлынула застоявшаяся в жилах кровь. Было неприятно до с трудом переносимой боли.

— Сколько человек в экипаже?

— Д-д — венадцать.

— Вызывай сюда по одному. Быстро! — Ланер встал за креслом повелителя. — Слушай, ты, я гарантирую тебе жизнь, если будешь вести себя благоразумно, понял? Одно слово на твоём языке и ты мертвец.

Новоявленный заложник только старательно и утверждающе мотал головой.

Ланер почти полностью прикрыл лицевой щиток гермошлема, приготавливаясь встречать пиратов. Насколько он понял, этот повелитель был вроде талисмана для экипажа и джанерского образования не имел.

Сначала все шло гладко. Они входили, как и договаривались, по одному, и Ланер спокойно их отстреливал. Но потом, видимо почуяв неладное, в зал ворвались сразу пятеро: вооруженные и, решительные и ловкие. Но вся решительность разом слетела со всех, когда они увидели своего повелителя бурого от гнева и страха, и свободно стоящего пленника у него за спиной. Они даже стрелять не могли, боясь случайно задеть повелителя. Зато Ланер не растерялся. Одного за одним, он свалил на пол всех пятерых. Он не знал, обладает ли защитными свойствами их форма и поэтому, подстраховываясь, целил неизменно в лоб.

К этому времени первые из оглушенных им неприятелей уже начали проявлять некоторые признаки жизни. Ланер, подхлестывая легонькими разрядами повелителя, с его помощью связал экипаж, растащил их по разным углам и постарался, памятуя их же ошибку, связать руки у каждого за спиной, прихватывая еще и ногу, чтоб не смогли сразу освободиться.

— А ну, веди, показывай, где у вас тут пульт управления. Нужно немедленно связаться с «Аргоном», а то я нам с тобой не завидую. Если мои помощники успели сообщить ваши координаты, то нас вполне могут уничтожить. Надо дать им знать, что я жив, и вы сдались, если, действительно, хочешь остаться в живых.

Ланер опередил выстрел с Аргона ровно на две минуты.

— Я С-04. Я — С-04 вызываю «Аргон».

Озабоченное лицо Зендора появилось на экране почти сразу же:

— Ланер! Наконец-то! Ты жив! А мы уже начали, было, думать, что и ты погиб. Лейдэль меня почти уговорил разнести этот змеятник в клочья, пока Патруль Контроля не подлетел. Как ты там?

— Экипаж нейтрализован. У них, оказывается, еще приветствуется анабиозный режим полета. 14 членов экипажа бодрствуют. 280 человек на борту, если считать вместе с пленниками.

— Помощь нужна? Выслать обе группы?

— Хватит и моих.

— Хорошо, встречай. И Патруль Контроля, кстати, на подходе. Так что, поторопитесь.

- Зенднор, насколько я понял, на «Аргоне» знают, что нас сбили?
- Аринда доложила. И ваши координаты тоже.
- Так, они живы?! Сумели добраться?
- Только Аринда.

Аринда проснулась от легкого щекотания под электродами на обнаженном теле. Не поворачивая головы, огляделась — родной аргоновский медблок. И Денира, кажется, куда-то вышла. Некоторое время девушка лежала неподвижно, как и предписывалось правилами поведения в медблоке, и, от нечего делать, смотрела в потолок, пытаясь вычислить ритм в периодических изменениях тона легкого гудения медаппаратуры. Электроника сработала исправно, в глазах уже ничего не мутилось, и боль исчезла. Тяжело так лежать. Не двигаться, когда чувствуешь, что все уже в порядке. И с ритмом, как назло, ничего не получается. Можно, пожалуй, рискнуть и попробовать встать, если Денира, вдруг, забыла...

Но только приподнялась на локтях, как сработали автофиксаторы, и четыре коротких щелчка слились в один. Упругие ремни захлестнули грудь, талию, бедра и голени, плотно прижав ее к ложу, и автомат, взвизгнув, завелся без пауз:

— лежать, лежать, лежать, лежать...

И замолчал, словно задохнувшись, переводил дух, очень напоминая живого человека.

Он выдержал паузу и отчеканил, разделяя слова на слоги:

Го-ри-зон-таль-ное по-ло-же-ние о-бя-за-тель-но. При-каз под-ле-жит вы-пол-не-нию. Пов-то-ря-ю. Го-ри-зон-таль-ное по-ло-же-ние о-бя-за-тель-но...

Оставалось только тяжело вздохнуть. Денира не забывала ничего. Тогда Аринда, преодолевая сопротивление ремней, насколько позволяли фиксаторы, нащупала у себя на шее цепочку и, перебирая ее между пальцев, добыла медальон. Она в минуты грусти и безысходности, часто смотрела на него, маленький, изящный, серебряный, уместающийся на мякише большого пальца. На полированную поверхность был нанесен тонкий узор из напаянной серебряной проволоки, образующей куст, покрытый крупными цветами. Если нажать внизу на чуть выступающий шпенечек, медальон раскрывался. И тогда, на левой его половине, становился виден портрет женщины в непривычной одежде с ребенком на руках, глядящей с понимающей печалью. А на правой — шестиконечный крест и на нем человек в позе полной боли и страдания. Чужие боги, хранящие сейчас ее жизнь, но не сберегающие от потерь. Сначала Реннер (хотя это было еще раньше) теперь Гадар... И только за один полет! Насколько длинным окажется весь список?

И Сергей тоже невообразимо далеко. Никаким контактом не дотянуться. Глядя на медальон, Аринда вспоминала Сергея и то, как они потеряли друг друга. Ей всегда хотелось плакать в такие минуты.

Появилась Денира и, увидев защелкнутые ремни фиксатора, с осуждающей улыбкой покачала головой:

— А-я-яй! Разве я разрешала вставать?

Аринда молча слушала, зажав медальон в кулаке под подбородком. А Денира, тем временем, села в кресло к пульта управления и поколдовала над клавишами. Фиксаторы, также быстро расстегнувшись, исчезли. Некоторое время она еще провела у пульта, считывая показания с приборов, затем поднялась, и, снимая датчики, сказала:

— Можешь пока быть свободна. — И, не выдержав, улыбнулась: Может быть, тебя в следующем рейсе сразу в медблок поселить? Все равно ты его слишком уж часто стала посещать.

— А я виновата? — обиделась Аринда, совсем по-детски надув губы. — Если так получается.

— Зенднор за тебя попросил, а то бы я тебя еще немного подержала. Скоро общий сбор, он хочет, чтоб ты присутствовала.

Аринда почти бегом направилась к двери.

— И куда ты на такой скорости? — рассмеялась Денира.

— Мыться. — Уже в дверях отозвалась Аринда.

В душевой она выбрала режим тонизирующего массажа и с наслаждением стояла под круговым напором голубых струй, пахнувших послегрозовым лесом и упруго бьющих по телу. Такой душ снимает усталость и стресс, особенно если закрыть глаза и ни о чем не думать, полностью отдаваясь водному блаженству. Вызов с браслета она услышала все равно, с сожалением отключила воду и, встав под обсушивающий поток теплого воздуха, отозвалась. Это был Тардель, и голос у него звучал встревоженно:

— Где тебя носит? Денира сказала, что уже давно тебя отпустила. Все собрались.

— Иду. — Коротко ответила Аринда и отключила связь.

Через минуту, на ходу приводя в порядок волосы, она уже была у дверей Центрального зала, откуда доносился приглушенный шум разговоров и смех. Еще бы, весь экипаж в сборе. Аринда открыла дверь и замерла на пороге, ища свободное место. С ближайшего, полностью занятого дивана ей, приветствуя, махнул Тардель. И в этот момент из противоположной двери вышел Зенднор, за ним трое чужаков в темно-фиолетовой форме с оранжевыми вставками на плечах и позади гостей еще кто-то свой. Кто, разглядеть она не успела. Время было упущено. Не бежать же через весь зал под смех экипажа в поисках свободного места.

Аринда, не долго думая, перемахнула через спинку дивана. Там она устроилась на корточках за спиной Тарделя и, положив руку ему на плечи, стала рассматривать чужаков, выглядывая из-за головы ворчащего брата. Она первый раз видела так близко патруль Межгалактического Союза, хотя словосочетание Патруль Контроля на слуху было постоянно. Они и спасатели, и таможенники, и просто блюстители порядка в просторах Космоса. Постоянные героини приключенческих книг, многочисленных легенд и историй, которые вам расскажут в любом космопорту. В Патруль Контроля вербуют с самых различных планет.

Стоящий слева патрульный — явно уроженец Даярды, хотя, видимо по их полицейской моде, волосы стриг совсем коротко. Лица у всех троих по самые глаза закрывали биомаски, если только то, что скрывалось под маской у двух других Патрульных можно было назвать лицами. Зеленый цвет биомасок почти сливался с их мелкочешуйчатой блестящей кожей, и крупные ярко-оранжевые глаза с вертикальными черточками зрачков были глазами рептилий. Ушных раковин на вытянутом вперед и сплюснутом сверху черепе вовсе не было. Руки (или лапы?) опущены вниз, прижатые к бокам. А на поясе, смиренно сплетенная пальцами бездействовала еще одна пара конечностей. Третья, более мощная, прочно стояла на полу. Ростом они были почти на голову выше своего коллеги, но смотрелись довольно тщедушно. Но первое впечатление часто бывает обманчивым. За хрупкостью форм скрывалась приличная сила и ловкость, недоступная людям, а в сплюснутом черепе прятался высокоорганизованный мозг. За их спинами, зачем-то тоже в биомаске, стоял Ланер. Вполне

живой и, судя по смеющимся глазам, в неплохом настроении.

Стоящий в середине Патрульный поднял к своей биомаске правую четырехпалую конечность раскрытой ладонной поверхностью вперед и торжественно произнес на очень чистом интерлекте:

— Патруль Контроля 14 отряд приветствует доблестных джанеров Даярды.

Экипаж «Аргона» отозвался дружным:

— Ай-я! — а Патрульный продолжил:

— Межгалактический Совет объявляет благодарность экипажу корабля «Аргон» и его капитану Зенднору в задержании преступников. Мы приносим вам соболезнование в связи с гибелью члена вашего экипажа. — Он, чуть помедлил, склоняя голову, а затем спросил: Мне хотелось бы увидеть и третьего джанера из разведывательного бота, обнаружившего преступный корабль. Поднимитесь, пожалуйста.

И Аринде, подружное, старательно сдерживаемое фырканье экипажа, пришлось встать на диване во весь рост. Даже Зенднор не выдержал, с удивленным упреком произнес:

— Аринда!

Она легко перескочила спинку и встала за диваном, чуть касаясь его пальцами.

— Подойди сюда! — скомандовал Зенднор, и она вышла вперед, встав рядом с Ланером, который сразу же стиснул ее левую руку в своей ладони. Аринда быстро глянула в его весело прищуренные глаза и чуть смущенно улыбнулась. Патрульные расступились, чтоб всем была видна эта, взявшаяся за руки пара, и тот же ящериобразный продолжил:

— За мужество, проявленное при выполнении задания, мне поручено Межгалактическим Советом вручить этим членам вашего экипажа Карточки Совета.

В зале одобрительно загудели и, вдруг, грянуло приветственное:

— Ай-я!

Из нагрудного кармашка он достал две оранжевые небольшие карточки. Это была высокая награда. На «Аргоне» такие имелись у Зенднора и Лейделя. Наградная карточка одна на всю жизнь, обеспечивала владельцу свободный доступ на все планеты Межгалактического Совета, внеочередное обслуживание в любом космопорту и еще много всяких приятных мелочей.

Патрульный пошел к Ланеру, и тот шагнул ему навстречу. Он вручил джанеру карточку, пожал руку, а скупающая до этого пара средних конечностей похлопала

Ланера по плечам.

И тут Аринда испугалась. По-дурацки, по-детски, чего с ней уже давно не случалось. Она представила, как ее касаются холодные лапы рептилоида. Девушка не испытывала брезгливости, просто глупый неконтролируемый ужас. Она быстро подавила в себе предательское чувство, но видимо этот невольный импульс был настолько силен, что оба ящериобразных Патрульных, и тот, что стоял справа, и тот, который только что поздравлял Ланера, удивленно посмотрели на нее. Девушка окончательно смутилась и опустила голову, чтоб не все видели, как ей стыдно. Вслух ящеры ничего не сказали, но карточку незамедлительно передали третьему Патрульному — уроженцу Даярды. И Аринда услышала прозвучавшие прямо в мозгу слова легкого упрека:

— Вот это да! Такая отважная и красивая девушка и вдруг боится рептилий!

В ответ на крепкое рукопожатие Аринда подняла все же взгляд, и Патрульный, улыбнувшись темно-серыми глазами, заговорщически ей подмигнул.

Это переполнило чашу ее стыда. Лицо ее еще ярче вспыхнуло.

Когда Патрульные, попрощавшись с экипажем «Аргона» пошли к выходу, Зендор с Ланером отправились их провожать до шлюзовой камеры, где, пристыкованный к «Аргону», их ждал свой корабль. Небольшой, очень маневренный и отлично вооруженный. «ДэБи — 14» по первым буквам на интерлекте — Патруль Контроля 14 отряд.

Аринда осталась стоять на том же месте, и на душе у нее было пакостно. Она чувствовала, что обидела ящерицеобразного Патрульного, хотя он очень тактично не подал виду. Он же не виноват, что родился таким, непривычным для чужих глаз, зеленым и с шестью конечностями.

Аринду обступили со всех сторон, стали поздравлять, а она стояла и думала о своем глупом поступке, а потом вдруг растолкала окружающих и бросилась догонять Патрульных.

Она настигла их в шлюзовой камере, когда они, попрощавшись, уже собирались шагнуть в шлюзовую люк, и, еще на бегу крикнула:

— Подождите!

Все трое обернулись, и Аринда окончательно растерялась. Оба ящерицеобразных Патрульных выглядели, на первый взгляд, совершенно одинаковыми. И ее лицо приобрело растерянное выражение. Казалось, она вот-вот заплачет, взгляд метался с одного на другого. Нозрительная память все же не подвела. Девушка узнала-таки незаслуженно обиженного рептилоида по белой нашивке на левой стороне груди и почти уверенно шагнула к нему навстречу. Она первая протянула для пожатия руку и, неотрывно глядя в немигающие оранжевые глаза, прошептала почти беззвучно:

— Извините, я не хотела Вас обидеть, я не нарочно. Я больше не буду Вас бояться. — Чуть дрогнули его вертикальные зрачки, и сухие сильные пальцы бережно сжали ее ладонь, задерживая в своей руке.

— Ты будешь отличным джанером, девочка. Уж поверь старому Патрульному. У тебя все еще впереди, хотя и начало тоже неплохое. Очень редко кто умудряется в таком возрасте заработать Оранжевую Карточку.

Едва заметно приподнялись в удивлении ее брови. Рука Патрульного была совсем не холодной, а сам он вовсе не казался старым.

— О, нет, девочка, — читая ее мысли, возразил ее ящер, — я отслужил в Патруле вчетверо больше, чем ты прожила.

— Откуда Вы родом? — спросила Аринда, так же пристально глядя в ему в глаза Патрульному.

— Планета Чиона, бета Орла. — Рептилоид отпустил ее руку.

— Я больше не буду бояться. — Вновь повторила Аринда полушепотом.

— Твое имя я знаю, а меня зовут Шетон Ог, — и поинтересовался — это твой первый полет?

Аринда все еще никакне могла привыкнуть к его немигающему взгляду.

— Второй. — Наконец ответила она, — еще стажерский был. — И ей показалось, что Патрульный насмешливо улыбается под своей биомаской. Теперь обиделась она и сказала, оправдываясь: Я была контактером на планете Земля. — И опять почувствовала его улыбку.

Она теперь явно не знала, как себя вести, а Патрульный вдруг сказал, подняв тонкий указательный палец почти до глаз:

— Подожди немного. — И скрылся в шлюзовом люке

Вскоре он вернулся, держа на раскрытой четырехпалой ладошке крупный фиолетово-синий кристалл с человеческий палец размером, закрепленный на двухцветной серебристо-

золотой спиральной цепочке. Крепление напоминало сжатую лапу рептилии.

— Возьми на память о старом Шетоне.

Аринда приняла подарок, подставив обе ладони лодочкой. — Это камень с Чионы. — пояснил Патрульный. — Согрей его дыханием. Температура вашего тела достаточна, и посмотри, что будет.

Аринда поднесла ладони к губам, и под ее дыханием кристалл начал менять окраску. Сначала он сделался ярко-синим, потом побледнел до голубого, приобрел цвет морской волны, затем изумрудно-зеленый, пока, наконец, пройдя весь спектр, не зарделся на ладони ярко-красным огоньком.

— Ой! — только и сумела выговорить она, восторженно глядя себе на ладони. И куда только пропал отважный джанер, получивший Оранжевую Карточку — осталась маленькая девочка со счастливой улыбкой. И все присутствующие тоже улыбались, снисходительно и понимающе. Аринда вскоре спохватилась:

— Ой, спасибо! — и забеспокоилась, растерянно, почти с испугом глядя на Патрульного. — Мне нечем отдариться.

— А я бы и не принял ответного дара. По нашим законам, если хотят доставить маленькую радость, никогда не берут ответного подарка. Доброе отношение не покупается.

— Извините. — Смущенно ответила Аринда, зажимая подарок в кулаке под подбородком.

— Теперь я чувствую, что мы еще не раз встретимся. Не забывай: Шетон Ог, Патруль Контроля, 14 отряд.

— Не забуду. — Пообещала она, теперь без всякой опаски пожимая на прощанье протянутую конечность сначала одного, а затем и второго Патрульного, за все время не изронившего ни звука. Третий, тот самый — уроженец Даярды, ненадолго задержал ее руку в своей. Он, смеясь, обратился к Зенднору, который вместе с Ланером молча наблюдал всю эту сцену.

— Зенднор, мы когда-нибудь завербуем твою красавицу в Патруль Контроля. Нам такие нужны.

— Не отдам! — тоже засмеялся Зенднор, — Без ее выходов на «Аргоне» скучно будет.

Так и не отпуская ее руки, Патрульный отстегнул от пояса и протянул девушке маленький фотонный фонарик, способный менять мощность от чуть заметной точки до слепящего прожекторного луча.

— А это от меня. Я — Лоннед, запомнила? — И весело прищурил глаза. — И мне тоже не нужен ответный подарок, разве что-нибудь вовсе невероятное?

— Это можно! — Вдруг осмелела девушка, и, высвободив руку из его ладони, привстала на цыпочки, дотянулась, быстро поцеловала Патрульного в висок, чуть выше биомаски и отпрыгнула в сторону. Глаза у Лоннеда стали шальными, и он не сразу смог даже выдохнуть.

— Нет, вы видели! видели? Ну, Зенднор, и девушки у тебя! Шетон, вот теперь я жалею, что пришлось одевать надевать биомаску.

— Так тебе и надо! — съехидничала девушка, и Зенднор одернул ее:

— Аринда!

Она быстро отошла, встав рядом с капитаном, и, сразу, сделавшись очень серьезной, вскинула левую руку в прощальном жесте. Полицейские замерли, также вскинув руки в прощании. Затем они одновременно повернулись, один за другим исчезли в шлюзовом люке, и он закрылся за ними. Провожающие медленно опустили руки. Ланер подошел к Аринде

сзади и обнял:

— Как хорошо, что ты осталась жива!

— Но Гадар погиб из-за меня. — Ответила девушка, зажмурившись, а когда разомкнула стиснутые веки, в глазах блеснули слезы.

— Иначе вы бы оба погибли, а он так тебя любил!

— Хороша любовь — глушить из леггера!

— Ему ничего другого не оставалось, — и попытался перевести разговор на другую тему. — А подарками тебя в этом рейсе завалили. Никому не дарят, только тебе!

Они не заметили, как подошла Денира.

— Вот, вы, где, герои новоявленные! — но тут же смягчила тон. — Очень рада за вас. — И обратилась к Ланеру: Будь так любезен, пройди в медблок. Не вечно же тебе ходить в биомаске.

— Вот так, Ланер. — Аринда вывернулась из-под его руки. — Попался? Теперь от нее не скоро вывернешься. Попомни мои слова! Я — то уж знаю.

Денира, улыбаясь, пригрозила ей пальцем:

— Нехорошо злорадствовать, Аринда. И, кстати, о тебе. Через три часа тоже зайдешь ко мне.

Пройдет совсем немного времени и самой яркой звездой прямо по курсу вновь окажется Вийда. И прозвучит приказ:

— Экипажу занять свои места. «Аргон» идет к Даярде.

Их примет родной космопорт. И, пройдя медконтроль, все получают возможность отправиться, наконец, по домам. Пусть ненадолго, но домой. И Аринда с Тарделем, взявшись за руки, пойдут из здания космопорта. Аринда закажет такси. Вовсе не потому, что очень торопится, а чтоб испытать, наконец, могущество своей Оранжевой Карточки. И Тардель будет снисходительно улыбаться очередной ее выходке.

И будет домашний обед. И счастливые лица родителей, получивших возможность увидеть своих шальных, блудных детей, которые вскоре вновь покинут дом, потому, что звездное пространство манит сильнее, чем даже родные стены, и «Аргон» уже готов к рейсу.

Больше книг на сайте - Knigoed.net